

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
А. С. ПУШКИН НОМИДАГИ ТИЛ ВА АДАБИЁТ ИНСТИТУТИ

Б. ЖЎРАЕВ

ЎЗБЕК ТИЛИНИНГ
ШАҲРИСАБЗ ШЕВАСИ
(ФОНЕТИК-МОРФОЛОГИК ОЧЕРК)

ЎЗБЕКИСТОН ССР „ФАН“ НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ-1964

А К А Д Е М И Я Н А У К У З Б Е К С К О Й С С Р

И Н С Т И Т У Т Я З Ы К А И Л И Т Е Р А Т У Р Ы И М . А . С . П У Ш К И Н А

Б. ДЖУРАЕВ

ШАХРИСЯБЗСКИЙ ГОВОР
УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА
(ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ • 1964

Книга является монографическим описанием говоров Кашкадарьинской долины Сурхандарьинской области. В ней рассматривается место шахрисябзского говора среди других узбекских говоров, приводятся краткие сведения об истории населения Шахрисябза, характеризуются фонетические и морфологические особенности шахрисябзского говора, особенности частей речи, словообразования, склонения и спряжения в сравнении с нормами литературного языка.

Книга рассчитана на специалистов по узбекской диалектологии, тюркологов, преподавателей, аспирантов, студентов филологических факультетов и учителей средних школ.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Шахрисябзский говор узбекского языка — это говор жителей современного Шахрисябзского района, включающего в себя центр (поселок городского типа) и прилегающие к нему северо-восточные предместья.

Диалектологические исследования показали, что общие с шахрисябзским говором фонетические, морфологические и лексические черты имеет говор жителей центра Китабского района, который находится в 8 км к северу от Шахрисябза. Некоторые незначительные различия между ними заключаются в неравномерном употреблении (т. е. в частоте) отдельных сосуществующих в указанных говорах грамматических форм. Например, в Шахрисябзе форма многократно-длительного времени в основном употребляется как *элайчийдим* и реже *элайдим* в одном и том же значении: „я брал, я взял бы“, а в центре Китаба имеет широкую сферу употребления вторая форма. Личное окончание II л. мн. ч. для форм прошедших времен, в которых показателем III л. ед. ч. является *-ди* и для формы повелительного наклонения II л. мн. ч., в Шахрисябзе широко употребляется в форме *-дизлэ*, например: *йэздизлэ* — вы написали, *йэзэйчийдизлэ* — вы писали, вы написали бы, *кэлизлэ* — приходите и т. п., в этом же значении сравнительно реже встречается форма на *-дийлэ*, например: *йэздийлэ*, *йэзэйчийдийлэ*, *кэлийлэ*. Для центра Китабского района характерно употребление второй формы и в отдельных случаях формы на *-дизлэ*. Аффикс отрицательной формы настоящего-будущего времени в Шахрисябзе *-ми || мэ*, тогда как в центре Китабского района только *-мэ*.

Шахрисябзский говор никем не исследован и, следовательно, ни в какой классификации узбекских диалектов и говоров не упоминается.

По последней, более полной и конкретизированной классификации А. К. Боровкова¹, предусматривающей четыре группы узбекских говоров (среднеузбекский диалект, шейбанидско-узбекский, или „джёкающий“ диалект, южно-хорезмский диалект и изолированные говоры), каждая из которых подразделяется на соответствующие конкретные группы, шахрисябзский говор по своим наиболее общим фонетическим, грамматическим и лексическим признакам может быть отнесен к типу самаркандско-бухарских говоров среднеузбекистанской группы среднеузбекского диалекта. Однако следует оговориться, что некоторые фонетические признаки самаркандско-бухарских говоров, отличающие их от других узбекских говоров среднеузбекистанской группы, для шахрисябзского говора не характерны.

По сравнению с другими диалектами узбекского языка в фонетическом строе шахрисябзского и самаркандского говоров встречается почти аналогичное употребление в слогах *ə* или *ɛ*. Например, по сравнению с ташкентским говором как в самаркандском, так и в шахрисябзском больше случаев *a* (а не *ɛ*) в первых слогах и, в частности, в двухсложных основах с конечным закрытым слогом² (типа *қазэн, эвқэт, савун, йалғэн*) и с конечным открытым слогом (типа *апа, бала, йақа, алма, башқа*), а также во вторых слогах двухсложных основ с конечным закрытым слогом (типа *қачэн, эхшэм, хьрмэн, тохсэн*)³. Кроме того, в шахрисябзском, как и в самаркандском, бухарском и подобных говорах, в исходном положении в двух- и трехсложных основах с конечным открытым слогом употребляется *ɛ* (а не *a*): *қудэ, тэгэ, савғэ, пичэ, тэмшэ, абдулла, хэйрулла, дэмулла*⁴. Другие фонетические качества шахрисябзского говора резко отличаются от самаркандско-бухарских говоров, для сферы влияния которых характерно двуязычие (узбекский, таджикский) и повседневное влияние таджикского языка на узбекскую речь. Так, гласный *ɛ* шахрисябзского говора, несмотря на почти аналогичное употребление в указанных слогах, в качественном и количественном отношении⁵ совершенно отличается от этого же звука в самаркандско-бухарских говорах: здесь он больше близок с таджикским *ɛ*.

¹ А. К. Боровков, Вопросы классификации узбекских говоров, Изв. АН УзССР, 1953, № 5, стр. 58—73.

² Там же, стр. 69—70.

³ Подробнее см. раздел „Фонетики“, приложение 1, пункт А.

⁴ См. там же, пункт Б.

⁵ См. характеристику фонемы *ɛ*.

Самаркандско-бухарские говоры различают губно-зубные проточные ϕ и ψ ; в шахрисябзском же говоре ϕ отсутствует и замещает его звук n , шахрисябзский ψ является губно-губным и в зависимости от позиции в слове имеет неслоговой вариант ψ^1 . Рамки ассимиляции начального согласного аффиксов с конечными согласными основ не ограничиваются случаями $n \parallel \partial \parallel m^2$, характерными для самаркандско-бухарских говоров, также не допускается полной прогрессивной ассимиляции начального согласного аффикса $-нъ$ исходному согласному основу, что наблюдается в ташкентско-наманганских и тяготеющих к ним сельских говорах³.

Отличие фонетических особенностей шахрисябзского говора от самаркандско-бухарских также заключается в том, что в первом носовой согласный η ($\eta\bar{e}$) имеет чисто тюркское произношение, тогда как во втором он выступает с призвуком: η^r, η^k . Шахрисябзский говор характеризуется также образованием в более широком масштабе вторичных гласных долгот. Таким образом, все гласные данного говора имеют долгий вариант, из которых долгий гласный \bar{e} играет смыслоразличительную роль (см. раздел „Долгота гласных“ и приложение 3). В этом отношении шахрисябзский говор тяготеет к наманганскому говору узбекского языка⁴.

По классификации В. В. Решетова, которая предусматривает три наречия узбекского языка, генетически восходящие к соответствующим родоплеменным группам (кыпчакское наречие, огузское наречие, карлуко-чигиле-уйгурское наречие)⁵, шахрисябзский говор по его общим фонетическим и грамматическим признакам мы относим к последнему. При этом следует учитывать некоторые фонетические особенности шахрисябзского говора, отличающие его от прочих узбекских говоров, например, он характеризуется отсутствием полной прогрессивной ассимиляции начального согласного аффикса родительно-винительного падежа $-ни$ исходному согласному основу и наличием чередования не $n \parallel \partial \parallel m$, а $n \parallel \partial \parallel t \parallel l$ (см. приложение 5).

¹ См. характеристику фонемы ψ .

² А. К. Боровков, указ. статья, стр. 72.

³ В. В. Решетов, Изучение узбекских народных говоров, В кн. „Узбек диалектологиясидан материаллар“, т. I, Ташкент, 1957. Ср. с приложением 5 нашей работы.

⁴ В. В. Решетов, Наманганский говор узбекского языка, Сб. „Академику В. А. Гордлевскому“, М., 1953.

⁵ В. В. Решетов, Изучение узбекских народных говоров, В кн. „Узбек диалектологиясидан материаллар“, т. I, Ташкент, 1957.

Что касается морфологических особенностей, то наличием формы настоящего времени данного момента на *-эн, -йэн* шахрисябзский говор сходится с самаркандским, который отнесен В. В. Решетовым „к ферганской парадигме (кроме наманганского говора)¹“.

Итак, шахрисябзский говор обладает такими сложными фонетическими особенностями, что его трудно отнести к какой-либо определенной группе узбекских говоров. Лишь по признаку распространения гласного *э* или *э* и строгого различия согласных *х* и *ҳ* этот говор можно включить в группу самаркандско-бухарских говоров.

Одной из характерных черт фонетики шахрисябзского говора является наличие большого количества соответствий как гласных, так и согласных в сравнении с литературным языком (см. приложения 2, 4), также ассимиляция согласных, как прогрессивная, так и регрессивная, в самых разнообразных видах (см. раздел „Характеристика согласных“ и приложение 4).

По морфологическим особенностям, в частности наличию форманта *-эн, йэн* (формы настоящего времени данного момента), единого аффикса *-га* (для дательного-направительного и местного падежа) и большого количества таджикско-персидских элементов, он составляет одну группу с самаркандско-бухарскими говорами. Однако в нем имеется ряд грамматических признаков, особенно глагола, которые отсутствуют в указанных говорах.

По лексическим же особенностям шахрисябзский говор больше всего тяготеет к самаркандско-бухарским говорам, лексический состав которых характеризуется наличием множества таджикско-персидских и арабских заимствований.

* *
*

Материалы нашего исследования собраны летом 1957 г. диалектологической экспедицией, в которой приняла участие также группа студентов (16 человек) филологического факультета Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Работа облегчалась тем, что автор является уроженцем этих мест и, еще будучи студентом (с 1947 г.), накопил значительный фактический материал по этому говору.

¹ В. В. Решетов, Изучение узбекских народных говоров, В кн. „Ўзбек диалектологиясидан материаллар“, т. I, Ташкент, 1957.

Помимо личных бесед с коренными жителями разных возрастов и профессий, мы принимали участие в собраниях, заседаниях и других общественных мероприятиях. Разговорные фразы записаны в совершенно непринужденной обстановке. Значительное количество материала записано из уст коренных жителей на магнитофонную пленку (около полутора тысяч метров).

Фонетические и грамматические особенности говора сравниваются с литературным языком, а также с другими говорами, особенно с самаркандско-бухарскими.

В работе пользовались принятыми среди узбекских диалектологов знаками транскрипции. Лишь в отдельных случаях, в зависимости от особенностей этого говора, применяем некоторые знаки, характер которых тут же объясняется.

* *

*

Современный Шахрисябз¹—поселок городского типа, расположен в Китабо-Шахрисябзской котловине на Большом узбекском тракте Ташкент—Термез, в четырех километрах от железнодорожной станции Китаб, в 80 км южнее Самарканда и в 120 км к северо-востоку от Карши, административно относится к Сурхандарьинской области УзССР.

Район граничит на севере с Китабским, говор которого почти сходен с шахрисябзским, на востоке с Мирокинским,² большинство населения которого составляют таджики, на юге с Яккабагским и на западе с Чиракчинским районами этой же области. В двух последних районах распространены в основном кыпчакские говоры узбекского языка.

Почти вся территория Шахрисябзского района, включая г. Китаб, обнесена древнейшей 88-километровой крепостной стеной, которую жители называют Чим (букв. „дерн“). Ученые предполагают, что Чим возник задолго до арабского

¹ Буквально— „город зелени“, или „зеленый город“. Такое название, по всей вероятности, связано с природой этой местности, так как вся Кашкадарьинская долина издавна отличается богатыми садами, зарослями и буйной растительностью, сохраняющейся большую часть года. А в данное время часто в обиходе говорят просто ша(х)эр. (См. М. Е. М а с с о н, Г. А. П у г а ч е н к о в а, Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке, Труды САГУ, новая серия, вып. 49, гуманитарные науки, кн. 6, Ташкент, 1953).

² Ныне он административно не является самостоятельным районом.

завоевания и, может быть, еще до той поры, когда Кеш¹ был главным городом Согда². А внутренняя стена была сооружена при Тимуре в конце XIV в., когда Шахрисябз был его резиденцией.

Большой интерес представляет этнический состав населения этого района. Как известно со слов местных жителей и из специальной литературы³ об этническом составе узбеков, большинство населения Шахрисябза составляют представители племени кенегез (местное произношение *кэ-нэгэс*). О происхождении этого племени и времени его прихода в эту местность в литературе нет определенного мнения. По сведениям Яворского (1878), „кенегес прежде был, якобы, отделением рода мангыт, но затем отделился от последнего“⁴. Относительно происхождения группы кирит И. Магидович считает, что „эта небольшая группа—остаток древнего тюркского племени кирей, из частиц которого сложилось, между прочим, племя кенегез“⁵. Нет единого мнения также о подразделениях этого племени. Одни утверждают, что оно „подразделяется на семь поколений: абахлы, ачамайлы, кайрасаллы, кыргыз (вероятно, киргизского происхождения), минг, тарахлы и чуть“⁶, другие считают, что оно состоит из пяти родов (у Магидовича—„отделов“); тарахлы, чуют (у Галкина—„чуть“), авахлы (у Галкина—„абахлы“, Магидовича—„овахлы“), очамайлы, кайрасаллы⁷.

¹ Т. е. Шахрисябз. Местность, которая совпадает в основном с территорией нынешних Шахрисябзского и Китабского районов, в истории известна как Кеш, позднее Кешский вилоят (последнее, разумеется, означает более обширную территорию). Например, „в начале XVI в. район Шахрисябза Бабур именуется Кеш вилояти“. (См. М. Е. М а с с о н, Г. А. П у г а ч е н к о в а, указ. статья).

В Таджикско-русском словаре слову „кеш“ даются следующие объяснения: 1) книж.—религия, вера; 2) религиозная, секта. II.—синоним слова шамшод—самшит, кавказская пихта; перен. высокий, стройный стан.

² М. Е. М а с с о н, Г. А. П у г а ч е н к о в а, указ. статья.

³ См. W. W. Radlof, *Phonetik der nördlichen Türk Sprachen*, Leipzig, 1882; Материалы по районированию Средней Азии. Кн. I, Ташкент, 1926; О. А. С у х а р е в а, *История городов Бухарского ханства*, Ташкент, 1958.

⁴ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, Ташкент, 1926, стр. 193.

⁵ Там же, стр. 220.

⁶ М. Н. Г а л к и н, *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю*, СПб., 1868, стр. 202; И. Б е к ч у р и н, *Шахрисябзское владение по рассказам Джурабека и Бабабека*. Ежегодник, вып. II, СПб., 1873, стр. 88.

⁷ См. А. А. К у н, *Очерки Шахрисябзского бекства, ЗРГО по делу этнографии*, т. VI. СПб., 1880, стр. 228; И. Магидович основывает

Любопытно, что некоторые из этих названий родов встречаются также в составе других узбекских племен, как, например, тарахлы в племени китай, очамайлы в племени кунграт, чуют || чувит в племени мангыт.

За пределами Шахрисябзского оазиса кенегезы живут также в Бухарском, Кермининском оазисах, в бассейне Лянгардарьи, в значительном количестве—в Фергане, Хорезме и небольшая группа— в южной части Самаркандской области¹.

По сведениям местных жителей, на территории Шахрисябза обитают, кроме того, представители других племенных и родовых групп узбеков: сарай, кунграт, мангыт, минг, карача, найман, катаган, уймаут, джагатай, калмак, могул и другие.

В самом деле, если обращать внимание на топонимику Китабо-Шахрисябзской котловины², то такое утверждение становится убедительным. Например нами зафиксированы названия местностей, соответствующие названиям той или иной родо-племенной группы узбеков: Тарахлы, Уймаут (относится к племени каракалпаков), Могултай, Кутча (у Радлова kutschi, название рода), Ёмчи (относится к племени сарай³ миришкор), Кирейт (в местном произношении *кэрэйит*, Чуютон (чуют + он—таджикский аффикс мн. числа), Чигатай (произносится *чэгэтайе*), Минглар (произносится *мэйлар*), Калмак-кишлак, Очамайлы, Айранчи (относится к племени найман), Ямончи, Севаз (относится к племени сарай) и другие.

Как видим, население Шахрисябза по этническому составу весьма различно, но преобладают представители племен кенегез. Любопытно, что большинство жителей названных населенных пунктов считает себя представителями племени кенегез, так как кенегезы некогда были, по-видимому, наиболее многочисленным и сильным племенем. Постепенно они ассимилировали представителей других, возможно, малочисленных родо-племенных групп. Шахрисябзцы с глу-

ся на сведениях Яворского; Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, Ташкент, 1926, стр. 193.

¹ См. Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, Ташкент, 1926, стр. 192. По словам В. В. Радлова, кенегезы распространены в основном в Шахрисябзе и Хиве (см. его указ. работу, стр. 39).

² Здесь расположено два района: Шахрисябзский и Китабский, но издавна они считаются одной местностью, что подтверждается почти полным сходством их говоров.

³ По материалам военного ведомства, сарай является отделом племени катаган. См. Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, Ташкент, 1926, стр. 192.

бокой древности постоянно общаются также с представителями народов иранской группы, в частности с таджиками.

Таким образом, население этого района сформировалось в результате сложного процесса слияния различных этнических групп, среди которых главное место занимали узбеки¹. Интересно, что почти половина из более пятидесяти названий кварталов современного Шахрисябза—таджикские, тогда как в предместьях почти все (более сотни) названия населенных пунктов—тюркские. По мнению О. А. Сухаревой, эти таджикские слова не только по происхождению, но и по форме (например, *коли хэптэвэқа, чуйтэн, мурдашой* и т. п.)—позднейшего происхождения, в противном случае они могли быть заменены узбекскими названиями, так как в этом районе живут только узбеки². Это объясняется, по-видимому, еще тем, что Шахрисябз одно время (в конце XIV—начале XV в.) наряду с Самаркандом и Бухарой был главнейшим центром культуры и науки. Здесь жили виднейшие ученые и представители духовенства того времени. Недаром Кеш (Шахрисябз) тогда называли куполом науки и обучения³. А в медресе был в ходу персидский язык.

До нашей эры Кеш (современный район Шахрисябза и Китаба) входил в одно из первых государств Согда. Китайцам „известны земледельческая культура и городские поселения на местах будущих городов Шахрисябза, Бухары, Кушании, Ташкента и Ургенча, подчиненные кангюйцам“ еще до нашей эры⁴. На территории Согдианы поселились племена иранской группы. „В VI веке н. э. население оазисов Средней Азии состояло преимущественно из народов восточноиранского происхождения. Однако именно с этого периода в Средней Азии начинается процесс все возрастающего смешения тюркских и восточноиранских народностей, лежащий в основе образования нынешних ее народов. Во многих районах уже тогда устанавливалась двуязычность населения“⁵. В истории Средней Азии известно, что во время походов и завоеваний Александра Македонского (IV в. до н. э.), арабов (конец VII—начало VIII в. н. э.), монголов (XIII в.) местность современного Шахрисябза была как

¹ О. А. Сухарева, указ. работа, стр. 132.

² Там же, стр. 133.

³ См. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, указ. статья.

⁴ См. Энциклопедический словарь Гранат, т. 41, ч. X. СПб., б. г., стр. 145.

⁵ Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, Госполитиздат, Москва, 1955, стр. 128.

бы проходным пунктом в Мароканд (ныне Самарканд)¹. Историки отмечают, что в середине XIII в. в долине Кашкадарьи поселились барласы, и Шахрисябз стал их резиденцией². XIV—XV вв.—период завоевания Тимура и господства Тимуридов в Шахрисябзе. Период с XVI в. (распадение власти Тимуридов и образование самостоятельных государств в Средней Азии) по XIX в. (до присоединения Средней Азии к России) характеризуется непрерывной борьбой местных правителей—беков Шахрисябза за независимость против бухарских эмиров и других завоевателей.

Все эти события оставляли следы и отражались на жизни и языке коренного населения Шахрисябза, свидетельством чему является своеобразие этого говора.

В одном из кварталов современного Шахрисябза проживают местные (бухарские) евреи. Время их прихода неизвестно. Как отмечено в сообщении о Шахрисябзе русского путешественника Маева, бухарские евреи населяли более ста домов³. Разговаривают они на таджикском языке со своеобразным акцентом, общаются с местными жителями только на узбекском. Кроме того, в городе живут русские, татары, армяне, грузины, в незначительном количестве таджики, которые общаются на узбекском языке.

Язык коренного населения и в городе, и в предместьях⁴

¹ Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, М., Госполитиздат, 1955, стр. 128; см. также: История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, Ташкент, 1955.

² М. Е. Массон и Г. П. Пугаченкова, указ. работа.

³ Н. А. Маев, Две недели в Шахрисябзе (Материалы для статистики Туркестанского края), Ежегодник, вып. V, СПб., 1879, стр. 93.

⁴ Другие называют также „мауза“ или „городская округа“. Вот что пишут об этом М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова: „Понятие термина „мауза“ ближе всего может быть передано словами „городская округа“. Так еще в недавнем времени в некоторых районах Узбекистана именовались местности, прилежащие к крупному, обнесенному стеной городу, охватывавшие его со всех сторон, тянувшиеся иногда на большом протяжении и состоявшие в значительной части из принадлежавших горожанам участков, занятых садовой, огородной и полевой культурой, так называемых „бог“—своего рода садов-дач, куда их владельцы временно переселялись с весны на весь теплый сезон года. Эти участки не являлись селениями или кишлаками, но разбивались на отдельные территориальные объединения, получавшие собственное наименование и повторявшие иногда названия городских кварталов, если на их территории размещались жители одного махалля. Такие объединения в отличие от „махалля“ назывались „мауза“ с добавлением собственного имени.

Шахрисябз до последнего времени был окружен именно такого рода землями мауза, которые даже привержие европейцы отличали от кишлаков, именуя их „предместьями“. (См. указ. работу).

Шахрисябза узбекский. Часть старшего поколения, имеющая духовное образование, владеет книжным фарси. Но основной массе персидско-таджикский язык чужд, хотя в лексиконе говора множество слов иранского происхождения.

Говоры жителей города и предместий мало чем отличаются, только в языке городского населения чувствуется большое влияние таджикского языка. Это относится больше всего к лексике данного говора. На территории Шахрисябзского района совершенно не встречено джеканыя.

Население Шахрисябзского района в основном занимается выращиванием хлопчатника, зерновых культур, садоводством, виноградарством, шелководством и животноводством.

Шахрисябз является одним из старинных в Средней Азии центров народного искусства.

Сегодняшний Шахрисябз превратился в один из культурных центров области. Растут новые благоустроенные дома, расширяется сеть культурных учреждений. В городе имеются библиотеки, кинотеатры, колхозно-совхозный театр, радиоузел, детские сады и ясли, больница, сельскохозяйственный техникум, автошкола, три школы-интерната (а по району насчитывается 125 начальных, семилетних и средних школ), музыкальная школа, городской парк и т. п. Шахрисябзцы, как и все советские люди, заняты созидательным трудом.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА

ВОКАЛИЗМ

В шахрисябзском говоре имеется семь гласных фонем¹:

$u(\text{ь})$ $y(\text{y})$
 $\text{э}(\text{е})$ $o(\text{ө})$
 $\text{э}(\text{а})$ $\text{э}(\text{а})$
 $\text{э}:(\text{а}:$)

Фонема *u* — узкий негубной гласный переднего ряда. В зависимости от позиции наблюдается ряд вариантов. В говоре они не играют никакой словоразличительной роли. Например, фонема *u* имеет следующие позиционные варианты:

1) рядом с глубокозаднеязычными согласными *қ, ғ, х* фонема *u* произносится как звук более заднего ряда: *қъзил* — красный, *қъльғ* — выходка, манера, *ғъррэм* — шулер, *мағъз* — зернышко, ядрышко, *пақър* — ведро, *сағър* — сирота, *эхър* — конец.

¹ При описании вокализма мы пользуемся общей транскрипцией, употребляющейся в диалектологических исследованиях по узбекскому языку:

Обозначение гласных звуков шахрисябзского говора в нашей работе	Их алфавитные соответствия в современном литературном языке
и, ь	и
у, ү	у
э, е	э (е)
о, ө	ў
э, а	о
е, а	а

В скобках указан индифферентный (комбинаторный) вариант соответствующего согласного, что важно для определения специфики данного говора.

Подобное явление наблюдается иногда в соседстве с согласными *м, н*: *дъм* — духота, *қыңқыр* — зигзагообразный, кошой, *шиңыл* — кисточка винограда, *даңқым* — моя слава;

2) в исходном положении слова после согласных (за исключением фрикативных *з, с, ш* и аффрикат *ж, ч*) артикулируется как более открытый и краткий звук, т. е. промежуточный между *и* и *э*, что обозначаем буквой *e¹*: *эмәке* — дядя по отцу, *қане?* — ну-ка! где?, *зәддәме* — урюк, абрикос, *кәтте* — он ушел, *чәйме?* — чай ли? *кодде* — он увидел, *йәңгә* — новый.

В этой же позиции в Самаркандском говоре фонема *и* выступает как более закрытое *и*, например: *қани* || *қани?* — ну-ка! где?, *бәзәрми?* — базар ли?, *бәдди* || *бәрди* — он ходил, он ушел;

3) в III л. ед. ч. прошедшего субъективного и настоящего времени в исходном положении фонема *и* произносится как звук средний между *о* и *у* с очень слабой артикуляцией и слегка лабиализованно, что обозначаем буквой *о*. Например: *ичипто* || *ичипте* — он, оказывается, выпил, *ишләпто* (*ишляпти*)² — он работает, *йәзип турупто* — он пишет. В этих же глагольных формах перед аффиксами *-ми, -лә* произносится как губной *у*, но чуть кратко. Например: *сәтәптуме* (*сотяптимми?*) — продает ли он?, *қайнәптуме* (*қайнаптимми?*) — вскипел ли? *қарап тохтаптулә* — он ждет (вежливая форма к 3-му лицу ед. ч.);

4) фонема *и* в шахрисябзском говоре имеет тенденцию произноситься более кратко и слабо, чем в литературном языке³. Ослабление и редукция гласного *и* особенно ощутимы в предударном положении независимо от глухости и звонкости окружающих согласных: *бүзә* (произносится *бзә*) — мы, *түлә* (произносится *тлә*) — проси, *тәнүде* (произносится *тән'де*) — он узнал, *кәлтүм* (произносится *кел'түм*) — мой ключ, *тәпүләде* (произносится *тәп'ләде*) — найдется, *күрә* (произносится *крә*) — наем.

¹ В этой же позиции иногда в глагольных формах III лица после согласного *т* фонема *и* артикулируется как *о*; например: *бәрәпто* — он идет, *ләпто* — он берет. Это встречается также в миришкарском, намаганском, кокандском городских говорах.

² Примеры в скобках из литературного языка даны для сравнения.

³ В сравнении с ташкентским говором также обнаруживается палатальность шахрисябзского *и*, особенно в предударном положении. Ср., например, в ташкентском говоре в этой позиции *и* произносится нормально, даже чуть протягивается (акцентируется): *вәзирә*, *хәммә*, *рәхимә*, а в Шахрисябзе: *вәз^ирә*, *хәл^имә*, *рәй^имә* (*и* весьма слабо и кратко); ср. еще: *хәбибә > хәббә*.

По мере удаления от звука *и* словесного ударения он все больше подвергается ослаблению и редукции. Ср. *п^иш* — созревай, *п^ишир*, *п(и)ш^ирилгэн* (произносится *пширилгэн*); *қ^ыш* — зима, *қ^ыши*, *қ^ыш(и)миз*; сир — тайна, *с^иримиз*, *с^ир(и)мизде (сиримизни)* — нашу тайну, *чил* — подножка, *чилим* — кальян, *ч^ил(и)мим*. Ср. также: *кодд^име* — увидел ли он?, *эл^ивич* — возьми и пей, *кэс^иво* — отрежь (для себя), *милисэ* — милиция и др.

В подобных случаях *и* иногда бесследно исчезает, как, например: *эктэ (иккитэ)* — две штуки, *мэмлэ (муомила)* — отношение, *оқвате (оқибати)* — следствие чего-то, *мусчэ || муччэ (мусичч)* — горlinkка, *ғэйвэна (ғойшбона)* — заочно, тайно, *машнақазэн (машина қозон)* — кастрюля, *нэсйэ* (насия) — кредит и др¹.

В результате ослабления и элизии гласного *и* в ряде случаев отдельные глагольные формы подвергаются сокращению. Так, например: *оқУво (ўқийвер)* — продолжай читать, *қэзУво (қазийвер)* — продолжай рыть, *кэлэллэ (келадилар)* — он придет (со значением уважения), *тэббе (топиб бер)* — найди (для кого-либо), *йэп^и қой (ёпиб қуй)* — закрывай, накрой, *қэргэ бэр:пс³ (қаерга боряпсиз)* — куда вы идете?, *қ'эчэн кэлэ:с³ (қачон келасиз)* — когда вы придете? В последних двух случаях исходный *с* произносится чуть протяжно с нисходящим призвуком *з*. Это только при умеренной, нормальной речи, а в эмоциональной или с повышенным тоном, например, при разговоре с глуховатым, гласный *и* последнего слога не опускается, а наоборот: *қ'эчэн кэлэ:си:с³*. Ср. еще: *йэх'шийнэ < йэх'шийинэ < йэх'шигинэ* — хорошо, *кэттийнэ < кэттэгинэ* — уже взрослый.

Подобные случаи редукции и ослабления гласного *и* наблюдаются в следующих позициях:

а) в закрытых слогах: *к^ип* (метатеза от *китф*; арабск. *کتف*) — плечо, *п^ит || бит* — вошь; пиши (архаичная форма), *қ^ыз* — дочь, девушка, *с^им* — проволока, *д^ым* — духота, *т^ин* (тийин) — копейка, *п^иң* — кислый, не в настроении, *бул²* — знать, *қ^ыл* — волосок, *к^ир* — грязный, войди, *т^ик* — вертикально и др.;

¹ См. дальше явление гаплоггии и стечение гласных при *sandhi*.

² Инфинитивную форму глагола передаем основой глагола с черточкой: *бил-* (лит.-орф. *билмоқ*).

б) в открытых слогах: *ирим* — примета, *инэк* — корова, *имэн* — вера, верование.

Более ощутимо это явление перед удвоенными (особенно глухими) согласными:

а) в закрытых слогах: *биттэ* — одна штука, *типпэт* — прямо, на ногах, *тиккэ* — прямо, вертикально, *тиллэ* — золото, *тиссэк* (*тирсак*) — локоть, *мижжэ* — ресницы, *қиҷҷэ* (*қизча*) — девочка, *биңнэк* — оса, *чиққан* — вышедший;

б) в открытых слогах в начале слова: *иттэн* — от собаки, *иссигх'* — горячий, *иҷчи* (*ишчи*) — рабочий, *иңнэ* — *иңнэ* — звукоподражание плачу ребенка, *иддэ* — капризный, *иллэ* — ежегодно, каждый год.

Гласный *и* после глубоководнеязычного *Ғ*, придыхательного *х* и рядом с среднеязычным *й* произносится, как более долгий, чем в вышеприведенных нами случаях: *Ғыш* (*Ғишт*) — кирпич, ср. *шыш* (произносится *ш'ш*) — опухоль, *чыш* (произносится *ч'ш*) — зуб; *хил* — зной, жар, ср. *тил* (произносится *т'л*) — язык; режь; *шийдэм* — чистый, гладкий, *Ғыйвэт* (*Ғыйбат*) — сплетня, *мэйиз* — изюм, *ийнэ* (*игна*) — иголка, *ийиҒ* — рана, образовавшаяся от кледи на спине вьючного животного.

Специального внимания заслуживают в говоре соответствия гласному *и* литературного языка.

Иногда литературному *и* соответствует *у*, например:

а) в начале слова: *учэк* — кишки, *уннэв* (индов) — индәу;

б) внутри слова: *думэҒх* — нос; настроение, *йэлпуҒх* (*елпик*)¹ — закрытое, *йэлпуҒуч* (*елпигич*) — веер, *сэннуҒх* — сундук, *тэнсуҒх* — редкий, редкостный, *эрруҒх* (*орик*) — тощий, худой, *кэмшук* — тот, у которого недостает зубов, *тунуҒх* (*тиник*) — прозрачный, чистый, *бэлуҒх* — привязано, завязано, *мэврүт* — случай; угощение, *йэлгуз* — одинокий; единственный, *эвсун* (овсин) — невестка (жена брата мужа), *чуун* (*чивин*) — муха.

Как следы губной гармонии в некоторых словах, имеющих в корне или в первом слоге лабиальный гласный, следующий слог (или аффикс) со звуком *и* в литературном языке в говоре лабиализуется (только в закрытом слоге): *огул* — сын, *огут* — удобрение, *коңнул* (*кунгил*) — сердце;

¹ Употребление в подобных случаях *у* вместо *и* обусловлено, видимо, переходом рядом стоящего звука *к* в *Ғ*.

жопрук — мост, *отун* — дрова, *чомуч* — половник, черпак, *откур* — острый, *олум* — смерть. (Подробнее см. раздел „Гармония гласных“).

В следующих словах в середине слова литературному *и* соответствует более открытый звук *э*, например; *хэле* (*хийла*) — довольно много, значительно, *хэл*, (*хил*) — род, вид, сорт, *йэф* — убирать, собирать, *йэгла-* || *йэла-* — плакать. В начале слова: *экке* (и все производные от него слова) вместо *икки*¹ — два.

В отдельных случаях наблюдаются соответствия литературному *и* ≈ *э* (*чозэфх* (*чүзиқ*) — продолговатый, *сэчэфх* (*сочик*) — полотенце) и *и* ≈ *э* (*йэлама* — не плачь, *чэвуркэ* (*чигиртка*) — саранча, *пэмэдур* — помидор).

Фонема *у* — узкий губной гласный заднего ряда. По артикуляции и произношению аналогичен этой же фонеме литературного языка. В отличие от последнего, он не встречается в исходном положении слова, в этой позиции литературный *у* заменяется в говоре звуком *и* (*е*). Например:

*қайғе*² вместо *қайғу* — горе; *ойқе* вместо *уйқу* — сон.

В шахрисябском говоре фонема *у* в зависимости от позиции имеет мягкий и твердый варианты. Рядом с отдельными переднеязычными согласными — фрикативными *з*, *с*, *ш*, смычными *д*, *т*, аффрикатами *ж*, *ч*, среднеязычным *й* — произносится, как звук более переднего ряда, например: *зулэйхэ* — (женское имя), *зуккэ* — сообразительный, *йүсүн* — (мужское имя), *йүллүз* — звезда, *дүйнэ* — мир, вселенная; богатство, *үчүк* — собака; *жүжүгүх* — дитя, малыш, *биззүм* (*бирзүм*) — один момент, один миг, *шүшүк* — бесстыдный, невоспитанный, *үйт* — стыд, *үйүш* — (пошли) мурашки по коже, *йүннүгүх* (*ювунди*) — помой, *чү:үн* — муха, *түзүк* — хорошо, правильно, верно.

В остальных случаях звук *у* произносится, как гласный более заднего ряда. Это особенно отчетливо выступает в соседстве с глубокозаднеязычными *қ*, *ғ*, *х*. Например: *қудугүх* — колодец, *ғумэй* — гумай, *хумэр* — страсть, *тулум* — яйцо, *буғдэй* — пшеница, *путэфх* || *бутэфх* — ветвь, ветка.

¹ Ср. в древнетюркском языке *йкi*. Подобные примеры для сравнения мы берем из кн.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М. Л., 1951.

² Буква *е* — твердый вариант *е*, употребляется только в исходном положении слова (ср.: *эмке* и *ойқе*).

По сравнению с другими гласными фонема *у*, так же, как *и*, имеет тенденцию к ослаблению и редукции. Это наблюдается особенно в начале слова перед глухими, внутри слова между глухими согласными и в предударном положении. В начале слова: *Упә* — пудра, *Үкә* — младший брат, *Үчқун* — искра; в середине слова; *тҮт* — тутовник, *сҮс* (*суст*) — слабый, медленный, *чҮш* — сон; слезай, *сҮт* — молоко; в положении предударного и неударного слогов (особенно после открытого слога): *қуруғх* — сухой. Ср.: *қуруғе* и *қур(у)ғьдән* (произносится *қурғьдән*); *чуқур* — глубокий. Ср.: *чуқҮре* и *чуқ(у)ридән* (произносится *чуқридән*); *үзүн* — длинный. Ср.: *үз(ү)нәсийә* (произносится *үзнәсийә*) — по длине, длиною.

Ослабление и редукция гласного *у* в предударном положении особенно ощутимы после губно-губного согласного *в*, который произносится как неслоговой *в*. Например: *дәвуш* — голос и *дәвши* — его голос, *кәвуш* — галоши (национальные) и *кәвши* — его галоши, *тәвуғх* — курица и *тәвге* — его курица, *сәвун* — мыло и *сәвне* — его мыло; ср. с произношением слова *хәвле* (*хавли*) — дом, двор.

В этой же позиции в безударном слоге *у* полностью редуцируется, например, в таких словах, как *хукмат* (*хукумат*) — правительство, *бәқват* (*бақувват*) — здоровый, *бәжгут* (*бовужуд*) — несмотря на то, что; однако; тем не менее.

В произношении звука *у* по сравнению с литературным языком прослеживаются следующие особенности.

1) В ряде случаев в анлаутной позиции *у* артикулируется, как более открытый звук, т. е. литературному *у* в говоре соответствует *о* (*ӯ*), например: *ой* — дом, *ойқе* (*уйқу*) — сон, *ойғрғх* — бодрствующий, *ойған* — просыпаться, *ойә* — нора, *оқала* — массировать, *овәдә* — рваный, изодранный, *омч* — суп с мелкими шариками теста, *оврә* (*угра*) — лапша, *он* — расти.

Такое соответствие наблюдается в отдельных случаях внутри слова: *сойунчи* — вознаграждение за приятную весть, *хожжун* (*хуржун*) — переметная сума, *ковә* — глиняный кувшин, *кой* — гореть, *комуш* — серебро, *нохтә* (*нуқта*) — точка, *боқрғх* — зоб, *моққай* — сгорбиться.

Аналогичное явление встречаем в русских, таджикских, и арабских заимствованиях, например: *топле* — туфли, *сомкә* — сумка, *рочкә* — ручка, *ковә* — куб, *рол* — руль, *нол* —

нуль, *моғжэ* (*муғча*) — почка, бутон, *моке* (*мукки*) — род обуви из грубой кожи, *топпэ* (*туппа*) — лапша, *бохча* (*буфча*) — узел, сверток, *мо:лат* (*муҳлат*) — срок, *со:бат* (*суҳбат*) — беседа.

2) В некоторых случаях наблюдается употребление гласного *и* (*е*) соответственно литературному *у*:

а) внутри слова: *шивирғэне* (*шувурғони*) — сорт винограда, *бирин* (*бурун*) — нос, *жоғжабиддэ:жэн* (*жўжабурдек жон*) — многодетный. Это явление прослеживается также в таджикских и арабских заимствованиях: *ситтэ* (*суфта*) — гладкий, *голин* (*гулунг*) — сушеный урюк, *ғ'эйир* (*гаюр*) — энергичный.

б) в конце слова: *ойқэ* (*уйқу*) — сон, *чолғэ* (*чолғу*) — музыка, *қайге* (*қайғу*) — горе. В таджикских заимствованиях: *каде* (*каду*) — тыква, *қоқэ* (*қоқу*) — одуванчик, *пэре* (*пору*) — навоз.

В говоре в конце слова *у* вообще не встречается.

Наблюдается случай отпадения *у* в начале слова: *вэт* (*увот*) — межа.

Фонема *э* — полуширокий (полуузкий) негубной гласный переднего ряда. Преимущественно употребляется в первом слове слова. По артикуляции напоминает русское *э* в слове *эти* (особенно в начале слова). Например: *этик* — сапоги, *эшик* — дверь, *экин* — посев, *эне* — теперь. А в середине слова произносится более закрыто, чем русское *э*. В этом отношении более закрытый характер имеет также по сравнению с литературным *э* (*е*). Ср., например, *тиллэн* — телефон, *иликтир* — электр, *патин* — патент, *ордин* || *оддин* — орден, *митир* — метр, *тиллигрсм(мэ)* — телеграмма, *истимэл* (*истеъмол*) — продовольствие, *пичинне* — печенье, *гэзит* — газета.

Такое более закрытое произношение наблюдается также в сочетаниях *эмиш*, *эди* со словами, оканчивающимися на согласный звук. Например: *бэриде* (*бор эди*) — было, *бэримуш* (*бор эмиш*) — говорят, что есть, *эзиде* (*оз эди*) — было мало, *эзимуш* (*оз эмиш*) — говорят, что мало. Ср. *тоққьтте* (*тўқ этди*) — слышался стук. А при сочетании *эмиш*, *эди* с причастиями на *-гэн* этот заместительный звук *и*, подвергаясь редукции, артикулируется весьма слабо, иногда доходит до нуля. Ср. *сэткэн(и)де* (произносится *сэткэнде*) — он продавал, *сэткэн(и)муш* (произносится *сэткэнмуш*) — говорят, что он продал. В сочетании *эди* с деепричастием на *-(и)б* звук *э* совсем исчезает. При этом *-иб* (на стыке) переходит в *у*; иногда в *о*:. Например: *сэту:де* (*со-*

тиб эди) — он продавал, *до:де (деб эди)* — он сказал (говорил), *но:йэвде (еб эди)* — он ел хлеб, *ушлэвде (ушлаб эди)* — он держал.

В сочетаниях *эди, экан, эмиш* со словами, оканчивающимися на гласный, в результате слитного произношения *э* артикулируется как *й*, например: *мэйдэйде* — был мелкий, *мэйдэйкан* — оказывается, мелкий, *мэйдэймуш* — говорят, что мелкий.

В сочетании *экан* с наречиями (*тез, эз, коп* и т. п.), с прилагательными (*йэман, эрруғ, ширин* и т. п.) и с причастиями на *-ган*, оканчивающимися на согласный, гласный *э* (слова *экан*) на стыке произносится как *э*, что наблюдается в подавляющем большинстве узбекских говоров. Примеры: *тэзэкан* — оказывается, быстрый; оказывается, острый; *эзэкан* — оказывается, мало; *йэманэкан* — оказывается, плохой; *эрруғэкан (ориқ экан)* — оказывается, тощий; *йэзганэкан* — оказывается, он написал; ср. еще: *онаккэ < он экке* — двенадцать.

Литературному *э (е)* в говоре соответствует также *э* в словах *кэмшук* — тот, у которого недостает зубов; *чэлэк (челак)* — посуда для жидкости, *чэккэ (чекка)* — сторона, *кэмир* — грызть, *кэмтук* — щербина, *кэндил* — кендырь, *бэлат* — билет.

В двух случаях (из зафиксированных нами материалов) литературному *э (е)* в говоре соответствует *о (ө)* — *бөдәнә* — перепелка, *соррэй* — стоять столбом, растеряться.

В результате губной гармонии гласный *э* вспомогательного глагола *вер-* < *бер-* при сложном глаголе, в котором корень основного глагола имеет губной гласный, лабиализуется: *коруво (кўравер)* — продолжай смотреть, *кулувудде (кулаверди)* — он все смеялся.

Фонема *о (ў)* — полуширокий закрытый губной гласный заднего ряда. Шахрисябское *о* является более задним и имеет более устойчивый характер, чем литературное *ў* (например, *о* почти одинаково произносится в словах *қол* — рука и *қол*, а не *қөл* — озеро) и чем *о* в других узбекских говорах, например, в миришкарском говоре, где звук *ө* переднего ряда, по словам исследователя¹, является основной фонемой, а *о* заднего ряда — его вариантом. В некоторых случаях шахрисябское *о* по сравнению с ташкентским ар-

¹ С. Иброхимов, Узбек тилининг Бешкент район шевалари юзасидан кузатишлар, В кн. „Узбек диалектологиясидан материаллар“, т. I, Ташкент, 1957, стр. 275.

тикулируется мягче (т. е. ближе к θ): *болле* (ташк. *болдъ*), *толле* (ташк. *толдъ*). Качественное отличие этих гласных зависит до некоторой степени от ассимиляции $ld > ll$.

Нами отмечен, кроме того, в шахрисябзском говоре индифферентный вариант звука θ — более мягкий, переднего ряда в окружении отдельных переднеязычных согласных. Например: *жәжә* — цыплята, *мөччә* — муравей, *чөпчәк* — мелкий хворост, но *чолле* — дуршлаг.

Как и в литературном узбекском языке и его говорах, фонема *o* преимущественно употребляется в односложных словах и в первом слоге многосложных слов: *кор* — слепой, *ой* (*уй*) — дом, *қол* — мокрый, *койлак* — рубашка, *полэт* — сталь.

В некоторых словах литературному \ddot{u} в говоре соответствует гласный \ddot{o} перед *r*. Например: *тә:рә-* (*түғрамоқ*) — резать по кускам, *зәғтә* (*зүғата*) — отверстие в диске кетменя, куда вставляется ручка, *йәғән* (*йүғон*) — толстый, *йәғ*^x || *йә*¹: (*йүқ*) — нет, *сәғун* || *соғун* (*сүнг*) — потом, затем.

В следующих случаях литературному \ddot{u} в говоре соответствует *a* (\ddot{a}): *қавурмәч*² (*қүғирмоч*) — поджаренный, *қавуччәғ*^x (*қүғирчоқ*) — кукла. Видимо такое соответствие обусловлено переходом интервокального $r > \ddot{v}$. Ср. еще: *жәвуттә* (*жәүрттага*) — нарочно, умышленно, *комкәк* (*күмкүк*) — совершенно зеленый.

Гласный \ddot{o} — широкий негубной звук заднего ряда. Распространение его в словах (по слогам) в Шахрисябзе почти аналогично с говорами самаркандско-бухарской группы³. Встречается во всех позициях слова. В зависимости от позиции в слове наблюдается целый ряд вариантов \ddot{o} в градации между *o* (\ddot{u}) и *a*. Например, ср.: *кучуқ қопте* (произносится *o*, а не \ddot{o}) — укусила собака, *бәвә* — дедушка, *тәвәғ*^x — блюдо, *қадәғ*^x — фунт, *тәғә* — дядя по матери, *әмәч* — соха. В первых двух примерах \ddot{o} тяготеет к *o* (\ddot{u}), первый в большей степени, а второй в меньшей. В последних двух примерах \ddot{o} тяготеет к *a*, первый в меньшей степени, второй в большей. Гласный \ddot{o} в остальных двух примерах представляет собой нечто среднее между *o* (\ddot{u}) и *a*. Именно это является типичным для говора. Только в от-

¹ Но в сочетании *уйоғ-буйоғ*^x — ни то, ни сё сохраняется *o*.

² Ср. с древнетюркским $qa \frac{\gamma}{v} u\ddot{m}a\ddot{s}$.

³ См. приложение 1.

дельных случаях *ɔ* произносится как более закрытое, губное, полуширокое гласное, вроде *o* (*ʊ*), например: *онə* — мать, *отə* — отец. Аналогичное явление отмечено в южно-хорезмском диалекте перед звуком *v*: *овқат* — пища¹. Иногда встречается также употребление *ɑ*, которое по артикуляции более передний и мягкий звук, чем *ɔ*. Например: *сайə* — тень, *йəман* — плохой, дурной, *шайə* — шелк, *сəман* — солома, мякина.

В аффиксах *-мқ* и *-рқ*, исходный гласный *қ* которых артикулируется как *ɤ*^x (но не выпадает)², гласный *ɔ* произносится чуть протяжно³: *бормəɔ* *ɤ*^x (*бормоқ*) — ходить, *кəт-тəрəɔ* *ɤ*^x (*каттароқ*) — чуть больше. Это, видимо, обусловлено в определенной степени произношением конечного согласного *қ* как *ɤ* с призвуком *x* (в середине слова и в той же позиции с другим конечным согласным наблюдается обычное произношение *ɔ*. Ср.: *бəғьм* — мой сад, *тикəн* — колючка, *кəвəп* — шашлык, но *эзрə:ме* < *эзрəғьме* — поменьше ли? Об этом см. раздел „Долгие гласные“ и характеристику фонемы *ɤ*.

Чуть протяжное произношение наблюдаем не только в этих аффиксах, но вообще в конечном слоге перед *ɤ* (*қ*), например: *очəɔ* *ɤ*^x — очаг, *тəйəɔ* *ɤ*^x — палка, *шəллəɔ* *ɤ*^x — удар, поби. Относительное удлинение этого звука замечается также в конечном слоге перед сонорными (*р*, *л*) и некоторыми проточными (*з*, *ш*, *ж*): *тумəɔ* *р* — амулет, *кулəɔ* *л* — гончар, *эйəɔ* *з* — мороз, *чəɔ* *ш* — куча, *тəɔ* *ж* — корона.

Внутри слова или при sandhi сочегание звуков *эн*, *эң* в положении перед глубокозаднеязычными согласными произносится как *ɔ* носовой и чуть долгий. При этом рядом стоящий носовой согласный *н* или *ң* исчезает или артикули-

¹ См. Фаттах Абдуллаев, К вопросу об оканье в узбекском языке, В кн. „Узбек диалектологиясида материаллар“, I, Ташкент, 1957, стр. 266.

² случаем выпадения *ɤ* и образования долготы предшествующего гласного можно считать слово *йə*; например, *йə*: бонийде (*йўқ бўлмайд*) — нет, не будет, не выйдет. Это, конечно, относится к единичным явлениям в говоре.

³ Аналогичное явление мы находим в ташкентском говоре. См.: З. М. Магруфов, Степени сравнения прилагательных в узбекском языке, Труды Института языка и литературы имени А. С. Пушкина АН УзССР, вып. I, Ташкент, 1949; Я. Г. Гулямов, Из наблюдений над морфологией ташкентского говора, В кн. „Узбек диалектологиясида материаллар“, I, Ташкент, 1957, стр. 204.

руется весьма слабо, назализуя предыдущий *о*. Например:
но:хор (*нонхӯр*) — едок, иждивенец (не *но:хор* и не *нонхор*),
эмә:қане (*Омон қани*) — где Аман? При употреблении дан-
ного гласного в шахрисябзском говоре наблюдаются следу-
ющие соответствия звуку *о* литературного языка.

1. Литературному *о* (*э*) в говоре соответствует *э* (*а*):

а) в начале слова — *эман* — здоровый, *эв¹* — охота, *элэв* —
огонь, *эвқот* — еда, обед, *эрруғх* (*ориқ*) — худой, тощий,
эйғх — нога.

б) в середине слова, открытом и в закрытом слоге —
элэқа (*алоқа*) — связь, отношение, *қазэн* (*қозон*) — котел,
тэмэн (*томон*) — сторона, *бэлэ* (*бола*) — ребенок, мальчик,
сэвун (*совун*) — мыло, *бэшқа* (*бошқа*) — другой, иной, *қавғх*
(*қовоқ*) — веко и др.² Гласный *э* (*а*) часто соответствует ли-
тературному *о* также в самаркандском говоре. Однако в
употреблении и распространении в словах фонемы *о* между
шахрисябзским и самаркандским говорами имеется известное
расхождение. Сравните:

в шахрисябзском говоре

хорәк
эйәл
әлә
әрәвә
вәҳимә || *вэй^имә*
рә:бәр
чәқир-
госәлә
копкәре

тәршә
қарә
пәхсә

бодәнә
ҳәлә

в самаркандском говоре

хорәк — пища, кушанье
эйәл — женщина
әлә — пестрый
әрәвә — телега
вәҳимә — страх, паника
рәхбәр- — руководитель
чәқир- — звать, кричать
госәлә — теленок
копкәри — козлодрание (спор-
тивная игра)
тәршә — цепки, стружки
қарә — черный
пәхсә — слой глины в глино-
битной стене
бодәнә — перепелка
ҳәли — вот скоро, в ближай-
ший момент.

¹ Комплекс звуков *ов* в начале слова в говоре соответствует *эв*. См.
также описание согласной фонемы *в*.

² См. подробнее приложение 3, пункт А.

2. В русских заимствованиях русский гласный *о* внутри слова произносится в говоре, как *у*. Например: *бэшпут* — паспорт, *духтур* — доктор, *тирэктур* || *тирэктир* — трактор. Ср. еще: *кэтишкэ* — картошка. Отмечен также *о* ≈ *и*, например: *мунийни хисивийэ* (*хисобига*) *йэтэммадим* — я никак не смог разобраться в этом, *исрип* (*исроф*) — бесполезная трата.

Фонема *э* — широкий негубной гласный переднего ряда. По артикуляции и произношению соответствует более мягкому *э* (в словах *экэ* — старший брат, *энэ* — вот, вон) литературного языка. Употребляется в любой позиции: *эстэ* — тише, потихоньку, *сэват* — корзина, *элэчэ* — род ткани. После глубокозаднеязычных согласных *к*, *г*, *х* обычно произносится, как гласный более заднего ряда и чуть уже, чем *э*, например: *гам* — горе, *галэте* — интересный, *халк* — народ, *қаннэҫ* (*қандай?*) — как, каким образом. Но и в этих словах фонема *а* по качеству отнюдь не идентична гласному заднего ряда *а* в джекающих говорах. (Например, в указанной позиции в ряде случаев отмечены употребления *э* вместо ожидаемого *а*. Ср.: *х'эсэ: тут* — низкий сорт тутовника, *қ'эчэн* — когда, *г'эне*, *г'эппэр* — мужские имена).

Более задний гласный *а* в шахрисябзском говоре, не являясь самостоятельной фонемой, выступает лишь комбинаторным вариантом. Перед исходным *г* *э* произносится чуть протяжнее обычного, например, ср.: *жсэг* *г* *х* — челюсть, *эргэ* *г* *х* — водка.

Эта фонема в говоре весьма устойчива. Она, в отличие от гласных *и* и *у*, не подвергается даже в предударном положении редукции или ослаблению, лишь перед *вер-* (*бер-*) в составе сложного глагола она редуцируется. Например: *кучэйвудде* (*кучаяверди*) — (он) все больше усилился, *кэл'вудде* (*келаверди*) — (он) все продолжал приходить, подходить.

Литературному *а* в шахрисябзском говоре в ряде случаев соответствует та или другая фонема, которая никак не зависит от положения в слове. Соответствие наблюдается во всех позициях слова.

1. Литературному *а* в говоре соответствует *э*

а) в начале слова¹: *эгдар* — свалить, перелицевать, *эгэнэ* (*агна*) — свалиться, валяться, *эхтэр* — искать;

¹ В этой позиции употреблению *э* способствуют, видимо, рядом стоящие заднерядные звуки *г*, *х*.

б) внутри слова в первом слоге: *йшир* — спрятать, *қзи* — рыть, *зхча* — галка, *нрвон* (*нарвон*) — лестница; в первом и во втором слогах: *жэйдэре* — местный, *нэшвэте* — груша, *тэтэр* — татарин; во втором слоге: *чигэр* — вынести, вывести, *ижэрэ* (*ижара*) — наем, аренда, *эвл* (*аввал*) — сначала, сперва, *уйт* — стыд, *чэқъмчи* — доносчик;

в) в конце слова: *босэгэ* — порог двери, *хэлвэ* (*холва*) — халва, *устэ* — мастер, *пэчэ* — муж сестры, *эзэ* — траур и др¹. В подобных словах литературному *а* соответствует фонема *э* также в самаркандском говоре.

Именно этим явлением шахрисябзский говор отличается от литературного языка и говоров ташкентского, ферганского типа и совпадает с говорами самаркандско-бухарской группы. Но последние, в отличие от шахрисябзского, находятся под повседневным воздействием таджикского языка. Поэтому употребление *э* в шахрисябзском и этих говорах не всегда аналогично. Например, в самаркандском говоре часто прослеживается таджикское произношение. Сравните:

в шахрисябзском говоре	в самаркандском говоре	в таджикском языке
<i>элвэ</i>	<i>элэв</i>	<i>алав</i> — огонь
<i>байрэгх</i>	<i>бэйрэг</i>	<i>байрақ</i> — знамя, флаг
<i>гэрэв</i>	<i>гэрэв</i>	<i>гарав</i> — залог, за- клад
<i>дэррэв</i>	<i>дэррэв</i>	<i>даррав</i> — немедлен- но, сейчас же
<i>зэгэрэ</i>	<i>зэгэрэ</i>	<i>зағора</i> — хлеб из ку- курузной муки
<i>мэжэгх</i>	<i>мэжэг</i>	<i>мачақ</i> — раздавлен- ный
<i>торвэ</i>	<i>торвэ</i>	<i>турба</i> — мешок, ко- томка

Видно, употребление *э* в этих словах в шахрисябзском говоре обусловлено характером рядом стоящих (следующих) согласных *в* и *ф*.

По сравнению с литературным языком в шахрисябзском говоре вместо *а* употребляется *э* также в причастиях настоящего и настоящего-будущего времени, что характерно

¹ См. подробнее приложение 1, пункт Б.

и для самаркандско-бухарских говоров. Например: *кэлэткин* (*келаетган*) — идущий (сюда) в данное время, *оқыйтигэн* (*уқийдиган*) — читающий, желающий читать, *бэрэткин* (*бораетган*) — идущий (туда) в данное время, *бэрэткин* (*борадиган*) — желающий идти (туда).

Подобное соответствие прослеживается также в заимствованиях из русского языка, гласный *а* в которых произносится в говоре как *э*. Например: *лагир* — лагерь, *гарэждэн* — гражданин, *пэмилейэ* — фамилия, *пичлэн* — план, *шкэп* — шкаф, *мэшин(э)* — машина, *искэлэт* — склад, *бэшпүт* — паспорт — *мэрт* — март, *май* — май, *папка* — папка, *грамм*, *бэнкэ* — банк; банка, *пухэңкэ* — буханка.

2. Иногда литературному *а* в говоре соответствует *и* (*е*):

а) внутри слова *чигин* (*чигал*) — спутанный (о нитках), *бэриве* (боравер) — иди (смело), продолжай идти, *бэмиймэн* (*бормайман*) — не пойду, *чийэн* (*чаён*) — скорпион, *шупиллэ* (*шупалла*) — в этот момент, в это время, *чэйнник* (*чойнак*) — чайник, *кинник* (*киндак*) — пуп, пупок, *чэйрик* (*чорак*) — четверть (мера веса);

б) в конце слова *пичи* (*пича*) — немножко, *нэччи* (*неча*) — сколько, *шэмме* (*шанба*) — суббота, *оттэнчи* (*уртанча*) — средний, *бирйоле* (*бир йула*) — за один раз, одновременно.

3. В отдельных случаях также наблюдаются соответствия *а* ≈ *э*. Например: *нэвэрэ-чэвэрэлэ* (*навара-чаваралар*) —

внуки и правнуки, *йэмур сэвэлэв* (*савалаб*) *йэгэпто* — дождь хлещет, *нэссэ* (*нарса*) — вещь, имущество, *кирэ:вэрэр-чигэ:вэрэр* (*кираверар-чиқаверар*) — то входит, то выходит; *а* ≈ *у*. Например: *жэувэл* (*жавоб*) — разрешение, ответ; *А* ≈ *О* (*Ө*): *рошэн* (*равшан*) — светлый, ясный, хороший (о зрении), *шө:лэ* (*шавла*) — рисовая каша.

Фонема *э*: по артикуляции отличается от краткого гласного *э* лишь протяжным произношением. Эта долгота отнюдь не этимологическая, первичная, а комбинаторная, вторичная, образующаяся на месте выпадения отдельных звуков, что наблюдается в говоре и с другими гласными. Однако долгота всех других, кроме долготы *э*, не играет никакой смысловозначительной роли.

Образование долготы всех гласных происходит в одинаковых условиях: часто на место *ع* (*айн*) и *ح* (хамза) в словах арабского происхождения и при выпадении *خ*, *к*, *ф*, *н*, *в*, *н*, (см. подробнее в разделе „Долгота гласных“).

Иногда долгота фонемы играет словоразличительную роль, что позволяет считать ее самостоятельной фонемой:

тә:нә (*таъна*)—упрек, укор и *тәнә* — тело, корпус; *ә:зә* (*аъзо*)—член и *әзә* (*аза*)—траур; *мә:тәл* (*маътал*)—задержанный, ожидающий и *мәтәл*—рассказ, загадка; *йә:лә-мә* (*йиғлама*)—не плачь и *йәләмә* (*ялама*)—не облизывай; *дә:вә* (*даъво*)—иск, претензия и *дәвә*—лекарство, снадобье; *тә:те* (*таҳти*)—никогда, ни в коем случае и *тәте*—возьми на пробу; *сә:не* (*саҳни*)—его площадь и *сәне*—тебя; *йүрә:де* (*юракни*)—сердце и *йүрәде*—он ходит; *әрә:дән* (*арақдан*)—(от) водки и *әрәдән*—с промежутка; *кәсә:сиз* (*кесаксиз*)—без комка (сухой глины) и *кәсәсиз*—вы режете; *әлә:дәде* (*элак деди*)—он просил сито и *әлә дәде*—он сказал „отсевай“; *тәпсә:чи* (*топсак-чи*) давайте найдем и *тәпсәчи*—а если он найдет; *әркә:ме* (*эркакми?*)—мужчина ли и *әркәме*—изнеженный?, любимец ли.

ДОЛГОТА ГЛАСНЫХ

Как известно, в узбекском литературном языке, так же, как и во многих других тюркских языках, отсутствуют первичные долгие гласные. Наблюдающаяся долгота — комбинаторного происхождения¹.

Точно такое же явление мы встречаем и в шахрисябзском говоре. Но, по сравнению с другими говорами (судя по имеющимся диалектологическим исследованиям), в шахрисябзском говоре вторичная долгота более широко распространена и определилась в фонетическую закономерность.

¹ Об этом см.: В. В. Решетов, Наманганский говор узбекского языка, Сборник статей „Академику В. А. Гордлевскому“, М., 1953, стр. 223—224; См. также: В. В. Решетов, Маргеланский говор узбекского языка, „Изв. УзФАН СССР“, 1941, 3; К. К. Юдахин, Некоторые особенности карабулакского говора, В кн. „Узбек диалектологиясидан материаллар“, 1, Ташкент, 1957, стр. 31—58; Ф. Абдуллаев, Урганч шевасининг баъзи бир фонетик хусусиятлари, там же, стр. 299—312 (в карабулакском и ургенчском говорах наряду с первичной наблюдается и вторичная долгота гласных); Ш. Афзалов, Узбек тилининг Паркент шеваси, там же, стр. 119—164; И. Фармонов, Тагаб шевасининг баъзи бир хусусиятлари ҳақида, там же, стр. 345—351; Ш. Шоабдурахмонов, Қўқон шевасининг баъзи бир фонетик хусусиятлари ҳақида, там же, стр. 313—322; С. Иброҳимов, Узбек тилининг Бешкент район шевалари юзасидан кузатишлар, там же, стр. 269—298; Т. З. Мирсоатов, Узбек тилининг қирқ шеваси, там же, стр. 229—262; Ҳ. Фуломов, Узбек тилининг Жиззах шеваси, там же, стр. 59—118; В. Эгамов, Галля-аральский говор Самаркандской области (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук), Самарканд, 1954; Н. Ражабов, Қарнаб шевасининг баъзи бир фонетик хусусиятлари, ЎзДУ асарлари, янги серия, № 66, Самарқанд, 1956, стр. 79—98.

Она образуется в говоре в следующих условиях.

1. В словах арабского происхождения на месте звука, изображаемого буквами ع (айн) и غ (хамза):

а) долгий э. Например: тэ:б (تَعَب, таъб): уни тэ:бе х'ира — у него плохое настроение; лэ:нат || нэ:лат (لَعْنَة, лэънат) — проклятие, нэ:рә (نَعْرَة, наъра) — рев, крик, дә:пә (دَفْعَة, даъфа) — раз, нэ:п (نَعْف, наъф) — польза, удача, нэ:л (نَعْل, наъал) — подкова. Также долгий э артикулируется на месте -уъа (ع'а) и -уъ (а'), например: мә:лим (مُعَلِّم, муаллим) — учитель (ница), қайшә:вә (арх. қайд шуъба) — место бракосочетания, мә:зәм (муаззам) — женское имя.

Однако не всегда на месте -аъ- произносится долгий э, например, в следующих словах отсутствует долгота: мәйип

(مَعْيُوب, маъюб) — дефективный, неполноценный, нәшә (نَشَعَة, нашъа) — хмель, удовольствие, опиум;

б) э: образуется на месте звука, изображаемого ا, (еъ): пә:л (فَعْل, феъл) — характер, натура, э:тибор (عِتَاب, эътибор) — авторитет, почет, внимание, нэ:мәт (نَعْمَة, неъмәт) — изобилие, э:тиқәт (عِتْقَات, эътиқәд) — убеждение, вера, но мәдә (مَعْدَة, меъда) — желудок;

в) о:(ө:) появляется на месте звука, изображаемого ا (уъ); шо:лә (شُعْلَة, шуъла) — луч, свет, но:мән (نُعْمَان, нуъмон) — имя собственное, но мумин (مُعْمِن, муъмин).

2. Долгота образуется в результате выпадения *χ* (*h*) *ж*, *г* и реже *з*, *н*, *р*, *в*, *н*, внутри слова в закрытом слоге при наращении аффиксов и при *sandhi* чаще перед звонкими согласными:

а) *э*: появляется в корне слова: *тэ:тил* (тадж. *тахтул*) — завтрак, *рэ:бэр* (*рахбар*) — руководитель, *дэ:лиз* (*дахлез*) — сени, передняя, *пэ:м* (*фаҳм*) — понимание, разум, *нэмэ:рэм* (*номаҳрам*) — чужой, посторонний, *тэ:ликэ* (*тахлика*) — беспокойство, опасение, *кэ:лик* (*каклик*) — куропатка, *чэ:ман* (*чакмон*) — суконный халат, *нэ:мэ* (*нағма*) — шалость, шутка, *отэ:не* (*отангни*) — твоего отца.

В конце слова, оканчивающегося на *-ак* и реже *-ақ*, *-аг* при присоединении аффикса с начальным согласным¹ произносится *э* долгое, *энэ:рғх* (*андакроқ*) — чуть спустя, поозже, *кэрэ:лик* (*керакли*) — необходимый, нужный, *суйэ:лэри* (*суяклари*) — его, (их) кости, *эмэ:лэ-* (*эмакла-*) — ходить на четвереньках (о ребенке), *койлэ:чэн* (*койлакчан*) — в одной рубашке, сорочке, *пэчэ:де* (*печакни*) — повилику, *пишэ:чэ* (*пишакча*) — котенок, *тэ:дэн* (*тагдан*) — снизу, *дэрэ:лэ-* (*даракла-*) — разыскивать.

Носовой *ң* выпадает перед следующим звонким согласным и передает свое качество предыдущему *э*, в результате последний получает долготу с носовым оттенком²: *хэ:рэде* (*хангради*) — закричал, заревел (об осле), *эпэ:лэдде* (*опангларни*) — твоих старших сестер, *дэ:қэтмэ* (*данг қотма*) — не растеряйся, *тэ:лик* (*танглик*) — теснота, *лэ:тэ:де* (*ланг тегди*) — заболел диспепсией, *тэ:рғх* (*тангроқ*) — чуть тесно (ср. *тэ:лик* (*таглик*) *э*: без носового оттенка).

Долгий *э* образуется на месте выпадения комплекса звуков внутри слова. Например, выпадает *эҳэ* в словах *шэ:ддэн* (*шаҳардан*) — из города, *сэ:ллэп* (*сахарлаб*) — ранним утром, *э:жэжэн* (*аҳаджон*) — мужское имя, *мэслэ:тэши* (*маслахат оши*) — угощение, устраиваемое по поводу предстоящей свадьбы, *дэ:нэке* (тадж. *даханаки*) — воронка для наливания жидкости; выпадает *ухэ* в словах *мэ:бэт* (*муҳаббат*) — женское имя; *мэ:мэде* (*муҳаммади*) — мужское имя;

¹ Перед аффиксами с начальным *г* (как *-гэ*, *-гинэ* и т. п.) предшествующие исходные *к*, *қ*, *г* не выпадают, а происходит ассимиляция (например: *годэққэ*, *қышлэққэ*).

² Аналогичное явление наблюдается в тувинском языке, См.: Ф. Г. Исхаков, Тувинский язык. Очерк по фонетике, М.—Л., 1957, стр. 50.

выпадает *иҳ* в словах *тәнсә:ллик (тансиҳатлик)* — здоровье, *ҳаммә жә:ттән йәх'ши* — лучше во всех отношениях; выпадает *-убо(-уво-)* в словосочетаниях типа *экам айтийә:рипто (айтиб юборипти)* — мой старший брат приглашал, оказывается; выпадает *уэз* в слове *мә:зәм (муаззәм)* — женское имя; выпадает *энгә* в словах *йә:бийе (янгабийи)* — обращение к жене брата или дяди, *мә:бе (манга бер)* — дай мне; при стыке двух слов на месте звукосочетания *экэ* образуется долгое *э*, например: *кәрә:кән (керрак экан)* — оказывается нужно, а также если выпадает звукосочетание *эгә*, например *оқьмә:нәкән (ўқимаган экан)* — он(а), оказывается, не учился(ась); долгий *э* образуется также при наличии префикса *бә* и предлога *бә* (таджикско-персидского происхождения) в результате выпадения комплекса звуков *эх* и *эху*. Например: *бә:м корийлә* (ср. с тадж. *бо ҳам дидан*) — поделите (что-либо) поровну, *бә:зур || бә:з (бахузур)* в значении на здоровье; не стесняйтесь, ср. еще: *бә:лзвәт (боҳаловат)* — спокойно, приятно; при выпадении звукосочетания *эвә* в словах *бәх'ә:р бо (бохабар бўл)* — будь осторожен, *энни бәрә:р боллук (энди баравар бўлдик)* — теперь мы с вами в расчете;

б) долгий *о* образуется в корне слова на месте выпавших *х, к, қ, в*: *ко:нә (кўҳна)* — старый, *мо:ләт (муҳлат)* — срок, *мо:р (муҳр)* — печать, *мо:мәл (муҳмал)* — несуразный, нелепый, *мо:тәж (муҳтож)* — нуждающийся, *то:мәт (туҳмат)* — клевета, *со:бат (суҳбат)* — беседа, *ко:нәр (кўкнор)* — мак (растение), *ко:не (кунгли)* — его сердце, его симпатия, *шо:лә (шавла)* — рисовая каша.

Звук *о* произносится протяжно также в конце слова, оканчивающегося на *-ук* при присоединении к нему аффикса с начальным согласным: *чучо:рәҗ^х (чучукроқ)* — чуть слаще, послаще, *хуно:лик (хунуклик)* — уродливость, нелепость, *шулло:дән (шуллукдан)* от попойки;

в) долгий *э* появляется в корне слова при выпадении звукосочетания *эхэ*. Например: *шә:дәтнәмә (шаҳодатнома)* — удостоверение, *тә:рәт (таҳорат)* — ритуальное омовение, *бә:нә (бахона)* — повод, предлог, *мә:вәт қьмә (маҳоват қилма)* — не преувеличивай.

Перед аффиксом с начальным согласным на месте комплекса звуков *эх, эҒ, эҒ^х < эқ¹* (в многосложных словах):

¹ В многосложных словах *эқ* произносится, как *эҒ^х* (см. описание согласного *қ*).

никэ:дэн (*никоҳдан*) — от бракосочетания, *кулэ:лик* (*кулоҳ-лик*) — с шапкой, *ҳорэ:лиғ^х* (*ўроқлик*) — завернутый, *тэмэ:дэн* (*томоқдан*) — от горла, *қэмэ:дэн* (*қамоқдан*) — из заключения (тюремного), *сэ:луғ^х* (*соғлик*) — здоровье, *бэ:луғ^х* (*боғлик*) — привязанный, связанный, *тэ:луғ^х* (*тоғ-лик*) — гористый, холмистый. Ср. еще: *бэ:* (*бор*) — есть, *име-ется*;

г) долгий гласный *э* образуется:

в корне слова на месте выпавших звуков *х*, *ң*: *мэ:мэн* (*меҳмон*) — гость, *дэ:қэн* (*деҳқон*) — крестьянин, *э:тийэт* (*эҳтиёт*) — осторожность, *э:тимэл* (*эҳтимол*) — вероятность, возможность, *э:нивэш* (*энгил-бош*) — одежда;

в конце слова перед суффиксом с начальным согласным, т. е. на стыке основы и аффикса на месте окончания *-эх*, *-эк*. Например: *бэ:рғ^х* (*беҳроқ*) тадж. *беҳ* — лучший, превосходный, *нэ:лик* (*неклик*) тадж. *нек* — добрый, славный, *бэ:лик* (*беклик*) бек — бей, бек (титул знати), *зэ:дэн* (*зеҳдан*) *зеҳ* — узорчатая тесьма, которой обшивают края халатов, тубетеек;

д) долгие *и*, *у* в корне слова не встречаются, тогда как долгие *э*, *э*, *о*, *э*, встречаются во всех позициях в слове¹. Однако спорадически прослеживается их долгота по второму способу, т. е. на стыке окончания на *-ик*, *-ук* (реже) и аффикса с начальным согласным: *кочили:дэн* (*купчиликдан*) — от большинства, *йэхшили:де* (*яхшиликни*) — доброта, *чэйни:дэн* (*чойникдан*) — из чайника, *мэли:жэн* (*маликжон*) — имя собственное, *кучу:чэ* (*кучукча*) — собачка, щенок, *тэну:луғ^х* (*таниқлик*) — известный и др.

В ряде случаев долгое *у* возникает на месте выпадения *в*, *ибэ*, *виб(э)*. Например: *чу:ун* (*чивин*) — муха, *учу:дум* < *учувдум* < *учиб эдим* — я летел, *оту:дум* < *отувдум* < *утиб эдим* — я проходил, *қу:йэтэммадим* (*қувиб етолмадим*) — я не смог догнать, *йу:де* < *йувиб эди* — он вымыл.

Необходимо подчеркнуть, что во всех вышеуказанных случаях образование заместительной долготы ни в коем случае не зависит от ударения. Но иногда в связи с выпадением комплекса звуков или слога в корне слова изменяется и ударение: *шэ:(э)р* (*шаҳар*) — город².

¹ Это объясняется, безусловно, тем, что почти не распространены сочетания *из*, *ув*, *их* и др. Что касается сочетаний *-ух*, *-ук* и т. д., то они во многих случаях дают долгий *о*.

² См.: В. В. Решетов, Общая характеристика особенностей узбекского вокализма, Труды Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, вып. 1, Ташкент, 1949.

Как показывают примеры, распространение вторичной долготы между гласными зависит от определенной сочетаемости звуков, на месте которых возникает тот или другой долгий гласный. Значительно распространены звукосочетания, на месте которых возникает *э* долгое, менее распространены сочетания, оставляющие после себя долгие *о*, *э*, и очень немного звукосочетаний, дающих долгие *и*, *у*.

Заместительная долгота образуется также внутри предложения (в выражениях, синтагмах, сочетаниях) на стыке двух слов, т. е. при *sandhi*. Примеры: *курэ:ми^инэн* (курак билан) — с лопатой (деревянной), *донэ:йэң* (донак энг) — ешьте миндаль, *пишэ:тэптим* (пишак топдим) — (я) нашел кошку, *кэрэ:босэ* (керак бұлса) — если понадобится, *койлэ: тикте* (күйлак тикди) — она сшила рубашку, *тэрэ:ми^инэн* (тароқ билан) — расческой, *шаллэ:йэде* (шаллоқ еди) — получил удары, побои, *никэ:той* (никоҳ туй) — свадьба, *йэхшили:минэн* (яхшилик билан) — по-хорошему, *тири: босэ* (тирик бұлса) — если он жив, *кэйу:босэ* (куюк бұлса) — если сожженный, перегорелый, *тузу:чэссэ* (тузук нарса) — хорошая вещь, *тэ:тур* (тек тур) — не шали, не балуйся.

К сказанному о характере и специфике образования заместительной долготы по последнему способу необходимо прибавить следующее.

1 Каждый из сливающихся компонентов сохраняет свое самостоятельное ударение, которое обычно падает на последний слог. Следовательно, ударение в первом слове падает на тот слог, который по правилу считается закрытым, и на месте выпадения следующего согласного удлиняется гласный звук.

2. В большинстве случаев первый компонент состоит из многосложного слова и значительно реже из односложного слова.

3) Долгие *э* (*a*), *у*, *и* образуются часто при выпадении *ж* и *х*, а долгое *о* — на месте выпадения *Ғ* (последнее в свою очередь образовано вследствие озвончения и перехода исходного *қ* в *Ғ*) в многосложных словах. Такая закономерность объясняется тем, что в конце слова больше распространены звукосочетания *ак*, *эҒ* (< *эқ*), *ук*, *ик*. Этим же обусловлено отсутствие долгих гласных *э*, *о*, (*ө*) в конечном слоге многосложных слов рядом с согласными *к*, *Ғ*, *х*, дающими возможность удлинению.

4. Выпадению конечного *к*, *Ғ* и т. д. и образованию вторичной долготы способствуют только неоднородные соглас-

ные по месту артикуляции, с которых начинается следующее слово. Например, ср.: *тэрэк* — тополь и *тэрэ:дэсэ*, *тэрэ:м^инэн*, *тэрэ:бэме* и т. д. но: *тэрэк кэрэк*, *тэрэк қане*.

Кроме указанных долгих гласных в шахрисябзском говоре образуются также ультрадолгие гласные в так называемой эмфатической речи в следующих случаях:

а) для того чтобы создать у слушающего более отчетливое, яркое представление, говорящий обычно пользуется особой интонацией, которая выражается прежде всего в удлинении гласных. Например, удлинением гласного последнего слога прилагательных передается наивысшее качество, признак предмета: *чуқур::р қудуғакэн* — оказывается, очень глубокий колодец, *уладдикийэ биттэ бэлэн дэрэх бэриде* — у них росло очень высокое дерево; а также выражается как бы протяженность действия во времени: *чай ичи::(в) оттириң* — вы спокойно сидите и пейте чай, *чэпкэ қарэ:б бэруво* — держись все время левой стороны. Ср.: *эстэ:қарасэм* — когда я потихоньку смотрел, *йэх:шилэ::б йэз* — пиши повнимательнее;

б) удлинение в указательных местоимениях, указывающих на предмет, находящийся на довольно большом расстоянии от собеседников: *хэ::йлэ* — вон он (далеко), *ху::ошэ* — вон тот;

в) ультрадолгие гласные наблюдаются в числительных: *би::р* — один, *эки::* — два, *у::ч* — три, *омбэ::ш* — пятнадцать, *йигирмэ::* — двадцать. Это встречается при устном подсчете, когда считающий долго тянет гласный и одновременно считает в уме;

г) при эмоционально окрашенной речи: *кору:диңко::* — ты же видел (разве не помнишь), *йэ::у йэмэ:с* — да, нет, не тот;

д) при разговоре с кем-либо или при оклике, зове кого-либо с более или менее далекого расстояния. Например: *қ'эчэн кэлле::ң* — когда ты пришел?, *хэзе::р* — только что, *кэргэ бэрпсэ::н* — куда ты идешь?, *хичқэргэ* — никуда, *сэмэ::т*, *хэ::сэмэ::т*, *сэмэт хэ::* или: *сәлимә::хэ::сәлимә::*, *сәлимә хэ::* (так зовет мужчина); *сэмэ::т*, *ху::сәмәт*, *сәмәту::сәлимә::*, *ху::сәлимә сәлимәйу::* (так зовет женщина).

СТЕЧЕНИЕ ГЛАСНЫХ

В тех случаях, когда за словом, оканчивающимся на гласный, следует слово с начальным гласным, в потоке речи прослеживается ослабление и редукция одного (обычно

первого) из гласных. Редуцируется (подвергается элизии) особенно неустойчивый гласный — чаще *и*, реже *э*. Примеры:

и + и = и — ойдичи < ойди ичи — внутренняя часть дома, комнаты, *гуллиси < гулли иси* — запах цветка, *озиниззэте < озини иззэте* — уважение к себе;

и + о = о — қассэптоғле < қассэпти оғле — сын мясника, *йэхшотун < йэхши отун* — хорошие дрова;

и + э = э — бэччэнши < бэччэни эши — пища ребенка, *турдэйдэн < турди эйдэн* — от Турдиай (женское имя);

и + у = у — жорэмнукэси < жорэмни укэси — младший брат (сестра) моего друга, *экквчкун < экки-уч кун* — два-три дня;

и + э = э — эскарэвэ < эски эрэвэ — старая телега, *йэхшэлмэ < йэхши элмэ* — хорошее яблоко;

и + э = э — хэңнэшэк < хэңни эшэк — ревуший осел, *хэмсэйэмиздэлаге < хэмсэйэмизди элаге* — сито соседки;

э + э = э — кэттэкэм < кэттэ экэм — мой старший брат, *тоттэлмэ бэриң < торттэ элмэ бэриң* — дайте четыре яблока;

э + э = э — чэшмэ:пти суве (чашмаобнинг суви) — вода из родника, ключевая вода;

э + о = о — кэттой < кэттэ ой — большой дом, *йэккози < йэккэ ози* — он один;

э + э = э — эттэсун < эккитэ элсин — пусть он возьмет две штуки, *кэттэйбийим < кэттэ йбийим* — моя сестра;

э + э = э — мэмэши < мэмэ эши — угощение с богоугодной целью, *эшиңгэйнэ < эшиңэ эгэйнэ* — здесь: знакомые и приятели;

э + э = э — кэттэшик < кэттэ эшик — большая дверь;

но *э + э = эй* (только при вставке вспомогательных слов *эди, экэн, эмуш*) — *мэйдэйте < мэйдэ эди* — он был маленький, *элэйкэн < элэ экэн* — оказывается, пестрый, *эктэймуш < эккитэ эмуш* — говорят, что двое (две штуки).

В этих примерах два слова произносятся слитно, как одно слово, и поэтому основное ударение по общему правилу падает на конечный слог. Вследствие стяжения и слияния друг с другом двух компонентов в говоре встречаются такие слова, которые выступают в сокращенной форме как неделимая единица. Это особенно наблюдается в разрезе местоимений. Например: *эх || эқ, бэх || бақ, шэх || шэқ* (из *у ёқ* — та сторона, *бу ёқ* — эта сторона, *шу ёқ* — вот эта (самая) сторона, *эр, бэр, шэр, қэр* (из *у ер* — то место, *бу ер* — это место, *шу ер* — вот это (самое) место, *қаер < қай (си)* — *ер* — какое место, ср.: *қэрга* — где, куда).

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

В шахрисябзском говоре гармония гласных по месту образования в основном отсутствует. Хотя существуют варианты заднего и переднего ряда отдельных гласных, обусловленные влиянием рядом стоящего согласного, гармония гласных легко может нарушаться. Лишь в некоторых случаях (особенно в закрытом слоге) наблюдается губная гармония, но и это до определенной степени зависит от соседнего (особенно следующего) согласного.

Как показывают наблюдения, губная гармония в закрытых слогах в большинстве случаев прослеживается в речи старшего поколения, а в языке интеллигенции и учащихся она часто нарушается.

Губная гармония встречается в следующих случаях:

а) если в первом слоге двусложного слова имеется губной гласный, то гласный следующего (закрытого) слога *и* в литературном языке соответствует гласному *у* в говоре: *коңцул* (*кўнгул*) — сердце, *копук* — пена, *огул* — сын, *хокуз* — бык, вол;

б) при присоединении к имени, имеющему в корне губной гласный, аффикса принадлежности первого лица ед. ч., например *коз* — глаз — *козум*, *булбул* — соловей — *булбулум*, *пул* — деньги — *пулум*. Ср. также: *бурозум* (*бирўзим*) — я один;

в) при присоединении к основному глаголу, имеющему в корне губной гласный вспомогательного глагола *вэр* < *бер* в форме повелительного накл. II л. ед. ч. Например: *йур* — ходить, *йурово* < *юрабер* — продолжай ходить, идти (ср.: *кэт* — идти туда, *кэтиве* < *кетабер* — продолжай идти туда), *кор* — видеть, *коруво* < *кўрабер* — продолжай смотреть, *кул* — смеяться, *кулово* < *кулабер* — смеяться (ср.: II л. мн. ч. *кулувориң* — частичная гармония).

В этих примерах в огублении гласного не только последнего (притом открытого) слога, но и предпоследнего до некоторой степени играет определенную роль интервокальный согласный *в*, появившийся в свою очередь на месте *б*. Значит, здесь губная гармония образуется в результате определенного воздействия двух факторов: губного гласного в корне слова, с одной стороны, интервокального согласного *в* — с другой.

Таким образом, губная гармония в говоре наблюдается лишь в определенных случаях, а не является действующим фактором. Причем и в этих случаях нарушение встречается

ся все чаще, особенно в языке молодежи благодаря изучению и усвоению норм литературного языка.

В отдельных случаях отмечено нёбное притяжение, которое более или менее соблюдается в двусложных основах с закрытым слогом. При наращении же аффиксов этот фонетический закон совершенно не действует. Аффиксы с твердыми согласными в шахрисябзском говоре не встречаются. Употребление нёбных или ненёбных гласных в основном зависит от непосредственно рядом стоящего (часто предыдущего) согласного. Таким образом, нёбная гармония в шахрисябзском говоре наблюдается лишь частично, в определенных условиях. Ср.: *ғалла* — зерновой хлеб и *кәллә* — голова, *қымьз* — кумыс и *симиз* — ваша проволока, *қътьғх* — щекотка и *чизигх* — черта, линия, *қудуғх* — колодец и *кучук* — собака. Но это не влияет на аффиксы, т. е. независимо от твердой и мягкой основы аффиксы (морфемы) присоединяются одинаково — только с мягкими гласными. Ср., например, *ғалладән* — из зернового хлеба и *кәлләдән* — из головы, *қудухчә* — маленький колодец и *күчүчә* — собачка, *қәқьлик* — с одуванчиком и *кәдиллик* — с тыквой. Ср.: *бәрәқә* < *бәрәқәл* — пойдя же, но *бәрәде* — он пойдет, *кәләқә* < *кәләқәл* — приходи же, но *кәләсән* — ты придешь.

ДИФТОНГИ

Сфера употребления и разновидности ложных дифтонгов в шахрисябзском говоре ограничены, как и в остальных говорах городского типа, по сравнению с говорами кыпчакской группы узбекского языка¹.

Данные показывают, что в шахрисябзском говоре дифтонги употребляются чаще, чем в других городских говорах, например в ташкентском, так как отдельные сочетания звуков, состоящие из гласного и согласного, в говоре дают нисходящие дифтонги, например, *әу* — *хәуле* — дом, двор, *әучи* — охотник; *әй* (*әй*) — *мәйле* — ладно, *бәрәймуш* (*борармиш*) — говорят, что пойдет; *әй* (*әй*) — *сийәйдән* (*сийәхдон*) — черниль-

¹ См.: Е. Д. Поливанов, Говор кишлэска Кыят-Конграт Шаватско-го района, Сб. научных трудов УзНИИКС, т. 1, вып. 2, Ташкент, 1927; В. В. Решетов, Кураминские говоры Ташкентской области, диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Хранится в библиотеке им. В. И. Ленина, 1951.

ница. Подобные дифтонги наблюдаются также в словах *эу мин* — аминь, *хэу йэгни билдир* — передай, да или нет, *жэмэи кэр* — рабочий костюм. Восходящие дифтонги: *вэ* — *дуб э* — молитва, благословение; *ву* — *кав ун* — дыня, *сэв урх* — холодно, холодный; *йи* — *мэйизс* — изюм, кишмиш, *сэйил* — праздник; *тэйирмэн* — мельница; *йэ* — *бэргэ(н) йэмэс* — он не ходил (туда), *уйэмэс* — не тот. Ср. междометие *иэ* (выражает удивление, недоумение).

В отдельных случаях наблюдаются также восходящие дифтонгоиды в исходном положении слова: *Уо* — *боддимкУо* — я же ходил (туда), *кэлиптикУо* — пришел он, оказывается, *кимдУо* — кто он такой, *кэгэндУо* — наверное он пришел; *иэ* — *эмэк иэ* — дядя со стороны отца, *кэллимиэ* — пришел ли он, *болл иэ* — хватит, *вэ* — *қэқ вэ* — одуванчик, *қа й гвэ* — горе, скорбь.

КОНСОНАНТИЗМ

Таблица согласных шахрисябзского говора

По способу артикуляции	Губной		Язычные									Фарингальный		
			переднеязычный				среднеязычный		заднеязычный		глубоко заднеязычный (увулярный)			
	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.		гл.	гл.
Шумные Взрывные (смычные)	б	п	д	т					г	к		қ		
Фрикативные (щелевые)	в	[ф]	з	с	ж	ш	й					ғ	х	х
Аффрикаты				[ц]	ж	ч								
Сонорные Носовые	м		н							ң				
Боковые			л		(л)									
Дрожащие			р		(р)									

ХАРАКТЕРИСТИКА СОГЛАСНЫХ

Как видно из таблицы, нет принципиального отличия между согласными в говоре и в литературном языке. Прослеживаются лишь некоторые расхождения в их употреблении, отдельные несоответствия, в большинстве случаев обусловленные позицией того или иного согласного. Часто происходит оглушение, ассимиляция и т. д. Кроме того, согласные *з, к, ң* по своей артикуляции более передние, чем в литературном языке. В говоре отсутствуют гласные *ф, ы*, встречающиеся в составе заимствованных слов из арабского, иранского и русского языков. В говоре их заменяют другие звуки: *ф* заменяется звуком *п*, а *ы* — звуком *с*. Однако интеллигенция и молодежь, хорошо владеющие русским и таджикским языками, эти звуки произносят правильно.

Так как согласные говора по артикуляции и акустике совпадают в основном с согласными литературного языка, мы считаем возможным не охарактеризовывать каждый звук (но там, где необходимо, отмечаем отличительную черту того или иного согласного). Характеризуя систему консонантизма в сравнении с литературным (иногда и с другими говорами узбекского языка), мы стараемся показать специфические черты системы согласных шахрисябзского говора, отличающие его от литературного языка и других городских говоров.

Рассмотрим губные согласные *б, п, в*, [*ф*].

Фонема *б* характеризуется в говоре следующим.

1. Наблюдается спонантизация *б* (т. е. *б > в*):

а) в интервокальном положении (этот закон действует без исключения). Примеры: *бэвэ || бэ:* — дедушка, *х'эвэр* — весть, сообщение, *эқ(у)вэт* — последствие, *ғэйвэнэ* — заочно, *лэсум* — мое здоровье, *йувэр* — вышли, *бэвэш* — в значении непослушный, шалун, баловник, *ғувэр* — дымно, угар, тоска, *мэ:ривэн* — добрый, ласковый, *тэвэрүк* — священный, почитаемый¹;

б) в середине слова, в поствокальном положении перед переднеязычными *з, л, р* (иногда перед *и*)². При этом *в* в этой позиции произносится как неслоговой *в*, например:

¹ Спонтантизированный *б* иногда выпадает. Ср.: *мубэрэк > мувэрэк > мэрэк* — поздравление, *туруде < туриб эди* — стоял, находился.

² Точно такое же явление наблюдаем при присоединении аффикса к указанным начальными гласными к слову с исходным *б* или при sandhi. Например: *китоблик* (произносится *китэвлик*) — из Китаба, *кулиброқ* (про-

савзи — морковь, *тавлә* — ввертывай, скрути, *эврой* — авто-
ритет, *қьвлә* — сторона, где расположена Мекка, кибла; после
переднеязычных *д, р, л, ш* (иногда после *й, қ, ғ*), например:
бадвәх — несчастный, *худвин* — самолюбивый, эгоист, *зарвә* —
удар, *қурвән* — жертва, *қурвәққа* — лягушка, *ташвәққа* —
черепаха, *бәлвәғх* — пояс, *ғьйвәт* — сплетня, пересуды, *бәғ-
вән* — садовник, *ихвәл* — счастье;

в) в исходном положении слова: *сурэв* (тадж. *суроб*) —
вид, силуэт, форма, *ҳисив* (*ҳисоб*) — счет, (*ҳисиви йәғх* —
нет возможности);

г) в деепричастиях на-(и)б при sandhi, когда следующее
слово идет с начальным гласным¹, например: *эливич* — возьми,
пей, *бэривайт* — передай. Здесь, по сути дела, *б* находится
в интервокальном положении. Поэтому при слитном произ-
ношении звук *б* непременно спирантизируется, как в сере-
дине слова².

2. Согласный *б* оглушается и переходит в *п* в следую-
щих фонетических положениях:

а) в начале слова: *путәғх* (*бутоқ*) — ветка, *пичилгән*
әт — мерин, *пугулләй* — целиком, совсем, *путамәғх* — об-
рубать, *пүтиб бэриң* — напишите (для кого-л.), *пухәр(и)*
қавун — (сорт дыни), *пәқьр* — медная монета, *пүтказ-*
заканчивать, *пүч-* — кроить, *хәммәсийә пүттәдәмбе* — раз-
дай всем по одному.

Однако подобное фонетическое изменение не распро-
страняется на все слова с начальным *б*; такое явление встре-
чается и в заимствованиях из русского языка: *полкә* (*кән*) —
булка, *пүхәқкә* — буханка, *пәттиқкә* — ботинки;

иносится *қудуврәғх*) — чуть улыбнувшись, улыбаясь, *қараб юр* (произ-
носится *қарав йур*) — ходи осторожно.

Во всех других случаях при sandhi перед глухими согласными ис-
ходный *б* оглушается: *взәп кәсин* — пусть придет Вахаб, *билип қь(л)* —
делай обдуманно, *йәхшиләп сәнә* — считай внимательно. Исходный *б* пер-
ед звонкими *б, ж, д, з* восстанавливает свою звонкость: *элиб бе(р)* —
подавай, *взәб жим* — тише, Вахаб.

¹ В этой же позиции спирантизированный *б* произносится слабо или
выпадает: *ойнә^вотте* — понграй. Ср. также: *ухлә(в) йәтипто* — он спит.
(См. подробнее раздел „Деепричастия“)

² Одной из отличительных черт шахрисябзского говора, по срав-
нению с самаркандско-бухарскими (особенно бухарским), является именно
такая широкая спирантизация *б*.

б) в конце слова: *қассэн* — мясник, *сэвэн* — причина, повод, *эспэн* || *эсвэн* — приборы, инструменты.

Согласный *б* теряет звонкость в абсолютном исходе, совпадает по звучанию с глухим *п* также в деелпричастиях на *-(и)б*, например *кэлип* (из *кэл-* — приходит), *элип* (из *эл-* — брать).

Оглушение исходного *б* характерно и для литературного разговорного узбекского языка, но не узаконено орфографией.

Согласный *б* в ряде слов (в начале слова) звучит, как носовой *м*, например: *минэн* (*билан*) — с, вместе, *мунча* — столько, *муннэгх* — так, такой, (вот) такой, *мэйрэм* — праздник, *муңча* (*бунга*) — этому, *муннэн* (*бундан*) — от этого.

Назализация происходит в этих словах в результате регрессивной ассимиляции носового согласного следующего слога: *н, ң, м*.

Прослеживается также прогрессивная ассимиляция: *шамме* вместо *шанба*. Вообще здесь взаимная ассимиляция: сначала прогрессивная — *шанме*, а потом регрессивная, т. е. под влиянием *м* переднеязычный *н* переходит в губной *м* — *шамме*. Но в этой позиции подобное явление не всегда наблюдается. Ср.: *ун бир* (произносится *омбир*, а не *оммир*, где под влиянием губного согласного *б* в результате регрессивной ассимиляции *н* огубляется и переходит в *м*) — одиннадцать. Значит, при sandhi прогрессивной ассимиляции не происходит, она действует только внутри слова, например: *доммэгх* — выступ, *доммирэ* — домбра, небольшой барабан, *думмэ* — курдюк, *эммур* — щипцы.

Имеются случаи, когда *б* в исходном положении произносится, как *м*, например: *ләқам* — прозвище, *кэсим* — профессия, ср.: *кэсмиз ңимэ* — чем вы занимаетесь; какая у вас профессия?

Фонема *п* иногда озвончается и переходит в *б*

а) в начале слова: *пичдқ*¹ (произносится *бичэгх* и *пичэгх*) — нож, *пишир* (произносится *бишир* и *пишир*) — свари;

б) в середине слова в позиции перед звонким переднеязычным *д*²: *гэбдэн* — многоречивый, *чэбдэс(т)* — левша. Озвончение происходит в результате регрессивной ассимиляции при sandhi, например: *сэб болле* — кончилось, израсходовано,

¹ В бухарском говоре также употребляется *бичэқ*: *сидиқани қолини бичэқ кэсипту* — Сидыка обрезала себе руку (ножом).

² Но при присоединении аффикса исходного падежа этого мы не наблюдаем, например: *гэптэн*, а не *гэбдэн* — от слов, разговора.

коббэдде — он дал много, тэб дэде — (он) велел найти, коб-
жэрллик кчиши — человек с большой семьей.

В таком же положении перед щелевыми (спирантами) *в*, *ғ*, *й* звук *п* в результате ассимиляции спирантизируется, например: коввэйсэмэ — много не болтай, ковғэм йэмэ — много не горюй, ковьэхши — очень хорошо.

Спирантизация происходит также в соседстве с переднеязычными согласными в середине слова, например, в таких словах, как сэвсэн — фиолетовый, гэвлэш — поговори, эвлэммэйде — он не может справиться, а также в деепричастиях в интервокальном положении: тэвуб бе || тэббе (топиб бер) — найди (для кого-л.), чэвуб бе || чэббе (чопиб бер) — взрыхли (для кого-л.).

В следующих словах литературному *п* в говоре соответствует *м* — (перед *ч*): х'имчэ — веточка, х'имчин — плеть из ветки.

Фонема *в* — губно-губной согласный. В начале слова и в середине слова в интервокальном положении¹ и в положении после согласного соответствует литературному *в*, например: вэзипэ — задание, вилэйэт — край, область, вэқийэ — случай, происшествие, вужут (< вужуд) — существование, вэсвэсэ — искушение, дэрвзэ — ворота, айвэн — навес, вэранда.

В закрытом слоге (особенно рядом с *э*) перед согласным артикулируется, как неслоговой *в*, например: хэвле — дом, двор, эвқэт — обед, еда, эвлэ — лучший, превосходный, кэвлэ — рьть, гэвдэ — туловище.

При произношении *в* в этих словах губы протягиваются вперед в трубочку, слегка (не напряженно) касаются друг друга, как при артикуляции *у*, но количественно короче *у*. В таком положении, т. е. в середине слова перед согласным, в говоре вообще *-эв* не употребляется. Оно, как правило, заменяется сочетанием *эв*, например: сэвғэ — подарок, шэвқун — шум (см. также описание фонемы *э*).

Согласный *в* точно так же артикулируется в середине слова в интервокальном положении между гласными *э* — *у* и *у* — *у*, например: тэвуғх — курица, сэвуғх — холодный, қэвун — дыня, кэвуш — кожаные туфли, қувур — ирригационная труба.

¹ За исключением положений между гласными *э* — *у* и *у* — *у*.

В абсолютном исходе, особенно после *э*, *в* заметно ослабляется и произносится, как краткий *в*, например: *э л э в* (олов) — огонь, *э в* (ов) — охота, *кэ с э в* (касов) — кочерга, *кй э в* (куёв) — зять, *э с э в* (осов) — неприрученный, пугливый (о животных). При произношении этого звука губы слегка протягиваются вперед и, оставляя маленькую щель, касаются друг друга, а предыдущий гласный артикулируется чуть протяжно¹.

Исходное *в* в фамилиях (Имомов, Шодиев и т. п) произносится, как *п*, а не *в*, например: *имэ му п*, *шэ дий му п*, *қай му п*. В результате аффиксы *-ов*, *-ев* в этой позиции приобретают форму *-уп*. Молодежь, владеющая русским языком, произносит эти слова по норме русского произношения.

Переход *в* (*ф*) в *п* наблюдается в середине слова: *тэш ни ш* (*ташвиш*) — беспокойство, хлопоты, *хэ п с лэ* (*хафсала*, тадж. *хавсала*) — охота, желание, *х'э спэ к* (*хасва*) — черепашка, а также в заимствованиях из русского языка, например: *зэ п хэ з* (завхоз), (*х*)*э п тэ л* (автол), *хэ п тэ бус* (автобус), *лэ п кэ* (лавка), *э к тив* (актив).

Имеются случаи, когда литературному *в* в говоре соответствует *ф* (в исходном положении): *ту м э ф х* (*ту мов*) — насморк, *ох л э ф х* (*ўқлов*) — скалка, а в словах *хи мич* (*хивич*) — розга, *хи мич лэ м э ф* (*хивичламоқ*) — бить розгой; литературному *в* соответствует *м*; иногда *в* выпадает: *йудум* — я вымыл, *бэх'э:р боли'й лэ* — будьте осторожны.

Фонема *ф* в говоре вовсе отсутствует, ее заменяет взрывной глухой *п*, например: *пэйдэ* — прибыль, выгода, *хэпэ* — печальный, грустный, *пэл* — предсказание, гадание, *бэпэрэсэт* (*бефаросат*) — несообразительный, *ғап лэт* (*гафлат*) — незнание, неведение, жуп (*жуфт*) — парное, *сэпсэт-тэ* (*сафсата*) — упрек, намек, *хэптэ* (*хафта*) — неделя, *тэррэп* (*тараф*) — сторона. Это наблюдается также в русских заимствованиях: *тил'пэн* (телефон), *топле* (туфли), *шикэн* (шкаф), *пэм(и)лийэ* (фамилия).

В отдельных заимствованиях из таджикского языка вместо *ф* употребляется в говоре *б*, например: *абгэр* (*афкор*) — измученный, разрушенный, *абзал* (*афзал*) — лучший, превосходный; снаряжение. Здесь фактически происходит не *ф* > *б*.

¹ По своему характеру *э в* и *э в* напоминают нисходящий (ложный) дифтонг.

а $n > б$, так как n , употребляющееся постоянно вместо $ф$, подвергается в данном случае озвончению и произносится, как $б$.

В следующих словах $ф$ заменяется звуком $в$: *лэвиз* (*лафз*) — честь, слово, *авгэн* (*афгон*) — афганец.

Употребление $ф$ наблюдается только в отдельных подражательных словах-междометиях и производных от них словах. например, *туф-туф де* или *туфлэ* (в лит. языке *тупур*) — плюнь, *пуф-пуф де* или *пуфлэ* — дуй, *куф-суф қьлль* — (знахарь) дунул-плюнул. Но и в этих случаях при произнесении $ф$ происходит незначительная и ненапряженная работа губ, как при продувании или тушения свечки; качество $ф$ не такое, как в русском, в узбекском литературном или в таджикском языках в словах *шкаф*, *фабрика ҳафта*. Однако в речи людей, владеющих этими языками, звук $ф$ обычно употребляется. Но молодежь, учащиеся заметно затрудняются в произношении и употреблении этого звука, что часто отражается в их письменных работах.

Отсутствие $ф$ шахрисябзский говор отличает от говоров самаркандско-бухарской группы, где он употребляется безошибочно, и сближает с говорами ташкентской и ферганской группы, в которых также вместо $ф$ употребляется $п$.

Рассмотрим переднеязычные согласные — зубные $д$, $т$, $з$. с. Фонема $д$ отличается от $д$ литературного языка:

а) в исходном положении после носового согласного $н$ звук $д$ отпадает, например: *хурсан* || *хусэн* (*хурсанд*) — веселый, радостный, *пэрэн* || *пэзэн* (*фарзанд*) — дитя, потомок (см. подробнее раздел „Опущение групп согласных“);

б) в абсолютном исходе после гласного $д$ оглушается и переходит в $т$ ¹. Например: *кэмэмэт* (*камомад*) — недостатка, *кэсэт* (*касад*) — застой в торговле, *мэдэт* (*мадад*) — помощь, *мэхсэт* (*мақсад*) — цель, *мэ:мут*, *ҳэмит* — имена собственные, *хуш мэт* (*хушомад*) — лесть, подхалимство, комплимент, *умит* || *умут* (*умид*) — надежда. С присоединением к этим словам аффикса принадлежности глухой $т$ сохраняется (за исключением *умидим* || *умудум* — моя надежда).

Иногда $д$ оглушается в конце слова после $р$: *мэрт* (*мард*) — мужественный, смелый, *дэт* (*дард*) — боль, *гэт* (*гард*) — пыль. Однако с прибавлением к последним двум словам аффикса принадлежности восстанавливается как выпавший согласный $р$, так и звонкость $д$, при этом $р$ ассимилируется: *дэдде*, *гэдде*.

¹ В конце односложных слов (за исключением *сот < суд*) $д$ не оглушается, например: *дэд* — вопль, *қад* — стан, рост, но *қат* — слой, сгиб.

С прибавлением аффикса исходного падежа *-дан* к именам, оканчивающимся на глухие *т, п, ч, с, ш, л, к, қ*, под влиянием прогрессивной ассимиляции *д* оглушается и переходит в *т*: *эттэн* — с лошади, *иптэн* — из нитки, *мистэн* — из меди, *тэштэн* — от камня, *шэштэн* — из рога, *тэктэн* — от виноградника. Однако присоединение к этим словам аффикса *-дир* (*дур*) тоже с начальным *д* такого оглушения не дает, *д* остается без изменения¹: *ипдур, мисдур, тэшдур, шэхдур, тэждур*.

В следующих словах согласному *д* в говоре соответствует глухой *т* в начале слова: *тиризэ* (*дераза*) — окно, *тэр* (*дор*) — веревка или проволока для развешивания белья, но: *дэр* — канат, по которому ходит канатоходец;

в) иногда в начале слова, по сравнению с ферганскими говорами, вместо *д* или *т* произносится *й*: *думалат* (андижанск. гов.), *тумалат* (ферганск. гов.), *йумэлэт* (шахрисябзск. гов.) — кати, или *дум-думалақ* || *тум-тумалақ* (андижанск., ферганск., ошск. говоры), *йум-йумэлэғх* (шахрисябзск. гов.) — совершенно круглый. (Ср.: этимологически *йум...*). Ср. еще: *сийир* (*сидир*-) — сметать, стереть, *бойим-ж* *н* (тадж. *бодимҷон*) — баклажан;

г) иногда в корне слова и (чаще) в окончаниях при встрече с другими неоднородными согласными *д* ассимилируется. После носовых *д* уподобляется носовому, особенно при присоединении аффикса исходного падежа *дэн* к словам, оканчивающимся на носовые *м, н, ң²*, например *м + д = мн*: *хэкимнэн* (*хакимдан*) — от Хакима, *тэмнэн* (*томдан*) — с крыши, *одэмнэн* (*одамдан*) — от человека; *ң + д = ңн* или *йн* (при присоединении *-дэн* к имени, имеющему аффикс принадлежности II л. ед. ч.): *чэңнэн* (*чангдан*) — от пыли, *бэди риңнэн* (*бодирингдан*) — из огурцов, *экэйнэн* (*акангдан*) — от твоего старшего брата, *нэнийнэн* (*ночингдан*) — с твоего хлеба; *н + д = нн*: *күннэ* (тадж. *кунда*) — пень, чурбан (в говоре это слово имеет другое значение: ежедневно, каждый день, что соответствует литературному *кунда*), *эннишэ* (*андиша*) — опасение, раздумье, *сэннуг^х* (*сандиқ*) — сундук, *х'эннэк* (*хандак*) — ров, канава, *пэйәннэз* (*пояндоз*) —

¹ Вообще *д* в аффиксе *дур* || *дир* не ассимилируется в любом положении, тогда как *д* в аффиксах *-дэн, -ди* легко ассимилирует я (см. ниже). Это объясняется, видимо, тем, что *-дур* || *-дир* все же воспринимается в говоре самостоятельным элементом, восходящим к *дурур* || *турур* (ср. *ипдэмэ* — не проси ниток.)

² Это наблюдается также в ташкентском говоре (см.: Я. Г. Гулямов, Из наблюдений над морфологией ташкентского говора, В кн. Узбек диалектологиясидан материаллар", I, Ташкент, 1957, стр. 184).

дорожка (почетная), *дэннэнэ* (*дандона*) — борона, *мэнэн* — от меня, *сэнэн* — от тебя; $ч + д = шт$: *уштэн* (*учдан*) — из трех, *сштэн* (*сочдан*) — из волос, *қшше* (*қочди*) — он убежал, *иште* (*ичди*) — он выпил, *кште* (*кечди*) — он переправился (вброд), *уштим* (*учдим*) — я вылетел.

В корне слова и в окончаниях *д* перед шелевым *л* ассимилируется (полная прогрессивная ассимиляция) и переходит в *л*. $л + д = лл$: *слин* — сначала, *йоллш* — спутник, *иллиз* — корень, *эллэмчи* — обманщик, *бшмэллғх* — большой палец, *йуллүз* — звезда, *кэлле* — он пришел, *билле* — он знал, *қылле* — он сделал, *эғллэн* — медовый, *чоллэн* — от старика; $д + ж = жж$: *сэмэжжэн*, *эбижжэн* — имена мужские; $р + д = тт$: *кэжиттэк* — кадык.

Как и в литературном языке, в шахрисябзском говоре отсутствует мягкое *д*, которое произносится как русское *д* в слове *дядя*. Вероятно, поэтому подобное мягкое (русское) *д* шахрисябзец воспринимает как *жж* и произносит *жжэжэ* вместо *дядя*. Сюда же можно присоединить слово *дежурь*, которое произносят *жжүжүр*.

Фонема *т* отличается от *т* литературного языка:

1) в исходном положении в позиции парного употребления двух согласных *т* в говоре отпадает: *гош* — мясо, *дэрэх* — дерево (см. подробнее в разделе „Опущение групп согласных“);

2) в начале слова при наличии (в этом слове) поствокального переднеязычного *ш* согласный *т* произносится, как аффриката *ч*: *чиш* — зуб, *чуш* — слезай; полдень, *чушуммаде* — он не понял, также *ипкэ чиз* — нанизывай. Подобное явление прослеживается не только в Шахрисябзе, но и во всех городских говорах узбекского языка. Вероятно, это объясняется более передней артикуляцией следующего гласного звука, в связи с чем *т* тоже принимает более передний (мягкий) характер (см. ниже о русских словах *тетя*, *тяжелый*). В случае, если за *т* следует более задний гласный, *т* сохраняет свою полноценность: *туш*, *тушь* или *тош* (*туш*) — грудинка. (Ср. также русское слово *тише*, которое нередко произносится в говоре, особенно школьниками, как *чиши*, *чиш болиллэ* — тише, молчите);

3) фонема *т* подвергается ассимиляции в следующих позициях: $т + д = дд$: *миннэддэччилик* — признательность, *эддур* — вероятно, лошадь, но: *эттэн* — с лошади; $т + ч = чч$: *сэвэччэ* — корзиночка, *шэх'мэччи* — шахматист, *эччут* < отчет; $т + л = лл$: *қуллуғх* — священный, *қаллэмэ* — сдобная слоеная лепешка, *хэллэ* — пригаты; $т \approx д$: *давуш* — голос,

доппе (тўп) — мяч, мячик, *бадрэк* — батрак, *бадрэлик* — батрачество.

В говоре нет мягкого варианта звука *т*. Русское мягкое *т* в говоре воспринимается как *ч*, ср.: русские слова *тетя*, *тяжелый* произносятся *чэчэ* || *чочэ*, *чужэлий*.

Фонема *з* лишь незначительно отличается от литературного *з*. Особенности ее зависят в большинстве случаев от позиции, от соседних звуков. Например, *з* часто ассимилируется перед согласными *ч*, *с* и уподобляется последним: *кычэ* — девочка, *тэрвуччэ* — маленький арбуз, *койсэйиччи* — да бросьте (шутить), *кэлхэччи* — колхозник, *йүссом* — сто рублей, *туссизс* — без соли. Но в словах *бизча*, *сизча* этого явления не наблюдаем. Здесь *з* оглушается и переходит в *с*: *бисчэ* — по нашему, *сисчэ* — по-вашему (ср.: *пэрэсэн*, тадж. *фаразан* — например, предположим). В отдельных многосложных словах прослеживается оглушение в абсолютном исходе после *у*, например: *тэрвус* — арбуз, *оттус* — тридцать. В остальных случаях — *хэргизс*, *дэрвэзс*, *мэрэзс* и в односложных словах *козс*, *тузс*, *сизс* этого не наблюдается, хотя и здесь *з* имеет призвук — скользкий *с*. В слове *бэз* исходный *з* выпадает: *бэ* — еще. Однако в употреблении его вместе с союзом *хам* или с его синонимом *тэгь* — еще, опять, *з* восстанавливается: *бэзэм* — и еще, опять, *бэстэгэ* — еще. Ср. *бэ кэлиң* — приходите еще, *бэ нимэ* — еще что. Сюда же следует отнести выпадение *з* в слове *сиз* в случае присоединения к нему аффикса множественности *-лэ(р)*: *силэ* — вы (обращение к множеству людей). Ср. еще: *сэккийүз* — восемьсот, *тоққыйүз* — девятьсот, *нэмэшэм* — сумерки.

Наконец нужно отметить, что *з* в слове *зулук* в шахри-сязбском говоре соответствует звуку *ш*: *шүллүк* (*зулук*) — пивка. Ср. также: *сойлэ* — говорить, *тэттэз йур* — ходи побыстрее.

Фонема *с* обладает в говоре следующими особенностями:

1) иногда в начале слова литературному *с* соответствует *ш*. Например: *шувэҕх* — штукатурка, *шөлэкэй* — слюна, *шүпүр-* — мести, подметать, *шүпүрге* — веник, *шимир-* — медленно цедить (сквозь зубы), *шириш* (*сирач*) — сапожный клей;

2) в следующих случаях литературному *с* соответствует *ч*: *чиңкэн* — мышь, *муч(и)чэ* — горlinkа, *чинэчэҕх* — мизинец;

3) $c \approx z$: *зэвчи* — сваха, сват. При ассимиляции $c > ч$: *оручча* — по-русски, $c > ш$: *шэмши* < *шэмси* — имя собственное, *шэшти* *м^инэн бэр'удде* — он ударился с разбегу (быстро), *эшмишкэ* — осьмушка, *шушилка* — сушилка, *шэ-шэмме* < *сэшэнбэ* — вторник;

4) перед *экан*, *эмуш*, *эди* звук *с* в отрицательной форме глаголов на *-мэс* исчезает и сочетание звуков *сэ* при *sandhi* произносится, как *й*: *кормэймуш* — он, оказывается, не видит; *ишлэмэйкэн* — он, оказывается, не работает; *билсэм ичмэйдим* — если бы я знал, не пил бы;

5) в заимствованиях из русского языка *с* заменяет аффрикату *ц*: *сих* — *цех*, *сэнтир* — центр и центнер, *сэмин* — цемент, *эпэрэстэ* — операция, *истэнсэ* — станция, *кэнсет* — концерт.

Рассмотрим нёбно-зубные *ж*, *ш*, *жс* (*джс*), *ч*.

Фонема *ж* в шахрисябзском говоре почти не употребляется, за исключением некоторых заимствований из таджикского и русского языков типа *эждэрхэ* — дракон, *мэрэжне* — мороженое. В большинстве *ж* в говоре заменяется звуком *жс*: *мижжэ* (тадж. *мижа*) — ресница, *жслик* < *жулик*, *жс-жсур* < *дежур*, *жсннал* < *журнал*, *пэжсэжник* < *пожарник*, *пшжсэк* < *пиджак*, *инжсинир* < *инженер*. Но в речи интеллигенции и молодежи звук *ж* нередко произносится правильно.

Фонема *ш* обладает в говоре следующими незначительными особенностями:

1) иногда вместо *ш* употребляется *ч* в начале слова: *чү-гуллэнэде* — он занимается чем-либо, *чэбгэлэт* (*шамгалат*) — действие, сделанное незаметно для другого (чтобы обмануть);

2) звук *ш* подвергается полной регрессивной ассимиляции перед *ч*: *қоччи* < *қошчи* — пахарь, *иччи* < *ишчи* — служащий, рабочий, *бэччи* < *бэшчи* — предводитель;

3) $ш \approx й$: *тэйлэ* — бросать, $ш \approx в$: *х'эсэк(е)* низкосортный.

Фонема *ч* в говоре обладает следующими особенностями:

1) иногда вместо *ч* употребляется звук *с*. Например: *токинсчичин* — обилие, *бойинсэ* — хомут, *доңсэ* — выпуклый, *сэчэгх* — бахрама; полотенце.

Имеются случаи, когда в начале слова *ч* произносится, как *жс*: *жсэңнэл* — заросли колючих кустарников, *жсэңнэл-зэр* — роща (густые заросли). Такое озвончение наблюдается в слове *оғжси* — рвать. Ср. еще: *бүжжсэк* — уголок.

Иногда *ч* ассимилируется: *қэште* — он убежал. Здесь взаимная ассимиляция, глухой *ч* подверг оглушению звук *д* (прогрессивная ассимиляция) и в свою очередь *ч* перешел в щелевой *ш* (регрессивная ассимиляция); ср. еще: *үштә* — три штуки, *чэссә < чэчсә* — если он снимет (об обуви, одежде), *чуш(у)тилган йэғ* — топленое масло.

Есть случаи, когда *ч* артикулируется, как *ш* внутри слова перед *в*: *чэшвэн*. Однако употребление этого слова в говоре этимологически правильно, т. е. оно таджикского происхождения, состоит из двух слов: *чашм* — глаза и *банд* — глагольная основа наст. вр. от *бастан* (завязывать) — чадра, *чушварэ* — пельмени, но *чвэққа* — ненасытный, алчный.

Иногда *ч* переходит в *ш* в исходном положении слова *шириш* (*сирач*) — сапожный клей, *қариш* (*қарич*)¹ — пядь.

Фонема *ж* совпадает с аналогичным звуком литературного языка, который графически обозначается буквой *ж*.

В результате прогрессивной ассимиляции *ж* оглушается и переходит в *ч*, например: *гўжа* в говоре *кочә* — вид кушанья (образует омонимический ряд со словом *кочә* — улица), *ҳайитқаччи* — (*ҳайитхаржи*) деньги для праздника, *хашләмэгх* (*харжламоқ*) — расходовать. Ср. еще: *мэйлис* — собрание.

Фонема *й* (*j*) — среднеязычный звук — совпадает по артикуляции и употреблению с *й* литературного языка и других ёкающих узбекских говоров. Здесь прослеживаются случаи выпадения этого звука в начале слова, например, в таких словах как *игит* — парень, *игиччә* — паренек, *ирик* — крупный, *ип игир-* — прясть пряжу, *илқь* — лошадь, *ириң* — ной, *иттигх* — рваный¹, *итиддим* — я потерял, *ил* (особенно в сочетании со словом с исходным согласным: *учил* — три года, *бэшил* — пять лет) вместо *йил* — год, *эшәр* (*ёшар*), *бэш эшәр бэлә* — пятилетний мальчик, ребенок. Выпадение *й* (*j*) наблюдается в слове *йүз* — лицо в таких идиоматических сочетаниях, как *үзидән оргилэй* — да буду его жертвой, *одәмни үзикози дәмэй гәпүрәди* — он говорит невзирая на лица. Но: *йүссиз* — бесстыдный, а не *үссиз*. Вероятно, это объясняется более передней артикуляцией данного звука, ибо подобное явление встречается именно в соседстве с гласными переднего ряда *и*, *ү*.

¹ Ср.: в „Диван лугат-ат-турк“ — *قارش* (Махмуд Қошғарий. Девону луготит турк, т. I, Ташкент, 1960, стр. 350).

¹ Отмечена также форма *ҳиттилле*: *эргаш койләгеңңә ичма қылле* — *ҳиттилле* — Эргаш, что с твоей сорочкой? — Порвалась. Но: *қаридән иттилле* — какое место порвалось?

Звук *й* (*j*) выпадает иногда в середине слова, например: *дидэр* — свидание; облик; лицо, *дидэ* (*дидэси қаттиғх* — упрямый) — око, глаза, зрение, *зирэк* — догадливый, чуткий, *пэрэхэ* — щепка, *хэле* — много, значительно, *хилэ* (*хийл*) — хитрость, уловка. А в слове *тийин* (копейка) выпадает вместе с *й* (*j*) также следующий гласный *и* — *тин* (ср. этимологический *tin*). То же самое — в исходном положении слова *қырғе* (вместо *қирғий* — ястреб).

Наблюдаются случаи, когда в середине слова в поствокальном положении вместо *и* употребляется *й* (*j*), например *дэйрэ* (*доира*) — бубен, это слово образует омонимический ряд со словом *дарё*, которое, подвергаясь метатезе, выступает как *дэйрэ* — река, *эйлэ* (*оила*) — семья. Звук *й* (*j*) прибавляется также в середине слова как зычательный согласный: *дэйим* (*доим*) — всегда, *хэйин* (*хоин*) — предатель, изменник. В таких случаях, т. е. внутри слова, особенно в соседстве с другими гласными (кроме переднерядных *ү*, *и*), наблюдается количественно отличное *й* по сравнению с тем же звуком, употребляемым в начале слова. Внутри слова он произносится с наименьшим напряжением, как палатализованный звук *й*; предыдущий гласный в результате получает определенную долготу. Например: *хэйэллэмэйке* — не запаздывай, *хэйэткэ кирэмизс* — зайдем в сад, *ойғэме* — не спит ли он?, *сой(у)нуп кэттим* — я обрадовался, *мэйле* — пусть, ладно, *қойниңнэ нимэ бэ* — что у тебя за пазухой?, *қэргэ бэрэйкэн* — куда он собирается идти.

Рассмотрим заднеязычные *г*, *к*.

По сравнению с литературным языком в говоре *г* и *к* более передние по своей артикуляции. Они почти напоминают мягкие согласные в русских словах *гигиена*, *гимн*, *кино*, *кювет* и вовсе не похожи на твердые *г*, *к*, например, в русских словах *гум*, *гул*, *куча*, *какой*. (Ср. *гүм* — глубокий (о реке), *күлчэ* — небольшая лепешка).

Фонема *г* в зависимости от позиции, особенно в окончаниях, имеет более слабый, неустойчивый характер, часто подвергается ассимиляции, переходит в *й* или выпадает. Например: *оййэ кириң* — войдите в комнату, *бэчэлэйэ || бэчэлэ: қарэ* — следите за детьми, *кэйэн босэ* — если он пришел, *дэлэйэ || дэлэ: чихп кэту:де* — он ушел на поле, *бэйэ || бэ: кэлиң* — подойдите сюда, *мэйдойнэ* — малюсенький, *тоттийнэ* (*түрттагина*) — всего четыре штуки.

Звук *г* характеризуется также следующим:

1) в отдельных словах в середине слова литературному *г* в говоре соответствует *в*. Например: *лэвлэве* — свекла, *оврэ* (угра) — лапша, *чэвуркэ* (чигиртка) — саранча;

2) при присоединении аффиксов, начинающихся с *г* (-*га*, -*гина*, -*гин*, -*гунча*, -*гачэ*, -*гэн* и др.) к словам с исходным глухим *п(б)*, *т(д)*, *к*, *ч*, *с*, *ш* звук *г* оглушается и переходит в *к*. Например: *чоп* — палочка — *чопкэ*, *тэпкунчэ* — пока он найдет, *китэпкэчэ* — до Китаба, *чэпкин* — побеги, *үчкэчэ* — до трех, бир *элэскинэ* — чуть, мигом. Ср. *бэрэткэн* (бораётган) — идущий туда, *ишлэткэн* (ишлаётган) — работающий.

Оглушение и переход *г* в *к* может происходить без всякого воздействия окружающих глухих согласных. Например: *бэзэддэке* (бозордаги) — то, что на базаре, *йэнэки эй*, *йэнэки(й)ил* — на следующие месяцы, на следующие годы. В этих примерах аффикс -*ги* употреблен только среди звонких согласных. Оглушается *г* также в соседстве с глухими согласными: *кочэ* (гүжэ) — вид кушанья, *токэтилле* (тугатилли) — расформирован, уничтожен;

3) с присоединением аффиксов с начальным *г* к словам, оканчивающимся на носовые *м*, *н*, *ң*, звук *г* переходит в *ң* и вместе с *н* и *ң* в этой позиции образует удвоенный согласный *ңң*, например: *экаң* — твой старший брат — *экаңңэ*, *бэдэм* — миндаль — *бэдэмңэ*, *таң* — узкий — *таңңина* — узенький, *сэмэрқаңңэчэ* — до Самарканда, *эйдин* — светлым — *эйдинңэ*. А с присоединением указанных аффиксов к словам с конечными глубокозаднеязычными *қ*, *ғ*, *х* звук *г* переходит в *қ*, например: *шэх* — рог — *шэққа*; *йэқ* — жечь — *йэққин*; *бэғ* — сад — *бэққа*, *сэғ* — здоровый — *сэққина*.

По этому признаку шахрисябзский говор отличается от говоров самаркандско-бухарской группы и совпадает с говорами ташкентской и ферганской групп. В самаркандском говоре встреча согласного *г* с глубокозаднеязычными *қ*, *ғ*, *х* носит другой характер, здесь сочетания *қг* (например, *чиқ* + *ган*) дает *хк* (т. е. произносят *чихкан*¹, а не *чиққан* — вышел), *ғг* (*йэғ* + *гин*) дает *ғг*, т. е. не изменяется: произносят *йэғгин*², а не *йэқ* + *қин* (*йиққин*) — собери; сочетания носовых *м*, *н*, *ң* с согласным *г* не образуют сочетания *мң* или *ңң* (как в шахрисябзском), а остаются без изменения (-*мг*, -*ңг* и т. п.);

¹ См. Е. Д. Поливанов, Образцы не-сингармонических (иранизованных) говоров узбекского языка, ДАН, 1928, стр. 318–328.

² Там же.

4) согласный *г* в интервокальном положении (часто в соседстве с *и*) переходит в среднеязычный *й*, например: *корпани тэйийэ* — под одеяло(м), *энчэйчэ* — до некоторого времени, *кэчэй(и)нэ* — только вчера, *кэ(л)йэн бо(л)сэ* — если он пришел, *хэлийчэ* — до сих пор, *эйнийэн* — испорченный. Подобное явление встречается в корне слова, например: *кийиз* — войлок, *сойэл || сохэл* — бородавка.

В речи старшего поколения отмечены $г \approx д$: *дэктар* — гектар, $г \approx ф$: *фьрэм* — грамм, *вэгэн* — вагон, *агрэном* — агроном, *бэгч* — багаж.

Фонема *к* по сравнению с этим же звуком в литературном языке и ряде других городских говоров весьма неустойчива, особенно в предударном положении. Вероятно, это объясняется более передней артикуляцией этого звука в шахрисябзском говоре.

Перед закрытым и ударным слогом в поствокальном положении *к* в большинстве случаев выпадает, благодаря чему удлиняется предыдущий гласный (чаще *э*), например: *йэ:тэк¹* (*яктак*) — летний халат, *кэ:лик* (*каклик*) — куропатка, *эти:дэн* (*этикдан*) — из сапог (см. подробнее раздел „Долгота гласных“).

При *sandhi* конечный *к* предыдущего многослбжного слова перед гласными озвончается и переходит в *г*. Например: *кэрэгэмэс* — не нужно, *этигизи* — след сапог, *күрэгэ-кэн* — оказывается, лопата, *гэзэг(л)мэг^х* — воспаляться, *тэрэгэкте* — он посадил тополь, *элагүчүн²* — для сита.

Примечание. В такой же позиции перед начальными согласными следующего слова *г, қ, ғ, х* звук *к* уподобляется последним: *годэг гэ-үидде* — ребенок заговорил, *этиқ қане* — где сапоги?; *бир күллиғ ғэй-рэт* — однодневное старание, *чирэйлих хэтин* — красивая женщина.

Озвончение и переход *к* в *г* наблюдается также в отдельных случаях в интервокальном положении и в начале слова: *тегин* (*текин*) — бесплатно, *тэгис* (*текис*) — ровный (но не *эгин*, что свойственно кыпчакским говорам, а *экин* — посев), *гүппе* (*кув*) — маслобойка, *горэ* (*күра*) — горн, жаровня. Ср. также в заимствованиях $к \approx қ$: *қатта* — карты (игральные); грампластинка, *қурус* — курс, *қанэл || кэнэл* — канал.

Рассмотрим глубокозаднеязычные *қ, ғ, х*.

¹ В исходном положении *к* не переходит в *й*, что наблюдается в ташкентском и джизакском говорах (см. Е. Д. Поливанов, Звуковой состав ташкентского диалекта, „Наука и просвещение“, Ташкент, 1922, а также кн. „Ўзбек диалектологиясида материаллар“, I, Ташкент, 1957, стр. 77, 202—203.

² Подобное явление мы встречаем иногда и в литературном языке; *билагузук* от *билак* + *узук* — браслет.

Фонема *қ* по сравнению с литературным языком подвергается в говоре следующим фонетическим изменениям:

1) в абсолютном исходе в многосложных словах (а также в односложных словах *йўқ*, *чиқ*) регулярно озвончается и и произносится, как *ғ*^х. При этом предыдущий гласный чуть удлиняется, например: *чирғғғ^х* (*чиروق*) — лампа, *йәңңғғ^х* (*ён-ғоқ*) — орехи, *қуруғғ^х* (*қуруқ*) — сухой, *әриғғ^х* (*ариқ*) — канава, арык, *әрғғ^х* (*арақ*) — водка, *йоғғ^х || йғғ^х* (*йўқ*) — нет, *чиғғ^х* — выходи.

Точно такое же положение сохраняется при присоединении к этим словам аффиксов (и даже при sandhi), начинающихся со звонких согласных (за исключением *з* в начале аффикса). После *ә*, *э* этот (заместительный) *ғ* произносится сравнительно слабо, чаще доходит до нуля, образуя долготу предыдущего гласного. Примеры: *милтиғдән* — из ружья, *йәңңә:зәр* — ореховая роща, *әччиғрғғ^х* — горьковатый, *үзә:жән* — имя собственное, *әйә:йәләң* — босиком, *пучуғ бурун* — курносый, *қазә:вәй* — имя собственное.

Озвончение и переход исходного *қ* в *ғ* прослеживается также в интервокальном положении, особенно при sandhi: *әйғғәсти қь(л)* — топтать, попирать; *сәвуғучун* — из-за холода, *әңңириғғәсте* — росла пальчатка, *йғғакән* — оказывается, нет, *тоға (тўқа)* — пряжка.

Звук *қ* озвончается и в корне слова: *тағдим* — преподавание, *тағдир* — судьба. Но в этой позиции подобное явление встречается лишь перед *д*. В большинстве случаев перед остальными звонкими согласными *қ* произносится не как *ғ*, а *х*. Например: *ихвәл* — счастье, *лухма* — кусок, реплика, *охлғғ^х* — скалка, *тохмғғ^х* — колотушка. Это прослеживается также в односложных словах перед аффиксом, исходный *қ* которых в изолированном произношении не меняет свое качество, т. е. не переходит в *ғ* подобно как *йоғ* || *йғ* или *чиғ*. Например, *тохлик (тўқ + лик)* — сытость, *әхрғғ^х* (*оқ + роқ*) — беловатый, *йәхмә (ёқ + ма)* — не зажигай, *охйәй (ўқ + ёй)* — лук и стрела.

При самостоятельном употреблении этих слов (*тоқ*, *эқ*, *йәқ*, *оқ*) звук *қ* не изменяется, он более устойчив по сравнению с тем же звуком в словах *йғғ*, *чиғ* и поэтому не озвончается даже перед звонким *д*, а, наоборот, в результате прогрессивной ассимиляции оглушается: *тохтән (тўқдан)*, а не *тоғдан* — от сытого, *йәхте (ёқди)*, а не *йғғди* — он зажигал.

Значит, в этих словах принцип таков: в изолированном употреблении исходный *қ* не изменяется, а перед звонким и глухим согласным переходит в *х*. Ср. перед глухими согласными: *йәхтир* (*ёқтир*) — заставь зажигать, *охсиз* (*ўқсиз*) — без пули;

2) звук *қ* перед глухими *к, ч, с, п, т, ш, х* (как в корне слова и перед аффиксами, так и при sandhi) постоянно переходит в *х* (т. е. спирантизируется).

Примеры: *қулақчин* (*қулоқчин*) — шапка-ушанка, *йәрәхсиз* (*яроқсиз*) — негодный, *әччиһтәш* (*аччиктош*) — квасцы, *әттарәх кел* (*әрттароқ кел*) — приходи пораньше, *тәвух шорвә* (*товуқ шўрва*) — куриный суп, *сәвуххәна* (*совуқхона*) — наиболее прохладное отделение в бане. *тохсан* (*тўқсон*) — девяносто, *әх пәхтә* (*оқ пахта*) — белый хлопок, *йәғләп-сихтәп* (*йиғлаб-сиқтаб*) — плача и рыдая, *охтун-охтун* (*ўқтин-ўқтин*) — время от времени.

В конце некоторых односложных слов литературному *қ* в говоре обычно соответствует *х*, например: *зих* — печальный, грустный, *нәх* — нелицный, *турх* — облик, *вәх(т)* — время, *пәрх* — пробор.

Согласный *қ* перед *қ* (при sandhi) и *г* (при присоединении аффиксов) восстанавливает свое прежнее качество: *тәвәққа* — в тарелку, *чиққын* — выходи же, *қуләқ қыллилә* — раскулачили, *чирәқ қане* — где лампа? *чиққунчә* — пока он выйдет, *сәннуққулп* — сундук на замке.

Перед *г* звук *қ* сохраняет качество только в том случае, когда присоединяются аффиксы с начальным *г* к корням, оканчивающимся на *ғ < (қ)*, а при sandhi это явление не встречается, *ғ < (қ)* остается без изменения. Например: *сәриғ гул*, а не *сәриққул* (подобно как *қышләққа*, *сәриқ қалам* — желтый карандаш), также *қуруғ гәп* — пустые разговоры, *қуләғ гәрәң* — тугоухий.

Фонема *ғ*, несмотря на то, что является глубокозаднеязычным звуком, в шахрисябзском говоре, как показывают данные, иногда имеет слабую артикуляцию — произносится, как более мягкий звук, например: *ғийвәт* — сплетня (ср. с *ғ* в слове *ғырром* — шулер), *ғ'әләк* — фрикадельки (ср. с *ғ* в слове *ғалла* — зерно), *ғ'әне* — имя собственное. Звук внутри слова, чаще рядом с широким гласным перед звонким согласным, произносится еще слабее, оставляя едва слышные следы артикуляции. А иногда, особенно после *о, э*, звук *ғ* вообще не замечается, и гласные приобретают долготу. Например, ср. *то:ре* (*ғ* очень слабо, а при небрежной речи замечается только долгота) — правильно, *тә:рә* — режь по

кускам. Иногда в интервокальном положении (чаще между *ə*) *ʀ* вообще выпадает: *тэ:младдикийэ (тогомларникига)* — к моему дяде, *киттэ:рэ (кир тогора)* — таз для стирки, *ман(и) ай:мңэ босэ (менинг оёгимга бўлса)* — если эта обувь подойдет мне.

Об отдельных особенностях звука *ʀ* мы говорили также в связи с характеристикой согласного *к*. Следует отметить: 1) *ʀ* появляется в абсолютном исходе на месте *к* во всех многосложных словах¹ и в отдельных односложных, оканчивающихся на *к*; 2) в этой позиции и перед звонкими согласными (при прибавлении аффиксов или на стыке двух слов), независимо от того, что звук *ʀ* первичный (*тэʀ, тэʀ-лик* — гористый, *бэʀ, бэʀдэн* — из сада) или вторичный (*кышлэʀх < кышлэк, кышлэ:лик* — кишлачный, *айʀх < айзк, ай:дэн* — с ног и т. п.), он артикулируется менее напряженно, чем в начале слова. Ср. *ғайрэт* — рвение, *ғусса* — скорбь с *ʀ* в интервокальном положении: *тэʀэ* — дядя, *кү-лэʀым* — мое ухо. В результате *ʀ* исчезает или сильно палатализуется перед звонкими согласными; 3) звук *ʀ* перед глухими согласными произносится, как *х* (см. подробнее характеристику звука *к*): *сэхсэлэмэт* — здоров, *тэхсиз* — без горы, *зэхчэ (заҗча)* — галка.

В середине слова сочетание звуков *нʀ* в говоре дает удвоенный *ң* (*ңң*): *йэңңэʀх (ёнгоқ)* — грецкий орех, *миңңил-лэ* — ворчать, мурлыкать, *оңңэй* — удобный, *оңңар-* — наладиться, *кыңңыр* — кривой.

В отдельных словах в интервокальном положении литературному *ʀ* в говоре соответствует *в* (*в̆*): *қавурмэч* — жареная пшеница, *қавуччэʀх* — кукла.

Фонема *х* в шахрисябзском говоре почти не отличается от литературного языка. К исключениям можно отнести некоторые случаи замены глубокозаднеязычного *х* звуком *ç*, например: *кэлчэт* — коршун, орел, *çинэ* — хна. Часто перед *ə* звук *х* чуть палатализуется (*х'эвэр* — весть, *х'эммэ* — загром), но не тяготеет к фарингальному *ç*, что характерно для говоров Андижана, Оша. Например: *çэт* — письмо, *çули-ган* — хулиган (чисто фарингальный *h*). Ср. также — *х ≈ қ*: *қубба* — молитва, читаемая при заключении брака; *х ≈ в*: *жү-вэре* — кукуруза; *х ≈ ʀ*: *шэ:ʀ дэр* — бумажный змей.

¹ В этом отношении конечно исключаются междометия типа *тэрақ-туруқ, шэрақ-шуруқ* и т. п.

Фонема χ (h) — глухой фарингальный щелевой звук, употребляющийся в арабо-персидских заимствованиях, объединил собой два согласных, а именно: هـ (هُجُوم) нападение, هَوَاء воздух, فَهْم понимание, ум) и ح (حَمَام) баня, حَوْض бассейн, سَحَر заря, рассвет).

Иногда χ произносится как глубокозаднеязычный x : ах-мрх — глупец, дурак, лэхьм (لَحْم) — мясо, мэх'си — ичиги. Это явление, характерное для ташкентского говора, шахрисябзскому не присуще.

В ташкентском говоре вместо χ употребляется часто глубокозаднеязычный x или его палатализованный вариант x' .

Звук χ в шахрисябзском говоре носит неустойчивый характер, что объясняется, видимо, его слабой артикуляцией. Более или менее четко произносится в начале слова, а в других позициях выпадает или переходит в другой звук.

По своему употреблению звук χ совпадает с тем же звуком литературного языка и выступает как самостоятельная фонема, отличная от глубокозаднеязычного x . Например: х'эммэ — закром и хэммэ — весь, всё, все, хажэ — расход и хэжэ — паломничество, хэл — родинка и хэл — положение, обстоятельство, хэр — униженный и хэр — корень глагола — уставать, хуш — желание, воля и хуш — сознание, чувство, хон — ладно, согласен и хон — глоток, хам — согнутый и хэм — тоже, и, хорэ — прожорливый и хорэ — заверни, хэллэ — прыгай и халлэ — напиши.

При употреблении в остальных позициях прослеживаются следующие фонетические изменения:

1) звук χ бесследно выпадает: а) в корне слова: нэс (нахс) — злополучие, пэмлэдим — я понял, тэқиғх — запрещение; б) в конце слова: дэтхэ — ищущий правосудия, гэ... гэ... — то... то..., гийэ — растение, никэ — бракосочетание. Но сийэйе (сийэх) — чернила и сийэйдэн — чернильница.

Вообще при изолированном употреблении слова (т. е. без аффиксов) в абсолютном исходе χ вовсе не замечается: пэнэ — приют, эрвэ — дух, душа умершего, дэргэ — приют. Но с присоединением аффикса принадлежности χ восстанавливается, и перед гласным $и$ переходит в $й$; например: худэни пэнэйигэ — будь (же) под покровительством бога, отэмни эрвэйигэ бағышлэдим — посвятил душе моего покойного от-

ца. Но ср. еще: *чэк* (тадж. *чэх*) — глубокая яма; в) в условиях sandhi: *кэмсил* — малоурожайный, *манэм* — я тоже, *бэв уш* (*бехуш*) — без сознания, *бирэвуч* — целая пригоршня, *тэшэвуз* — бассейн, выложенный камнем;

2) в интервокальном положении перед гласным *и* звук *х* произносится как *й* (*j*): *вэйимэ* — паника, страх, *элэйида* — отдельно, раздельно, *хэйиш* — желание, *мулэйиза* — размышление, *рэйим* — имя собственное. Ср. еще: *жуддэйэм* — очень даже;

3) в интервокальном положении, чаще между *э — э, э — э, э — э*, или в середине слова между гласным и согласным *х* произносится очень слабо, почти доходит до нуля и образуется долгота гласных (см. раздел „Долгота гласных“): *сэ:-эллэп* — ранним утром, *бэ:эри бугдэй* — яровая пшеница, *э:мийэт* — важность, *то:мэт* — клевета, *мэ:нэт* — труд, *эх-пэтэ: бэриң* — благословите.

Звук *х* подвергается полной регрессивной ассимиляции при стечении *х + к = кк*: *мэккэм* — прочный, закрытый, *зэккэ* — на сырое (влажное) место; *х + д = дд*: *жэдду-жэдал* — проворство, энергичные действия.

В некоторых словах придыхательный *х* может прибавляться в начале слова перед гласным: *хор-* || *хормалэ* (*ур-мала*, ср. этимологически *бмйль*¹) — ползать, *хорэ-* (*ура*) — заворачивать, накрывать, *хор-* (*ур-*) — заплетать (косу), *худда* (тадж. *ухда*) — обязанность, *хэпил-тэпил* — успех, наско́ро, *эддисэр* || *хэддисэр* — все равно, так или иначе, *хэвдирэ-* (*абдирамоқ*) — растеряться, смутиться. Встречается это в заимствованиях из русского языка: *хэптэбус* — автобус, *хэптэмэт* — автомат.

Рассмотрим носовые *м, н, ң* (*нг*).

Фонема *м* — губной, звонкий согласный, артикулируется и употребляется точно так же, как в литературном языке. В результате прогрессивной ассимиляции назализуется следующий согласный и внутри слова (звук *б*), и в окончаниях (звуки *д, г*) (см. описание фонем *б, д, г*): *м + б = мм*: *эммэр* — склад, кладовка, *зэммэр* — носилки; *м + д = мн*: *кэмнэңкэм* — изредка, *комним* — я зарыл; *м + г = мн*: *кимңэ* — кому, *кэмңинэ* — немножко;

¹ Часто в шахрисябзском говоре появляется *х* перед *о, у, э*. Аналогичное явление прослеживается и в современном узбекском литературном языке (ср. с древнетюркским языком): *хүкиз* (*ökiз*) — вол, *хүл* (*öl*) — мокрый, влажный, *ховуч* (*abiç*) — пригоршня.

Две последние закономерности наблюдаются только в окончаниях, т. е. в случае присоединения аффикса с начальным *д* или *г* к словам, оканчивающимся на *м*.

Такой ассимиляции нет в середине слова, ср.: *хумдэн* (а не *хумэн*) — печь (гончарная), *хэмдэм* (а не *хэмнэм*) — имя собственное, *кэмгэп* (а не *кэмңап*) — неразговорчивый.

Иногда литературному *м* в говоре соответствует *н*: *нэв-до* (*мобода*) — в случае если, *тинтэлэ-* (тимдаламоқ) — царапать.

Фонема *н* — переднеязычный звонкий согласный. В говоре его качество зависит в основном от позиции.

В результате полной прогрессивной ассимиляции как внутри слова, так и в окончаниях *н* назализует согласные *д*, *г*, *ф*. Например: *әннэвэ* — малка, *узэңе* — стремя, *зиңчиллэ* — сбегай (подробнее см. в описаниях фонем *д*, *г*, *ф*), ср.: *топалэң* — суматоха, *үйлчэң* — застенчивый. Ср. еще в условиях *sandhi*: *мәңкэллим* — я пришел, *оңғыз* — десять девушек, *сәңгәпир* — ты говори.

При склонении имен, оканчивающихся на звонкие согласные *з*, *р*, *г*, *ж*, *в*, *й*, *ф* и на глухой *к*, в родительно-винительном падеже *н* (аффикса *-ни* переходит в *д*, например: *туз* — соль — *тузде*, *қар* — снег — *қарде*, *йғ* — масло — *йғде*, *тәж* — гребень — *тәжде*, *әлв* — огонь — *әлвде* — *чэй* — чай — *чэйде*, *дуг* — веретено — *дугде*, *эшәк* — осел — *эшәде* (в последнем случае *к* выпадает, а предыдущий гласный удлиняется).

В этой же позиции после глухих *п*, *т*, *ч*, *с*, *ш*, *х*, *к* (в односложных словах) *н* (> *д*) выступает как *т*: *қәп* — мешок — *қәпте*, *хат* — письмо — *хатте*, *сәч* — волосы — *сәште*, *мих* — гвоздь — *михте*, *тәк* — виноградник — *тәкте*.

После щелевого *л* звук *н* аффикса *-ни* также ассимилируется и переходит в *л*: *чәл* — старик — *чәлле*, *халил* — имя собственное — *халилле*.

Только после носовых *м*, *н*, *ң* звук *н* сохраняется: *тәм* — крышка — *тәмне*, *хәйвән* — животное — *хәйвәнне*, *чәң* — пыль — *чәңне*.

В положении перед *б* звук *н* подвергается регрессивной ассимиляции и переходит в губной *м*: *йәмбәш* — боком, на бок, *жәмбәшлик* — жертвенность, героический подвиг, *күмбәтәр* — запад, закат (солнца), *нәмбәме* — есть хлеб?

Перед *м* в окончаниях *н*, подвергаясь полной регрессивной ассимиляции, переходит в *м*: *мәмме*, *сәмме* — я ли?, ты ли?, *султәммурәт* — имя собственное, *нәмминән* — с хлебом.

Литературному *н* в некоторых случаях в говоре соответствует *м*: *боғум* — сустав, *сутум* (*устун*, ср. с тадж. *сутун*) — столб, колонна, *тилэмчи* — попрошайка.

Такое же явление встречается перед согласным *л* — здесь *н* в результате полной регрессивной ассимиляции переходит в *л*: *мәммәллик* — зазнайство, *нәлләдде* — хлеб, **тәлләвэ* — выбирай, *сәмәрқаллик* — самаркандец. В некоторых словах, как в начале, так и внутри слова, литературному *н* соответствует боковой согласный *л*: *ләдән* — невежественный, *ләдән* — кислосладкий, *милләт қәмә* — не п-прекай, *гилә* — сетование.

В потоке речи наблюдается ослабление и выпадение согласного *н* между *э*, *ә* или между *э* — *й*, *о* — *й*, *ә* — *э*, *ә* — *о*, в результате чего предшествующий гласный чуть удлиняется: *нә:элиң* — возьмите хлеба, *әззә:әпсизс* — дешево купили, *нә:ййән*, *қаву:ййән* — ешьте хлеб, дыню, *хәммәйә питтәдән то:ййәпте* — (он) всем по халату подарил, *сә:оқе* — ты читай, *қә:қә:ййә:Фәде* (*қон-қон йиғлади*) — она плакала кровавыми слезами, *муннә:элиң* — возьмите этого, *мә:әйттим* — я сказал.

Фонема *ң* (лит. -орф. *ng*) — заднеязычный звонкий согласный, артикулируется, как более передний звук, чем в литературном языке, и имеет чисто тюркское произношение, а не представляет собой какой-нибудь смежный звук с каким-либо призвуком. Согласный *ң* в шахрисябзском говоре как количественно, так и качественно отличается от этого же звука говоров самаркандско-бухарской группы, где он артикулируется с призвуком, как *ң^к* или *ң^г*, например: *келиңк* — приходите, *койиңге* — да бросьте, оставьте¹.

В шахрисябзском говоре звук *ң* подвергается фонетическим изменениям в зависимости от позиции.

1. Переходит в *й*²: а) в глагольной форме 2-го лица ед. числа прошедшего категорического времени при прибавлении аффиксов множественности *-лә(р)* или вопросительного *-ми*. Например: *кәллийлә* — вы пришли, *коддийме* — видал ли ты?, *йәздийлә* — вы написали, *оқьдийме* — читал ли ты?,

¹ См. Е. Д. Поливанов, Образцы не-сингармонических (иранизованных) говоров узбекского языка, ДАН, 1928, ст. 318 — 328.

² Вообще утрату назализации и замену *н* звуком *й* наблюдаем в истории тюркских языков: др. тюрк. соник — в большинстве современных тюркских языков (*сүйәк* — кость) (см. М. Ряснин, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 171).

б) в форме повелительного наклонения 2-го лица мн. числа перед аффиксом множественности *-лэ (р)*: *бэрийлэ* — приходите (туда), *тэрийлэ* — собирайте, *йэйлэ* — ешьте; в) в показателе 2-го лица мн. числа условного наклонения настоящего-будущего времени: *тэпсэйиз* — если вы найдете, *билсэйиз* — если вы знаете, *кэ(л)сэйиз* — если вы придете; г) при прибавлении к именам, имеющим показатель принадлежности 2 го лица ед. числа *-(и)ң*, аффиксов родительско-винительного (*-ни*), исходного (*дан*, принимающего форму *-нэн*) падежей: *бэгьйне* — твой сад, твоего сада, *бэгьйнэн* — с твоего сада, *қолийне* — твои руки, твоих рук, *қолийнэн* — с твоих рук; д) при sandhi: *бэший минэн* — с твоей головой.

Здесь же уместно отметить слово *сийним (синглим)* — моя младшая сестра, но в слове *кунглим ң* совершенно выпадает, а предыдущий согласный удлиняется: *ко:ним* — мое сердце (в результате регрессивной ассимиляции в этих примерах начальный *л* последнего слога переходит в *н*).

2. Звук *ң* в интервокальном положении (между *и — и*) совершенно выпадает вместе с одним рядом стоящим гласным в следующих случаях: а) в глагольной форме 2-го лица мн. числа прошедшего категорического времени: *сэттиз (сотдингиз)* — вы продали, *иштиз* — вы выпили: *эштиз* — вы открыли; б) в глагольной форме 2-го лица мн. числа прошедшего времени условного (сослагательного) наклонения: *йэпсэйдиз, йэпсэ эдиз < йэпсэ эдингиз (ёпсангиз эди)* — если бы вы закрыли, *йүсэйдиз* — если бы вы помыли; в) в именах, имеющих аффикс принадлежности 2-го лица мн. числа: *бэгиз (богунгиз)* — ваш сад, *козиз* — ваши глаза, *оуиз*¹ — ваш дом.

3. С присоединением аффиксов с начальным *г (-гэ, -гэн, -гэчэ, -гунчэ, -гин* и т. п.) к словам, оканчивающимся на *ң*, в результате слияния на месте сочетания звуков *ңг* образуется удвоенный согласный *ңң*, т. е. *ңң, чэңңэ* — в пыль, *тэңңина* — узенький (см. также характеристику фонем *н, г*).

Иногда в середине слова *ң* перед *л* произносится как *ғ*, а следующий звук *л* переходит в *н*, например: *эгнэмэдим* — я не понял, *тиғнэйди* — слушает внимательно, слушается (это отмечено в речи старшего поколения); *тэгнэй* — небо.

Назализация исчезает также в слове *сунгра*, которое произносится *софра* — здесь *ң* заменяется *ғ*, который вместо *о* иногда вызывает гласный *э* широкого заднего ряда и произносится *сэ:рә* — потом, затем.

¹ Очевидно, в этих случаях произошло сокращение: *сэттиңиз > сэттийиз > сэттиз; йүсэ эдиңиз > йүсэйдийиз > йүсэйдиз, бөгьңиз > бөгьйиз > бөгьз*.

На стыке основы и аффикса в позиции между гласным *ə* и сонорными согласными *ŋ* не замечается, а скорее слышен долгий гласный *ə* с носовым оттенком: *тə:рəґʰ* — чуть тесноватый, *əкə:никийə бəрəмизʰ* — пойдем к твоему брату, *əпə: лəддики кəргə* — где живет твоя старшая сестра (с семьей)?

Ср. еще: *мə:қараң* — взгляните на меня (см. также раздел „Долгота гласных“).

Фонема *л* — щелевой согласный; артикулируется как в литературном языке: средний между твердым (в слове *лыжа*) и мягким (в слове *лэжа*) *л* русского языка. В соседстве с переднеязычным согласным, особенно в конце слова, произносится очень близко к русскому мягкому *л*: *əсəл'* — мед, *шəл'* — паралич, *дил'* (*жəнудил'*) — сердце, *сил'* — частота, *сəл'* — ливень.

Это нередко сказывается в произношении русских слов, в которых твердое *л* представителями говора произносится мягко: *л'əдно*, а не *ладно*; *л'ук*, а не *лук*; *мəл'иш*, а не *малыш*, *бəлий*, а не *белый*, *писəл'*, *читəл'* а не *писал*, *читал*.

Особенности этого звука в шахрисябзском говоре следующие:

1) в некоторых односложных словах (в глаголах) конечный *л* отпадает, например, в форме повелительного склонения 2-го лица, ед. числа: *қə* — оставайся, *ə* — возьми, *сə* — клади, *кə* — приходи, *бəл'* — будь, *қə* — сделай. Звук *л* не восстанавливается также перед аффиксами: а) *-гəн*, *-гин*, *-гунчə*: *қəгəн* — оставшийся, *əгин* — возьми же, *сəгунчə* — пока он кладет, *кəгəн*² — приходивший, пришел; б) *-сə* (аффикс условного склонения): *бəсə* — если будет, *қəсə* — если сделает, *əсə* — если возьмет; в) *-мə* (аффикс отрицания): *қəмə* — не оставайся, *əмə* — не бери, *сəмə* — не клади. Во всех других формах *л* восстанавливается: *кəллим*, *кəлəмən*, *кəлəм-мən*, *кəлəйчийдим*, *кəлувдим*. Подобное явление встречается почти во всех городских говорах, в частности в кыпчакских³;

2) иногда литературному *л* соответствует *н*: *нəкин* — но, однако (видимо, в результате регрессивной ассимиляции исходного *н*), *интимəс* — просьба, *кəст⁴руңкə* — кастрюлька.

¹ В этой же форме в слове *бол* (омонимического ряда) — раздели *л* не выпадает.

² Выпаде *не л* в конце основы глагола наблюдается также перед аффиксом понудительной формы в слове *келтир*, которое произносится *кəтир* наряду с *котур* (последнее отмечено в речи пожилых людей) — принеси.

³ См. Х. Данияров, Бахмальский говор узбекского языка, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Хранится в библиотеке им. В. И. Ленина, М., 1955.

В говоре употребляются слова *эттиббе* — занеси, отнеси и *отте* — садись с удвоенным *т*, первый из которых должен быть *л* (*элтиббе(р)* и *улти(р)* — конечный *р* выпадает в форме повелительного наклонения), который в результате регрессивной ассимиляции перешел в *т* (ср.: *эт*, а не *элт* — *л* выпадает). Иногда *л* заменяется дрожащим *р*: *хэрпэнэ* — складчина, *мүсүрмэн* — мусульманин, *котэрэң* — обезноживший (о животных), *зэммар* — носилки, *гэри мсэр* (*гармсел*) — сухой горячий ветер, *жэзвар* — линейка.

Щелевой *л* в окончаниях перед дрожащим *р* ассимилируется и переходит в *р*. Например: *эврррэгх* — чуть раньше, *бэмэлрррэгх* — спокойнее, *куррэң* — серый, *қорромэл* и *қонномэл* — носовой платок.

Фонема *р* — дрожащий согласный. В отличие от аналогичного звука литературного языка в шахрисябзском говоре артикулируется, как слабо дрожащий звук (особенно в конце и середине слова), напоминающий мягкий *р* в русском языке, например, в словах *горький*, *токарь*. Благодаря слабой редукции он выпадает, ассимилируется почти перед всяким согласным и переходит в щелевой *л* и *й*.

1. Звук *р* выпадает в следующих случаях:

а) в отдельных словах (у глаголов 2-го лица ед. числа повелительного наклонения) отпадает конечный *р*¹: *бэ* — иди, *сходи*; *есть*; *бе* — дай, *отдай*. В качестве вспомогательного глагола *бе* (*бер*) сохраняют такую же форму: *кэтиве* — продолжай идти, *кэливе* — продолжай ходить (сюда), *отте* — садись. Сюда же можно отнести слова *хайр*, *бахайр*, которые произносятся *х'эй* (говорят при прощании или согласии), *бэхэй* — что с вами, *эх'ири бэх'эй босин* — пусть будет удачным конец;

б) в аффиксе *-дур* || *-дир*: *тэлкэндУо* — он, наверное, нашел, *кэгэндУла* — он, наверное, пришел (с оттенком уважения); *кимдУо* — кто он такой, *н.мэдУо* — что это такое (см. разделы „Причастное прошедшее время“, „Местоимение“); в аффиксе *-лар:дэрэх'лэ* — деревья, *қушлэдэн* — из птиц;

в) в словах, оканчивающихся на сочетание двух согласных перед следующим согласным (см. раздел „Опущение групп согласных“);

¹ Звук *р* не восстанавливается при присоединении к этим словам аффикса *-гин*: *бэгин* — дай же, *бэгин* — иди же, а перед *-гэн*. *-гунча* восстанавливается: *бэргэн*, *борган*, *бэргунча*, *бэргунча*; *р* восстанавливается во всех других глагольных формах, но перед согласным происходит удвоение присоединившегося согласного: *бэзде*, *бэдде* вместо *борди*, *берди*, *бэссэ*, *бэссэ* вместо *борса*, *берса*; *бэммэ*, *бэммэ* вместо *борма*, *берма*; но: *бэриврэмэ*.

г) в отдельных словах выпадает в середине слова, например: *дэстэхэн* — скатерть, *тэвэрүк* — священный, *этил* — артель (отмечено в речи пожилых людей), *кэтишкэ* — картошка, *ситмэгх* — петля.

Звук *р* выпадает также в интервокальном положении вместе с рядом стоящим гласным (*и*): *бэрэгх* (*берирук*) — чуть ближе, *нэрэгх* || *нэрэгх* — чуть дальше.

2. Полной регрессивной ассимиляции подвергается *р* под влиянием следующего согласного во всех позициях слова, например:

р + д = дд: *йэддэм* — помощь, *пэддэ* — занавес, *пэддэз* — отделка, украшение, *дуддэ* — осадок, муть; комочек, *х'эвэддэр* — осведомленный, знающий, *боддэке* — откормленный, *зэддэ* — абрикос, *бэддэм* — здоровый, *тэдде* — он собирал, *уддиң* — ты избил, *йүддир* — заставь ходить, веди (о ребенке), *бээддэн* — с базара, *бэдду(р)* — наверно, есть, *биддэнэ* — одна штука. Но: *гэттэг* (тадж. *гард + ак* — букв. пыльца) — немножко;

р + ч = чч: *қаччиғ'эй* — ястреб, *эччэ* — елка, туя; *мөччэ* — муравей, *шиччэй* — чай, заваренный в горячем молоке, *эччибе* — очисти (кожуру), *жэччи* — глашатай, *пэччэ* — кусок, отрезок, *тэтэччэ* — по-татарски, *үчүғх* — веретено, *чэччэдим* — я устал, *дэччэ* — дверца, *биччэйник* — целый чайник. Но *бүжжэқ* (*бурчак*) — уголок (частичная регрессивная ассимиляция);

р + т = тт: *пэттэ* — парта, *қ'эттэ* — карта, игральные карты, *шэттэ* — твердо, наотрез, *х'эммиттуруш* — дрожжи, опара, *эттиббе* — сотри (для кого-л.), *биттэвэқа* — одностворчатая (дверь), *сэттэрш* — парикмахер, *тоттэв* — мы вчетвером;

р + с = сс: *хуссэн* — веселый, рад(остный), *қассэқ* — аплодисменты, рукоплескания, *биссом* — рубль, *сэссэн* — замученный бегомней, скиталец, *боғуссэгх* — жареные в масле кусочки сдобного теста, *сэссув* — сочный, обильный, *биссэннуғх* — целый сундук;

р + л = лл: *хэвллэ* — подровнять, *пэшгиллик* — предотвращение, избежание, *чэр^и мгэллик* — коженное производство, *бэллэс* — название племени, *йэтэллик* — достаточно, *пэқьллэп* — ведро за ведром, *чэйхоллик* — чаепитие;

р + н = нн¹: *түннэ* — журавль, *кәннэй* — музыкальный инструмент, *тәннэв* — желоб, водосточная труба, *пәнник* —

¹ При наращении аффикса родительного-винительного падежа -ни сочетание согласных *р + н* дает *дд*: *қэр* — снег — *қэдде*; *бээр* — базар — *бээдде* и т. п. (см. описание фонемы *н*).

парник, *тунник*—турник, *хэннимэ*—все, всякая вещь, *бин-нэссэ*—одна (хорошая, интереснейшая) вещь;

$p + z = 3z$: *миззэ*—писарь, грамотный человек; *эззэн*—дешевый, *эззэннэ*—любимчик, *эззимэс*—недостойный, не стоящий, *хэззэмэн*—все время; время от времени, *бэззэнце*—смуглый, дородный мужчина;

$p + ж = жж$: *хожжсүн*—переметная сума, *пүжжэ*—удобный момент, возможность, *бижжэ(х)эн*—значительно, слишком много, *бижжүмлэ*—ничего, не плохо, чуть лучше, *сэжжэцин*—сажень;

$p + ш = шш$: *түшшэк*—сушеный урюк, *мишшэп*—начальник ночного дозора эмирской полиции, *бишшэ(х)эддэн*—из одного города.

Перед остальными согласными *p* не ассимилируется и не исчезает (за исключением глаголов *бэр*, *бэр*, в употреблении которых в форме повелительного наклонения *p* выпадает, при наращении же аффикса *-мэ* происходит удвоение звука *л*: *бэммэ*—не ходи туда, *бэммэ*—не давай).

Иногда внутри слова и в абсолютном исходе под влиянием диссимилиации согласных *p* переходит в щелевой *л*: *элгамчи*—веревка, *қалмэгх*—удочка, *сэлқут*—объедки, *сэлмисэгх*—чеснок, *болл (болор)*—балка, потолочная перекладина, *күнжэлэ*—жмых, *дэвл*—забор, *зэрүл*—необходимый, *этил*—духи, одеколон, *қалғай*—сосна, *эбжил*—ловкий, умелый, *нимжэлэ*—сделанный на половину, кое-как, *жүлэп* (тадж. *чуроб*)—чулок, носок, *кэлэвт*—кровать, *корйол*—курьер (видимо—народная этимология), *зэлэл*—вред, ущерб.

Наблюдаются случаи (в глаголах, образованных от звукоподражательных слов), когда литературному *p* соответствует в говоре удвоенный *л* (*лл*): *хилпиллэт*-(*хилпиратмоқ*)—развевать, веять, *қалтиллэ*—дрожать, *гэлдиллэ*—шататься. В отдельных словах в начале слова (*номэл* вместо *рүмол*—платок) и в конце слова (*сэвсэн*¹ вместо *сапсар*—лиловый, фиолетовый) литературному *p* соответствует носовой *н*.

Прослеживается соответствие литературному $p \approx й$ в середине слова: *сийпэнчиғх* вместо *сирпанчиқ*—скользкий; в окончаниях перед элементами *эди*, *экэн*, *эмиш* при употреблении с формой причастия будущего времени на *-эр*: *бэрэиде* (*бэрэри* < *бэрэр эди*)—он ходил (бы), *бэрэйкэн*—он оказывается ходит, *бэрэймуш*²—говорят, что он ходит.

¹ Соответствует таджикскому *савсан*.

² Можно сказать, что в этих случаях *p* совершенно выпадает, а начальный гласный *э* следующего элемента произносится как *й*.

В ряде случаев на месте выпавшего *p* возникает долго-та предшествующего гласного, например: *кэ:зэ*—куда, где, *э:зэ*—там, *бэ:зэ*—сюда, здесь, *шэ:зэ*—вот сюда, вот здесь. Ср. еще: *бэ:*—есть, имеется.

ДРУГИЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Явления ассимиляции и диссимиляции мы рассматривали при характеристике каждого звука в отдельности. Однако явление ассимиляции, как прогрессивной, так и регрессивной, в большинстве случаев полной, в шахрисябском говоре весьма часто, поэтому нередко встречается парное употребление) однородных согласных в середине слова (часто на стыке корня и аффикса). Одни согласные удваиваются чаще, другие реже, некоторые совсем не удваиваются. Это объясняется, во-первых, употреблением определенного сочетания двух согласных в слове и, во-вторых, результатом ассимиляции (имеется в виду вторичное удвоение).

Парное употребление согласных в слове возникает не только благодаря ассимиляции, но и при прибавлении в интервокальном положении одного (однородного) согласного. Например, в сравнении с литературным, а в заимствованиях с тем языком, из какого они вошли в говор, это наблюдается в следующих словах: *кутте*—ящик, *уттуг*—утюг, *сэпсэтте*—нарек, упрек, *сэққэл*—борода, *қурвэққа*—лягушка, *буққа*—бык, *суррэт*—фотографическая карточка, *арруғх*—тощий, *нэчи*—сколько, *сэвэчоп (сава чўп)*—связка шрутьев, которыми треплют вату, шерсть и т. п., *суппэ*—небольшое возвышение из глины, *шуллуқ (зулуқ)*—пиявка, *ҳэссэ (ассэ)*—посох, палка, *мижжэ* (тадж. *мижа*)—ресница; *шэббэдэ*—ветерок, зефир (употребляются в говоре этимологически правильно: ср. с тадж. *шэб*—ночь, *бэд(а)*—ночной ветер), *уккэл*—укол, *кунншэ ист^имэ*—малярия, которая трясет через день.

Почти все согласные шахрисябзского говора (за исключением *ғ*, *х*) могут удваиваться, т. е. употребляться как долгие согласные, например, в последних словах удваиваются *т*, *қ*, *р*, *ч*, *п*, *л*, *с*, *ж*, *к*, *н*. Такое широкое употребление парных согласных является одной из фонетических особенностей шахрисябзского говора, отличающих его от литературного языка. Прослеживается и обратное явление—выпадение одного из парных согласных в интервокальном положении, например, в словах *липэ*—пояс штанов, *топэнчэ*—пистолет, *чэқэлэ*—становиться на колени, *моке*

(тадж. *мукки*)—род обуви из грубой кожи, *тизэ* — колени, *гэжэқ* наряду с *кэжэқ* — завиток, локон, *силиғх* — гладкий.

Особенно отчетливо проявляется такое выпадение в гап-логии, когда выпадает один из двух одинаковых слогов: *бэвмни сэллэре* — чалма дедушки, *экэмни бэллэри* — дети моего старшего брата. Часто встречается в *sandhi*: *кэт-тэнэпус* — большой перерыв, *баққарақ* (*баққа қаранг*) — смотрите сюда, *экишии* — два человека, *эннимэ қыләмис* (*энди нима қиламиз*) — а теперь что будем делать, *экило* — два кило. Ср. также: *бэрғх* (*берироқ*) — чуть поближе сюда, *нэрғх* (*нарироқ*) — чуть дальше.

ОПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ И СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

Одной из характерных фонетических черт шахрисябзского говора является тенденция к опрощению групп согласных (неоднородных) в середине и конце слова (при этом один из согласных выпадает): *қхтэ || қьттэ* — сорок штук, *қохмэ* — не бойся *қохсэ* — если (он) боится, *қохтим* — испугался, *қаздэр* — заложник, *дэччил* — восприимчивый к болезни, *дэрэхзэр* — роща, *дэйэр* — помощник (в семье), *бэлэллик* — возвышенность, *бэтэр* — хуже. В этих примерах в середине слова выпадает *р* (чаще) и *т*, *д*. Они же выпадают и в конце слова; например, бесследно исчезает (при этом не образуется даже долгота предыдущего гласного) звук *р* перед следующим согласным (как в именах, так и в глагольных корнях):

а) *қут* — червь, *гүгут* — спички, *кэч* — ломоть, кусок (арбуза, дыни), *муч* — перец (черный), *нушхут* (тадж. *ниш-хурд*) — объедки корма животного, *чэх* — колесо, точило, прялка, *курэт* — курорт, *готток* — горторг, *кэт* (*карт*) — широкая деревянная кровать;

Примечание. В этих словах опущенный *р* также не восстанавливается при наращении аффиксов принадлежности, падежа и т. п., например: *қуте* — его червь, *қуткэ* (в дательном-местном падеже), *қутлук || қуллик* — червивый и т. д.

б) *шэт* — условие, договор, *йут* — родина, отчизна, *қаз* — долг, заем, *эз* — заявление, жалоба, *пэз* (*хэм пэз*, *хэм сүн-нэт*) — долг, обязанность (к требованиям догматов религии), *х'эжэ* — расход, трата, *буч* — долг, обязанность;

Примечание. В этих словах присутствие *р* чувствуется только при прибавлении аффикса принадлежности — исходный согласный удваивается (т. е. происходит полная регрессивная ассимиляция), например: *шэте* — его условие, *қаззи* — его долг и т. п.

в) *эт* (*арт*)— три, сотри, *эт* (*орт*)— грузи, загружай, *тэт* (*торт*)—тяни, *эч* (*арч*)— очищай, *сут* (*сурт*)¹— вытирай, намазывай, *чэт* (*черт*)— постукивай (пальцами), щелкни.

Примечание. В этих глагольных корнях *р* восстанавливается, удваивается исходный согласный только с прибавлением аффиксов с начальным гласным деепричастий настоящего (*-э*) и прошедшего (*-иб*) времени, причастия будущего времени (*-эр*). собственно желательного наклонения (*-ай*). Например: *эттэ* (и *эттэмэн*), *эттил* (и *эттиммэн*), *эттэр* (и *эттэйдим*), *эттай* и т. п. В остальных случаях перед аффиксами с начальным согласным *р* не восстанавливается: *тэткэн*, *тэткунча*, *тэткин*, *тэттик*, *тэтмэ*, *тэтсэ* и т. д.

В конце слова после согласного (за исключением сочетания согласных *рт*) особенно часто отпадают *т* и *д*. Эти звуки восстанавливаются только приращением аффикса принадлежности: *рэс* и *рэсти*— правда, верно, *тэх'* и *тэх'-ти*— трон, престол, *вэх'* и *вэх'-ти*— время, *дос* и *дости*— друг, приятель, *дэш* и *дэшти*— месть. Иногда они не восстанавливаются перед любым аффиксом: *гош* и *гоши*, *гошкэ* и т. п. — мясо, *дэрэх'* и *дэрэхи*, *дэрэх'тэн* и т. п., *жүп* и *жүпи*, *жүпти* < *жүпни*— пара, *бийиш*— рай, *мэс* и *мэси*, *мэскэ*— пьяный, *эттис* и *эттисимиз*, *эттислик* и т. п. — артист, *ғыш* и *ғыши*, *ғышкэ* и т. д. — кирпич, *эгин*— агент, *эспэл*— асфальт, *пэйиз*— поезд, *бэлэн*— высокий, *қан*— сахар, *хэрчэн*— сколько ни..., несмотря на... (см. также описание фонем *д*, *т*).

В говоре наблюдается тенденция к выпадению не только отдельных звуков, но и целого сочетания или комплекса звуков в результате стирания и стяжения наиболее употребительных слов и выражений, которые уже воспринимаются в говоре как застывшие формы: *шэң*— эта сторона, *э:нйвэш* (*энгилбош*)— одежда, *йэңке* (*янгидаги*)— тот самый, давешний, *уннэхэ* (*ундоқ бұлса*)— тогда, в том случае, *чүшмәдим*— я не понял, *қойве* (*қүйиб юбор*)— отпущу, *тә:лэ*— складывать, *бә:з*— спокойно, *мэрәк*— поздравление, *мэрә:босун*— поздравляю. Ср. также: *бэрэмән* < *бэрэйсмән*— я иду (туда), *бэссәйдиз* < *бэрсә эдиңиз*— если бы вы пошли (туда), *бэрәткән* < *бэрәйткән*— идущий (туда), *бэрәткән* < *бэрәдигән*— намеревающийся идти (туда) (см. подробнее в разделе „Глагол“).

Подобные явления особенно часты в процессе речи: *қа:бэрәпсэн*— куда идешь, *си:лэ:охшәп*— подобно вам, *чинтәвәғх*— фарфоровое блюдо.

¹ В ташкентском говоре в слове *сур* выпадает *т*, а не *р*—қолийни *корпәгә сурмә* (в шахрисябзском: *қолийни корпәгә сутмә*)— не вытирай руки об одеяло.

Иногда при прибавлении аффикса *-гина* к словам, оканчивающимся на гласный (на стыке слова и аффикса), происходит опрощение, и слово вместе с аффиксом сокращается: *йэх'шийнэ* — хорошенький, *мэйдийнэ* — малюсенький, *кички-нийнэ* — маленький. Таких случаев опрощения и сокращения в говоре встречается много, особенно в употреблении сложных глаголов: *эпке (олиб кел)* — принеси, *тэббе (топиб бер)* — найди (для кого-л.), *эпқэ* — оставь у себя, *йунқой* — вымой, *чэпке* — прибеги (см. „Деепричастие“).

Явление опрощения и сокращения свойственно не только шахрисябзскому говору, но и живой разговорной речи всех тюркских языков, однако в каждом языке и говоре оно имеет, разумеется, свои особенности.

В шахрисябзском говоре стечение двух, трех согласных в начале или в конце слова не допускается. Поэтому, особенно в заимствованиях из русского и таджикского языков, между начальными согласными или перед ними добавляется *и*, реже *у*, *э*, а в конце слова либо один из согласных выпадает (об этом мы уже сказали), либо добавляется между ними *и* или *у*¹. Например: *истэнса* — станция, *устэлавэй* — столовая, *истэкэн* — стакан, *устэл* — стул, стол, *исмитэ* — смета, *иштэрэн* — штраф, *испэрэнкэ* — справка, *искэлэт* — склад (в последних трех примерах между согласными появляется *э*), *кэлэс* — класс, *истэж* — стаж, *кэвэртир* — квартира, *кэлэвэт* — кровать, *пчлэн* — план, *чэрим (чарм)* — кожа, *шэрим* (тадж. *шарм*) — стыд, *туруп (турп)* — редька, *қурут (қурт)* — сушеный творог, *курушкэ* — кружка, *қулуп* — клуб, *пчрасэн* — процент.

В заимствованиях при стечении двух согласных в конце слова добавляется *э*, как и в литературном языке: *отпускэ* — отпуск, *бэңкэ* — банк, *тэңкэ* — танк, *сэнэторийэ* — санаторий, *учэскэ* — участок, *эвускэ* — обыск. Иногда же, наоборот в русских заимствованиях отпадает исходный *а*, например: *эптик* — аптека, *мэшин* — машина, *газит* — газета, *исмин* — смена, *тилиграм* — телеграмма, *минут* — минута, а в слове *эшелон* отпадает начальное *э* — *шэлэн*; ср. еще: *хэмийэт (ахамият)* — значение,

Наблюдается явление тавтологии — повторение двух синонимических слов, одно из которых обычно является элементом иранского происхождения и в говоре самостоятельно не употребляется. Этот заимствованный элемент те-

¹ Употребление *и* или *у* зависит от гласного соседнего слога: если там губной гласный, то употребляется *у*, а если нёбный, — то *и*.

ряет свою самостоятельность, образуя вместе с исконно узбекским словом одну лексическую единицу: *рагипэй* (*эйэғьми реги-пейи тэте*) — жила („мне свело ногу“); *раг* — тадж. жила в говоре не употребляется самостоятельно, а *пэй* — узб. жила; *латтава иси* состоит из *латтабуй* — тадж. чад, запах горелой тряпки и *иси* — узб. его запах; *бэлмийэн* — состоит из *бэл* — узб. поясница и *миён* — тадж. поясница; *кэлгэв инэк* — безрогая, комолая корова — словосочетание состоит из *кэл* — безрогий + *гэв* (тадж. *гов*) — корова и *инэк* — корова (интересно употребление *кэлгэв эчке* — безрогая коза); *мүйүмбэр* — вещи, барахло, пожитки, сочетание состоит из *мүйүм* (*буюм*) — вещь, предмет и *бэр* (тадж.) — груз, выюк; *элэчипэр илэн* — пятнистая змея — сочетание из *элэ* — пестрый и *чипэр* — пестрый (не употребляется форма *элэ илэн* или *чипэр илэн*); *чэшмэ:пти суве* — родниковая вода, сочетание *чэшмэ* — родник, *эл* (тадж. об — вода) и *суве* — (его) вода; *зэрмэнэ* (< *зэрмэндэ*) *қэ* — окажись всеми брошенным: словосочетание из *зэр* — жалкий, заброшенный, *монда* — тадж. прич. прош. вр. глагола *мондан* — оставаться и *қэ* — оставайся (употребляется также *зэр қэ* в том же значении), *тэжэйгачэ* — до каких пор, доколе, доколе?, сочетание *то кай* (тадж.) — до каких пор, доколе и *-гэчэ* — до, вплоть до (равнозначно с таджикским предлогом *то*); *эймэ:тэл* состоит из узб. *эй* — луна и тадж. *махтоб* — лунный свет, употребляется в значении „лунное сияние, лунный свет“. К тавтологическим словосочетаниям можно отнести такие наречия, как *хиллэбэзор* — может употребляться каждый из элементов в отдельности: *хиллэ* и *бэзор* в одном и том же значении, как и слитная форма — еле-еле, едва; *бэстэғь* наряду с *бэстэғь* — также употребляется раздельно (*бэ* || *бэз* — тадж. снова, опять и *тағь* — узб. снова, опять, еще, что и передает слитная форма); *сэғрэйкэйин* наряду с *соғуннақкэйин* употребляется и раздельно (*сэғрэ* || *соғун* и *кэйин*) в том же значении, что и слитно — потом, затем. Ср. еще: *илмиссиғь*^х (возможно, от *илиқ-иссиқ*) — теплый.

По сравнению с литературным языком и языком, из которого заимствовано то или другое слово, наблюдается явление метатезы (перестановки звуков): *ҳ* — *в*: *эвҳол* (*аҳвол*, ар. *احوال*) — положение; *м* — *ғ*: *йэғмур* (*ёмғир*) — дождь (ср. древнетюркское *јағтур*); *р* — *й*: *пэйрэт* (*фарёд*) — вопль, крик, *гийрэн* (*гирён*) — плачущий, *дэйрэ* (*дарё*) —

река; *ла — на*: *на:лат* (*лаънат*, ар. لعنت) — проклятие;

п — р: *турпэгх* (*тупроқ*) — земля, пыль, *сурпэ* (*супра*) — скатерть (кусок выделанной овечьей кожи круглой формы, на котором разделявают тесто, просеивают муку и т. п.); *р — л*: *тэлгър* (*таргил*) — черно-золотистый в полоску; *н — й*: *дуйнэ* (*дунё*) — мир, свет, вселенная; *бойро* вместо тадж. *бурё* (и в лит. языке *бўйро*) — цыновка, плетенная из камыша; *м — р*: *йурмэңқэзиғх* (*юмронқозигқ*) — суслик; *б — р*: *тэвэст* — (*тебратмоқ*) — качать, колыхать, двигать (этимологически *täbrät*—); *л — з*: *музлэм* (*мулзам*) — убежденный, побежденный в споре; *кокмак* || *комкэк* (*кўмкўк*) — совершенно зеленый. Сюда же можно отнести слова *ноллэ* < *лоннэ* (*лўнда*) — круглый, шаровидный, *чэлгут* (тадж. *чағ-бут*) — старая вата.

УДАРЕНИЕ

Как словесное, так и логическое ударение в шахрисябзском говоре общеузбекское.

Ударение является малоизученной областью узбекского языка, хотя ему посвящены отдельные работы, созданные на основании слухового анализа, например статья А. Г. Гулямова¹. Приведенные автором случаи, „связанные с элементами, не принимающими ударения² и вводящие исключения в правила об ударении на последнем слоге, приемы и для шахрисябзского говора. А. Г. Гулямов замечает также, что „ударение в узбекском языке может служить средством семантико-грамматической дифференциации слов“³, он насчитывает „21 случай такой дифференциации“⁴. Но в говоре наблюдаются не все эти случаи, так как он имеет свои черты, особенности, отличающие его от литературного языка и других говоров. Отсутствуют в говоре некоторые элементы, морфемы, вызывающие, как в литературном языке, дифференциацию слов. Таким образом, в шахрисябзском говоре исключаются из 21 случая в основном восемь⁵.

Иногда в шахрисябзском говоре ударение дифференцирует значения слов: *куннэ* (*кунда*) — ежедневно и *кун-нэ* (тадж. *кунда*) — пень, чурбан, *хэле* (тадж. *хеле* || *хе-*

¹ А. Ф. Гуломов, „Ўзбек тилида урғу“, Ташкент, 1947.

² Там же, стр. 31.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Пункты 2, 3, 4, 9, 10, 16, 20, 21. См. А. Г. Гулямов, указ. работа.

ло) — очень; до некоторой степени и *хэлэ* (*хил* + *и*) — его род, вид, тип.

Ударением различается между собой также ряд грамматических форм:

1) глагольная форма прошедшего категорического времени отличается от имени в родительно-винительном падеже (при одинаковых корнях): *тэйде* — скользил и *тэйдэ* (от *тэй* — стригун) р.-в. п.¹; *чэиде* — полоскал и *чэидэ* (от *чэй* — чай) р.-в. п.; *тэште* — разливался и *тэштэ* (от *тэш* — камень) р.-в. п.; *йэдне* — сгорел и *йэндэ* (от *йэн* — бок) р.-в. п.; *тэмне* — протекала, текла (крыша) и *тэмнэ* (от *тэм* — крыша) р.-в. п.; *тэлле* — устала (рука, нога) и *тэллэ* (от *тэл* — тальник) р.-в. п.; *тэдде* — собирал и *тэддэ* (от *тэр* — пот) р.-в. п.; *үште* — улетел и *үштэ* (от *уч* — три, кончик) р.-в. п.; *йэ:Фде* — пошел (дождь, снег) и *йэ:Фдэ* (от *йэҫ* — масло) р.-в. п.; *кэиде* сгорел и *кэидэ* (от *кэй* — мотив, мелодия) р.-в. п.; *кулле* — смеялся и *куллэ* (от *кул* — зола) р.-в. п.;

2) повелительная форма II лица ед. числа отличается от имени с аффиксом *лэ*- (во множественном числе): *бэ:млэ* — причитай над умершим дедом и *бэ:млэ* — мой дедушка (с оттенком уважения); *ойлэ* — подумай и *ойлэ* — дома, *қэплэ* — насыпай в мешки и *қэплэ* — мешки, *көзлэ* — целься и *көзлэ* — глаза. Ср. еще: *муччи* — а перец (черный)? и *муччй* — поцелуй; *шэттэ* — прямо, резко и *шэттэ* — побои; *олэрмэн* — наверное умру (глагол будущего предположительного времени) и *олэрмэн* — жадный; капризный.

Ударение в говоре нередко используется для передачи субъективных оттенков, и это обычно сопровождается интонацией. Ср. *бэрэмэн* — я пойду (твердое решение, вопреки желанию слушающего) и *бэрэмэн* — я пойду (спокойное повествование), *кэтте* — он ушел (совсем, давно, совершенно

¹ р.-в. п. — родительно-винительный падеж.

исчез) и *кэтте* — он ушел (обычное повествование), *бэме* — есть ли (вопрос с большим интересом к предмету) и *бсме* — есть ли (обычный вопрос).

В шахрисябзском говоре, как вообще в узбекском языке, словесное ударение (кроме случаев и элементов, отмеченных А. Г. Гулямовым) в основном падает на последний слог. Этому подчиняются также все заимствования, например, из русского языка: *радий*(н) — радио, *истанса* — станция, *начэйлик* наряду с *ләчэйлик* — начальник, *курушкэ* — кружка, *михэйнизэтур* — механизатор.

Есть заимствования из арабского, таджикского и русского языков, в которых ударение падает не на последний, а на первый слог (в двусложных словах): *хэйлэ* (видимо, из ар. *هَيْلَة* — вот, эти) — вот он, *хйллэ* (возможно, из ар.

هَيْلَة) — еле-еле, едва, *лэмсэ* (тадж. *қувваи ломиса* — осязание) — свежий, мягкий (о хлебе), *дджэжи* — целиком, слишком много; все сразу, *шйэн* (тадж. *шоён* — достойный, подобающий) — к счастью; хорошо, что; возможно, *хорэ* || *хорэ* (тадж. *хурдан* — есть) — обжора, *хоққь*. (тадж. *хўққи*) — грубый, невежливый, *искэт* (тадж. *искард*) — постоянно, всегда, *эққэл* — как раз, прямо.

Что касается логического ударения в шахрисябзском говоре, то в большинстве случаев оно падает на слово, стоящее перед сказуемым: *тэжи: лэдде ичиге йэм озбэ: чэни билэйтигэни бэ, билмэйтигэни бэ* — среди таджиков тоже есть знающие узбекский язык и не знающие его; *райи-гэ сэгэн одэмнэ озими нэ(н) эл(иб) йүрэдэ* — он ходит с теми, кто его слушается; *буннэққа бэлэн суппэ бэччэлиг ойгэ бомайде* — такая высокая супа не годится для семьи с детьми.

Логическое ударение часто вызывает инверсию — более важные члены предложения стоят перед сказуемым, а второстепенные обычно переходят в конец предложения, за сказуемое (в распространенном предложении): *бэлэмни қолгинэлэри кокэрин кэтипти сэвүгдэн* — от холода посинели ручки моего мальчика, *китобийни оқипкинэ: оттисэң бомэйдими эққа бэргунчэ* — не лучше ли было тебе посидеть и почитать книгу, вместо того чтобы идти туда. Логическое

ударение может падать не только на слово, стоящее перед сказуемым, но на любое слово предложения, если оно имеет наиболее важное значение.

О фонетических особенностях шахрисябзского говора можно сделать следующие выводы.

Он очень близок к фонетике ведущих городских говоров, относящихся, по последней классификации А. К. Боровкова, к среднеузбекистанской группе среднеузбекского диалекта, а по классификации В. В. Решетова — к қарлуқчигиле-уйгурскому наречию узбекского языка. Как показывает сравнительный анализ с некоторыми фактами городских говоров, в фонетике шахрисябзского говора можно найти ряд особенностей (например, распространение и употребление фонем ɛ и x) говором самаркандско-бухарской группы, с одной стороны, и отдельные сходные (например, вторичная долгота гласных образуется почти в аналогичных условиях в наманганском говоре) с некоторыми городскими говорами черты — с другой. Вместе с тем шахрисябзский говор имеет также своеобразные специфические черты, которые обусловлены историей носителя данного говора.

Фонетика шахрисябзского говора отличается от самаркандского тем, что в первом наличествуют варианты гласных и переднего и заднего ряда по горизонтальному движению языка и семь дифференцированных гласных фонем, тогда как в самаркандском, по мнению Е. Д. Поливанова и А. К. Боровкова, повторяется шестифонемный таджикский вокализм; в первом имеются вторичные долгие гласные ə , o , y , u , ə , из которых ə используется для дифференциации значения слова; носовой ŋ , в отличие от самаркандского говора, артикулируется без призвука; фонемы n и ɸ сливаются в звуке n .

В шахрисябзском говоре широко действует явление ассимиляции в самых различных видах и, в частности, диссимиляция согласных, а также наблюдаются такие фонетические явления, как спирантизация, озвончение, оглушение, выпадение, появление, соответствие звуков, метатезы, тавтология.

Данные фонетического исследования по возрасту, профессии, образованию населения показывают, что шахрисябзский говор как неотъемлемая часть общеузбекского языка сближается с литературным языком, постепенно и все больше стираются имеющиеся в нем фонетические расхождения.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Категория числа в шахрисябзском говоре, как и в современном литературном языке, выражается морфологическим, лексическим, синтаксическим способами¹.

При образовании множественного числа с помощью одновариантного аффикса *-лэ(р)* наблюдаются следующие особенности.

В исходном положении конечный *р* отпадает и аффикс *-лар* в говоре принимает форму *-лэ*. Такая же форма сохраняется при наращении аффиксов *-га || -йэ, -чэ, -дэге || дэке*. Например: *бачэлэ* — дети; *бачэлэйэ* — детям, *бачэлэдэн* — от детей, *бачэлчэ* — как дети. Но *р* восстанавливается в следующих случаях: а) при присоединении аффикса принадлежности: *бачэлэрим* — мои дети, *бачэлэриң* — твои дети; б) при присоединении аффиксов с начальным согласным *н*, а именно *-ни* (показатель родительно-винительного падежа) и *-ники* (аффикс притяжательного местоимения). Однако в этой позиции под влиянием ассимиляции *р* и *н* переходят в *д*; таким образом, сочетание *р + н* дает *д + д*, например: *бачэлэдде* < *бачэлэрне* — детей, *бачэлэддике* < *бачэлэрники* е — принадлежащий детям.

При присоединении аффикса *лэ(р)* к личным местоимениям 1 и 2-го лица мн. числа (*биз, сиз*) происходят те же фонетические изменения, которые прослеживаются в боль-

¹ См. А. Г. Гулямов, Категория множественного числа в узбекском языке (на узбекском языке), Ташкент, 1948, стр. 4; А. Н. Кононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 33. Во избежание повторов мы не будем подробно анализировать все эти способы, ибо они аналогичны литературному языку и всем говорам, а остановимся на некоторых особенностях употребления аффикса *-лэ(р)*, который относится к морфологическому способу выражения смысла.

щинстве узбекских говоров. Например, к местоимению *биз* он присоединяется в форме *-э* — *бизэ*, где вместе с *р* исчезает и *л*. При прибавлении его к местоимению *сиз* выпадает исходный *з* и образуется форма *силэ*. Но и в этих случаях перед аффиксами *-ни*, *-ники* звук *р* восстанавливается в ассимилированном виде: *бизэдде* < *бизэрне* — нас; *бизэддике* < *бизэрнике* — принадлежащий нам; *силэдде* < *силэрне* — вас, *силэддике* < *силэрнике* — принадлежащий вам.

При присоединении аффикса *-лэ(р)* к именам с конечным согласным последние подвергаются фонетическим изменениям в следующих случаях:

1) когда *-лэ(р)* присоединяется к именам, оканчивающимся на *н* и *р*, то последние переходят в *л*, например: *хэтиллэ* < *хэтинлэ* — женщины; *бэзэллэ* < *бэзэрла* — базары (это наблюдается и в ташкентском говоре)¹;

2) когда *-лэ(р)* присоединяется к именам, оканчивающимся на *к*, то последний исчезает, а предыдущий гласный приобретает долготу: *тэрэ:лэ* < *тэраклэ* — тополи; *күчү:лэ* < *күчүклэ* — собаки; *эти:лэ* < *этиклэ* — сапоги (разные). Аналогичное явление встречается в многосложных словах, оканчивающихся на *қ* (*Ғ*), чаще после *э*, например: *қышлэ*. *лэ* < *қышлэҒлэ* — кишлаки; *тэвэ:лэ* < *тэвэҒлэ* — тарелки, (блюда);

3) когда *-лэ(р)* присоединяется к именам, имеющим аффикс принадлежности 2-го лица ед. числа *ң(нг)*, то последний, как и в других городских говорах, переходит в *й*, например: *онэйлэ* < *онэңлэ* — твоя мать (вежливая форма). Наряду с этим в Шахрисябзе отмечено выпадение *ң* и об-

разование долготы гласного с носовым оттенком: *эпэ:лэ* — твои старшие сестры. Вместе с этой формой, в которой аффикс принадлежности предшествует аффиксу мн. ч. *-лэ(р)* (это особенно характерно для ташкентского говора), в шахрисябзском говоре, как и самаркандском и джизакском и в литературном языке, преимущественно употребляется другая форма — аффикс принадлежности присоединяется после *-лэр*², например: *қышлэ:лэриң* *узэ:ме* — далеко ли ваш кишлак?, *бизэддийэм бэҒлэримиз бэ* — у нас тоже есть сады.

Разница между двумя формами в том, что первая употребляется часто вместе с именами, обозначающими родство:

¹ См. А. Г. Гулямов, указ. работа, стр. 11–12.

² Кн. „Ўзбек диалектологиясида материаллар“, т. I, Ташкент, 1957, стр. 80.

экайла — 1) твой брат (вежл. форма); 2) твой брат и его близкие; 3) твои братья; *тэҕэмлэ* — 1) мой дядя (вежл. форма); 2) мой дядя и его семья, близкие; 3) мои дядья. Но и здесь встречается употребление второй формы, особенно в речи старшего поколения: *экалэриң, тэҕэлэриң* точно в том же значении.

Что касается разнообразного значения *-лэ(р)* в случае присоединения его к именам, то оно совпадает в основном с литературным языком¹. Некоторые отличия заключаются в том, что аффикс *-лэ(р)* широко употребляется в говоре для передачи значения вежливости, уважения, скромности, почтения. При этом он присоединяется:

а) к именам, обозначающим родство (после аффикса принадлежности): *дэдэмлэ* — мой (уважаемый) отец; мой бабушка, *кэттэмлэ* — моя (уважаемая) бабушка; *онэйлэ* — твоя (уважаемая) мать; эта же форма может выражать значение коллективности, собирательности, что уточняется в контексте, например, *экамлэддикийэ хэзэмэңңэ бир бэрип турамэн* — я иногда хожу к старшему брату (имеется в виду семья), *кэттэмлэ қышлэққа турамлэ* — моя бабушка (вместе с родными) живет в кишлаке. Эта форма употребляется только в отношении 1 и 2-го лица;

2) к о ределенному слову, и в этом случае уважение относится к лицу, обозначенному в определении: *дэдэмни пэмийэйэлэри кэри муп* — фамилия моего отца Каримов; *қышлэ: бойунча бэвэмни бэҕларидэк кэттэ бэҕ йэҕх* — во всем кишлаке нет такого большого сада, как у моего дедушки.

Для передачи большого уважения *-лэ(р)* иногда прибавляется и к определяемому, и к определению; *эпэмлэдди хатлэри жүдө йэм чирэйлик* — почерк моей старшей сестры очень красив; *бу қалпэ: дэдэмлэдди бэйлэрийэ сифмэсэ кэрэк* — видимо, эта тубетейка будет мала моему бабушке.

При такой форме, если в определяемом тоже обозначается лицо (человек), уважение может относиться как к лицу, выраженному определением, так и к лицу, выраженному определяемым: *султэн экамлэдди кэттэ қызлэри йэм элэчи* — старшая дочь моего брата Султана тоже отличница.

В этих двух последних формах аффикс *-лэ(р)*, прибавленный к определяемому, может выражать идею членимой

¹ А. Г. Гулямов, указ. работа; * А. А. Кононов, указ. работа, стр. 34.

множественности, и в таком случае оттенок вежливости в основном зависит от наличия *-ла(р)* в определении. Ср.: *хэләмни бэлэләри жүдә шох* — дети моей тети (по матери) большие шалуны (простая форма) и *хэләмләдди бэлэләри жүдә шох* (вежливая форма); последнее имеет и другое значение; дети моих тетей большие шалуны;

в) к сказуемому, и в этом случае уважение относится к действующему лицу (часто употребляется в третьем лице): *рәйис кәлл^илә* — пришел председатель; *бәвәм ком мәтәл биләйчийди^илә* — мой дедушка знал много сказок; *әллим бир-гәдир гәписсулла, сәгүм би^изә* — пусть сначала скажет бригадир, а потом мы.

Аффикс *-лә(р)* может употребляться также для передачи иносказания, т. е. значения обидного намека, пренебрежения, унижения, иронии или сочувствия, сожаления: *әйә: ләрийә әх пәттиңкә, ә:ниләрийә узун тон, бәшләрийә сәвәччә, бир қарәпсиз әшәккә, бир қарәпсиз вәләсәпиткә мин(ив) йүрәллә* — у него на ногах белые ботинки, одет в длинный халат, на голове соломенная шляпа и ездит то

на ишаке, то на велосипеде; *у киши м^инә(н) хәзилләшмәң, кәтт(ә) одәм богәллә, гәп котәрәмийди^илә* — с ним (вы) не шутите, он стал большим человеком, не терпит шутки.

Присоединяясь к наречиям *кимқ'әчән, қ'әчән*, аффикс *-лә(р)* указывает на давность: *кимқ'әчәлләддики гәпләдди қозға(в) отти^и рәсән-дә* — ты возобновляешь давнишние слова, *әкәмни кәйәнләри қ'әчәлләйде* — брат пришел давным-давно.

Не будем останавливаться на лексических и синтаксических способах выражения категории числа, так как образование и значение его совершенно совпадают с нормами литературного языка (за исключением отдельных фонетических особенностей позиционного характера).

Категория рода носит в говоре общеузбекский характер — грамматический род как таковой отсутствует, биологический пол-род выражается, как и в современном литературном языке, тремя способами¹: лексическим (*чәл* — старик, *кәмпир* — старуха); синтаксическим (*әркә:мә:лим* — учитель, *әйәлмә:лим* — учительница; *оғул бәччә || бәлә* — мальчик, *қыз бәччә || бәлә* — девочка; *әркәг || хәңң(и) әшәк* — осел, *мәдә || мәчә || урғачи әшәк* — ослица); морфологическим (*рәйимуп* и *рәйимувә* или в именах арабского происхождения: *хәлим* и *хәли^имә*).

¹ См. А. Н. К.ононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 31—32.

Для имен собственных, общих для мужчин и женщин, употребляется в говоре другой своеобразный способ выражения пола-рода — добавляются определенные элементы, различающие пол-род: *-эй, -бийе* (для женского пола), *-бэй, -қул* (для мужского) — *ҳәмрэй || ҳәмрбийе* и *ҳәмрвэй || ҳәмрқул*; *қурвэй || қурвмбийе* и *қурвмбэй*; *түссүэй || түссүмбийе* и *түссүмбэй || түссүңқул*; *муртэй* и *муртқул*. Этот способ в говорах узбекского языка различен¹.

Категория принадлежности в шахрисабзском говоре, можно проиллюстрировать в следующих примерах,

Единственное число

1 л.	<i>қол + им</i>	— моя рука	<i>пәхтә + м</i>	— мой хлопок
2 л.	<i>қол + иң</i>	— твоя рука	<i>пәхтә + ң</i>	— твой хлопок
	<i>қол + из^с</i>	— ваша рука	<i>пәхтә + йиз^с</i>	— ваш хлопок
3 л.	<i>қол + и</i>	— его рука	<i>пәхтә + си</i>	— его хлопок
	<i>қол + ләр + и</i>	— его рука	<i>пәхтә + ләр + и</i>	— его хлопок

Множественное число

1 л.	<i>қол + имиз^с</i>	— на-	<i>пәхтә + миз^с</i>	— наш хлопок
2 л.	<i>қол + ләр + из иң</i>	— ва-	<i>пәхтә + ләр + из иң</i>	— ваш хлопок
3 л.	<i>қол + и²</i>	— их	<i>пәхтә + си</i>	— их хлопок

При именах с аффиксом множественности *-ләр(р)*

Единственное число

Множественное число

1 л.	<i>дәптәлләр + им</i>	— мои тетради	<i>дәптәлләр + имиз^с</i>	— наши тетради
2 л.	<i>дәптәлләр + иң</i>	— твои тетради	<i>дәптәлләр + из иң</i>	— ваши тетради
	<i>дәптәлләр + из^с</i>	— ваши тетради	<i>дәптәлләр + и</i>	— их тетради
3 л.	<i>дәптәлләр + и</i>	— его тетради		

¹ См. Я. Г у л я м о в, Морфология ташкентского говора, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, хранится в библиотеке им. В. И. Ленина, М., 1954, стр. 17—21.

² В предложениях, в которых опущено определение, выраженное личным местоимением, обычно определяемое слово в 3-м лице мн. числа принимает аффикс- *ләр*, например: *б^{из}э б^ир қышлққа бэру:дук, ойләри пәс-пәскинэ боләйкән, нәкин, қыләрини, сәчи үзүнәкән* — мы были в одном кишлаке, там дома, оказывается, низенькие-пренизенькие, но у (всех) девушек волосы (косы) длинные.

Особенности категории принадлежности состоят в том, что аффикс 2-го лица вежливой формы *-(и)нгиз* (для литературного языка аффикс множественности) подвергся сокращению — *-из* (при согласных основах) и *-йиз* (при гласных основах) и употребляется только в значении вежливости (иногда иронии, пренебрежения), а для передачи значения множественности к именам прибавляется аффикс *-лар* и усеченная форма показателя 2-го лица *-из* или *-иң* (форма *-из* все же содержит значение вежливости). Форма вежливости, уважения (или, наоборот, иронии, унижения) имеется и для 3-го лица, которая образуется с помощью аффикса *-лар*. А форма 3-го лица множественного числа употребляется без *-лар* и совпадает с формой единственного числа. Их значения уточняются в предложении наличием аффикса множественности в определении. В этом отношении и 1-е лицо ед. числа употребляется для выражения скромности, гордости, например:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>мэни ойим</i> — мой дом <i>бизди¹ ой(имиз²)</i> — мой дом (форма скромности)	<i>бизэдди¹ оймиз²</i> — наш дом
2 л.	<i>сэни ойиң</i> — твой дом <i>сизди ойиз²</i> — ваш дом (форма вежливости)	<i>силэдди ойлэриз² иң</i> — ваш дом
3 л.	<i>уни ойи</i> — его дом <i>у (киши)ни ойлэри</i> — его дом (форма вежливости)	<i>улэдди ойи</i> — их дом

В 1-м лице ед. числа при выражении скромности или высокомерия может опускаться аффикс принадлежности: *бизди огул* — мой сын, *бизди мэ:нэт* — мой труд. В других лицах это встречается редко, хотя иногда в определенном контексте употребляется 2-е лицо ед. числа (форма вежливости): *сизди эт йэхшим (и)*, *биздике* — ваш конь хорош или мой, и в 1 и 2-м лице мн. числа: *силэдди ойдэн бизэдди ой иссиғ^x* — наша комната теплее вашей.

В ряде случаев наблюдается двойное наращение аффикса принадлежности 3-го лица: *мэ:нэт хақьси (меҳнат хақи)* — плата за его труд, *сийниси (сингли)* — его младшая сестра, *пэшэнэ тэрисси (пешона тери)* — здесь: его трудо-

¹ Во множественном числе и в форме вежливости в результате ассимиляции (сочетания согласных *p + n -dd, z + n -zd*) аффикс *-ни* переходит в *-ди*.

вой пот, *бинниси* (*бурни*) — его нос, *сийэйииси йэ:F* (*сийёхи йуқ*) — у него нет чернил, у *худэни ғазэвиси* (*ғазаб*) — он сущее наказание божие, *эти:ди сэгьси* (*этикнинг соғи*) — голенище сапога, *ҳэвлини сэ:ниси* (*ҳовлининг саҳни*) — площадь двора. Ср. еще: *қайсиси* — который (из них), *эттэйиси* < *эттэси* < *эртэси* — следующий день.

Самостоятельное притяжательное местоимение

Единственное число

- 1 л. { *мэнике* — мой, принадлежащий мне
биздике — мой, принадлежащий мне (форма скромности)
- 2 л. { *сэнике* — твой, принадлежащий тебе
сиздике — ваш, принадлежащий вам (форма вежливости)
- 3 л. { *унике* — его, принадлежащий ему
у (киши)нике — его, принадлежащий ему (форма вежливости)

Множественное число

- 1 л. *би зэддике*¹ — наш, принадлежащий нам
 2 л. *си лэддике* — ваш, принадлежащий вам
 3 л. *улэддике* — их, принадлежащий им.

При присоединении аффикса *-ники* к именам, оканчивающимся на согласные, происходят следующие фонетические изменения:

а) после звонких *з, р, в, й, F* (*қ*), *г, д, ж* и после глухого *к* (в многосложных словах) употребляется форма *-дики*;

б) после щелевого согласного *л* употребляется форма *-лики*;

в) после гласных основ и после носовых согласных *м, н, ң* имя сохраняет форму *-ники* (см. приложение 5).

Категория падежа. Одной из характерных особенностей исследуемого говора является система падежных форм и их употребление. Функция падежа в литературном языке и в говоре в основном совпадает. Но ввиду того, что показатели падежей родительного и винительного, дательного и местного совпадают, то в шахрисябзском говоре, как в самаркандско-бухарских говорах, употребляется четыре падежных формы вместо шести в литературном языке:

1) основной падеж

¹ В случае, когда это слово означает коллектив (семью), может присоединиться к нему аффикс *-ла(р)*, как бы образуя вторичную множественность, например: *бизэддикилэйэ* (*бизларникиларга*) *кэлиң* — приходите к нам.

- 2) родительно-винительный падеж
- 3) дательно-местный падеж.
- 4) исходный падеж.

Имена в основном падеже, как и в литературном языке, характеризуются нулевым показателем: *элмэ* — яблоко, *қойлэ* — овцы, *жорэм* — мой приятель.

Показатель родительно-винительного падежа в связи с ассимиляцией согласных (т. е. между конечным звуком имени и начальным аффикса) выступает в различных вариантах: *-ни, -ди, -ти, -ли* (*эйнэ* — зеркало — *эйнэне*, *тэм* — крыша — *тэмне*, *қыз* — девушка — *қызде*, *иш* — работа — *иште*, *чэл* — старик — *чэлле*).

Совпадение родительного и винительного падежей наблюдается во всех говорах городских центров и прилегающих к ним районов. Функция каждого из этих падежей различается лишь в контексте. Ср. *бу тэпәни эти қызләжжән* — название этой возвышенности Кизларджан, *поләтти мәни қәшимқә йүвәр* — пришли ко мне Пулата.

Употребление и значение винительного падежа (как оформленного, так и неформленного) в говоре такое же, как и в литературном языке. Что касается употребления и значения родительного падежа, то уместно отметить, что в говоре наряду с формой родительно-винительного падежа употребляются изафетные обороты, заимствованные из таджикского языка: *ройи хәвлә* || *хәвлини йүзи* — площадь двора; *дәдди сәр* || *бәш эғриг^х* — то, что доставляет излишние хлопоты, беспокойство; *қыссәй котә* || *гәпти қысқаси* — короче говоря, *пәнэйи худә* || *худәни пәнэйигә* — до свидания (букв. будьте под покровительством бога), *эб(и) жош* — кипяченая вода, *кочәвәғ* (ташк. *бәхкочә*) — улицы в местностях, изобилующих садами, *бәғ^в бәдәвәлли үзүме* — букв. виноград неогороженного сада, *эби худәйе* — бесплатная вода; ср. еще: *нәвәдәй кәр* — в случае, если.

В остальных случаях, как по своему употреблению, так и по значению, родительный падеж функционирует так же, как и в литературном языке.

Показатель дательно-местного падежа в говоре имеет следующие фонетические варианты:

1) *-гә* — после основ, оканчивающихся на звонкие согласные *в, й, л, з, р, ж*. После *й, л* иногда (особенно в быстрой речи) вместо *-гә* употребляется *-йә*, например: *тойгә* || *тоййә бәрәмиз* — пойдем на свадьбу, *тәлгә* || *тәлйә қарә* —

смотри на иву, *торгә отиң* — пройдите на верх (почетное место), *қызгә бәддим* — я отдал девушке; *әвгә кәтте* — он ушел на охоту; *он иллих хирәжгә йәм бәммәймән дәпте* — он сказал: даже за десятилетний налог не отдам (свою дочку);

2) -кә — после основ, оканчивающихся на глухие *к, п, с, т, ч, ш, х* и звонкий *г* (в односложных словах): *мәктәпкә оқыймән* — учусь в школе, *мәйлискә кәтте* — ушел на собрание, *сис кәләвткә йәтәсизс* — вы будете спать на кровати; *шкә қараң* — ешьте (возьмите) плов, угощайтесь; *зә:(х)кә оттимә* — не садись на сырое место.

3) -қа — после основ, оканчивающихся на глубокозаднеязычные согласные *қ, ғ, х*, например: *шүни йәм қуләққа тәқалләме* — это тоже носят в ушах; *рәвш тәққа осәде* — ремень растет на горе, *дәрәққа чһғып кәтте* — он залез на дерево;

4) -ңә — после основ, оканчивающихся на носовые (сонорные) *м, н, ң*, например: *тәмңә қойдим* — я поставил на крыше; *жәңңә тә:де* — надоело; *чәңңә қарә* — смотри, какая пыль;

5) -йә — после основ, оканчивающихся на гласные, но в этой позиции наблюдается также параллельное употребление -гә, например: *эттәйә || эттәгә < эртәгә* — завтра; *хәммайә || хәммәгә* — всем; *дәйрәйә || дәйрәгә* — мы купались в реке; *китәпти сәлийә || сәлигә бәддим* — я книгу отдал Сали; *қашшийә оқыйде* — учится в Карши.

Е. Д. Поливанов¹ на примерах самаркандского говора заметил, что совпадение дательного и местного падежей произошло, по всей вероятности, под влиянием таджикского языка. В самаркандском говоре в таджикской речи -ба² выполняет ту же функцию, что -гә в узбекской речи, например: *самарқамба — самарқанга* — в Самарканд, в Самарканде, *бәзәрба — бәзәрга* — на базар, на базаре.

Применение положения Е. Д. Поливанова к шахрисябзскому говору казалось бы невозможно, так как здесь отсутствует двуязычие.

¹ См. Е. Д. Поливанов, Образцы несингармонических (иранизированных) говоров узбекского языка, Доклады АН СССР, № 14, Ленинград, 1928.

² Предлог -ба, обозначающий направление (куда-л.), перешел в аффикс, который присоединяется к именам справа, как узбекский -гә; он же одновременно употребляется в функции предлога -дар, обозначающего местонахождение предмета или место действия: вместо *ба Москва* — в Москву и *дар Москва* — в Москву самаркандец говорит *Москваба*.

Дательный падеж употребляется в основной форме в значении направленности часто с глаголами *бэ(р)* — ходить (туда), *кэт* — уходить, отправляться; *кэ(л)* — приходиться: *дэдэм шэ:р кэткэллэ* — мой батюшка ушел в город; *бэддэн то:ғри тэшкэм бэддим, тэшкэннэ(н) сэмэрқәң кэллим, сәғуң китәпкә оттим* — я отсюда приехал прямо в Ташкент, из Ташкента в Самарканд, а потом заехал в Китаб.

Такая форма встречается особенно при именах, обозначающих название местностей. Большую роль играет также порядок слов — дополнение должно стоять перед глаголом-сказуемым.

При употреблении оформленного дательного падежа возможны случаи инверсии: *сэм бэмәддиң шэ:эргә* — ты не приехал в город, *қачәң кэтәсэн пухэрйә* — когда уедешь в Бухару. В этих случаях употребление основной формы имен невозможно.

Иногда в быстрой речи аффикс дательного-местного падежа *-гә* выпадает, но его замещает долгота исходного гласного основы: *дәлә:* (<дәләгә) *чих^п кәту:де* — он вышел во двор, на улицу; *кәчәси эйнә:* (<эйнәгә) *қарәмә* — ночью не глядись в зеркало; ср. также *мә:* (<мәңңә) *қарәң* — смотрите (взгляните) на меня; *қа:* || *қах* (<қәққа < қайәққа) *бэрәпсән* — куда идешь. Иногда выпадает только *г* аффикса *-гә*, например: *ойә* (<ойгә) *кириң* — зайдите в комнату, *бә:* || *бәә* || *бэрә* (<бәргә < бу йәргә) *ке* — приходи сюда (см. в разделе „Фонетика“ характеристику фонемы *г*).

Аффикс *-гә* (и его фонетические варианты) одинаково употребляется и для передачи значения местного падежа. Однако под влиянием литературного языка преимущественно в речи интеллигенции и учащихся нередко наблюдается также употребление аффикса *-дә*. Но любопытно, что он употребляется не в значении местного падежа, а чаще в значении направительного, например, аффикс *-дә* употребляется вместе с такими глаголами, как *бэ(р)-, кэ(л)-, кэт-, йур-:ойдә йуриң* — пойдете (к нам) домой; *кинәдә бәру:дук* — мы ходили в кино; *шә:рдә кәләймуш* — говорят, он придет в Шахриябз; *чәйхәнәдә кәтте* — он ушел в чайхану.

Лишь в речи хорошо владеющих литературным языком людей и некоторых преподавателей-филологов мало заметно неразличение аффиксов дательного и местного падежей, хотя и они в разговоре с членами семьи и в неофициальных местах часто вместо *-дә* употребляют *-гә*.

Интересно, что иногда для передачи значения местного падежа вместо аффикса *-дэ* употребляется *-чэ*. Он присоединяется обычно к инфинитивной форме глагола на *-(и)ш* и к причастию на *-йэтгэн>-эткэн||-эткун*. Например: *кэлишчэ сизгэ учрэшэмэн, бомасэ* — тогда (в таком случае) при возвращении (при приходе) я с вами встречусь; *қайтэ-ткунчэ поштэгэйэм кир* — на обратном пути и на почту зайди; *кэтишкэ эттэткунчэ қолини п^в чэх кэсин кэтинто* — когда он чистил картошку, порезал себе руку; *бэришимичча хэвэ жсудэ йэхши^йде* — всю дорогу пока мы шли туда, стояла очень хорошая погода; *сэвдэ қ^в лэткунчэ хуши^йни бижэжэйгэ қойишиң кэрэк* — во время торговли ты должен быть сосредоточенным.

В некоторых грамматических формах прослеживаются следы употребления местного падежа, например, *-ги* — словообразующий аффикс прилагательного — присоединяется, как и в литературном языке, после окончания местного падежа *-дэ*, а не дательного: *мэктэптэке* (<мактабадаги) — находящийся в школе; *қышлэ: (ғ)дэге¹* — находящийся в кишлаке. В словах *иллэ* (<илдэ) — ежегодно, каждый год, *куннэ* (<кундэ) — ежедневно, каждый день (они же употребляются в форме древнего орудного падежа: *илин, кунун*) также имеется аффикс местного падежа.

Показатель исходного падежа имеет следующие фонетические варианты:

1) *-дэн* — после основ, оканчивающихся на гласные и звонкие *в, г, з, ж, й, р, ғ* и глухой *к* (в многосложных словах): *тир^изэдэн қарэпто* — он смотрит в окно; *бир эйдэ(н) шэқь дэшти эптини коргэним йэ:ғ^х* — вот уже месяц, как я не был в поле; *сис қэддэн* — вы откуда (из какой местности)?; *бэпул пэлэвдэн пуллуг этэлэ бэ:рғ^х* —

¹ Форма на *-дэги* встречается очень редко — в речи интеллигенции и в официальных местах. В большинстве случаев употребляется *-дики* (с фонетическими вариантами), реже *-дэки*. Например: *ойиздикилэдди сорэң* — передайте привет всем вашим домашним, *тэвэ:дики эвқэтті қа-зэңнэ эғдар, қазэңникини кэсэ: котэрип қой* — пищу, что в тарелке, положи в котел, а то, что в котле, выложи в касу.

Имеются случаи двойного наращения *-дики*, чаще в языке женщин: *укэйиздикилэддикийэ бэрип-кэлип тохтэписизме, йэхшиме* — ходите ли вы в дом вашего младшего брата, как они поживают?, *эммэмни-килэддикийэ бэммэйэним бирилчэ болле* — почти год, как я не была в доме моей тети (по отцу). Двойное наращение употребляется только вместе с именами, обозначающими родство, и выражают группу людей, относящихся к указанному имени.

платная похлебка лучше бесплатного плова; *бу бача-ла қышлы:дәң кэйән* — эти ребята пришли из кишлака; *бу инә:дәң қохмә* — не бойся этой коровы;

2) *-тән* — после основ, оканчивающихся на глухие *п, с, т, ч, ш, х, җ, к, қ* (в односложных словах): *әнә у йәғэш-тәм биттәсини элип ке* — принеси сюда одно вон из тех деревьев; *поләттән йәсәлгә(н) орә:Ғ босә* — был бы стальной серп; *дәвәнәйм мәстәң қорқаде* — даже сумасшедший боится пьяного, *х'әх'тә(н)* (<халқдан) *әжрәлгәннәң кэйин хәли шу-дә* — когда отделишься от народа, (конечно) окажешься в таком положении;

3) *-нән* — после основ, оканчивающихся на носовые (сонорные) *м, н, ң*, например: *йәмә(н) одәмнән йә қәч қутул, йә тәң қутул, дәгәллә* — говорят, что от плохого человека спасайся либо бегством, либо не признавая; *әкк(и) -үч күн-нәм бәзә* — вот уже два-три дня как...; *пормәгә бәш мий-нәң коврә:Ғ қойимиз бә(р)* — у нас на ферме более пяти тысяч овец;

4) *-лән* — после основ оканчивающихся на согласный *л*, например: *әсәллә(н) ширин* — слаще меда; *иллә(н)-илгә (йилдан йилга) кәлхәзимиз бәйийәпто* — с каждым годом наш колхоз становится богаче.

Характеризуя форму исходного падежа, необходимо отметить следующее.

1. Частица *-оқ* (для усиления значения), употребляющаяся в литературном языке после исходного падежа, в говоре отсутствует, а ее значение передается интонацией, например, *эши:дәң киргәнижнән духтур кәсәлимни билле (киргәнимданоқ)* — как только я зашел в дверь (кабинета) врача,

он сразу определил, чем я болен; *узә:дәң коргәннә(н) йү-рүшиздән тән(и)дим (күргәнданоқ)* — я вас узнал по походке, как только увидел издали; *хәлиттәңки (халитданоқ) сә(н) шуннәқ қысәң* — если уж ты с этих пор так поступаешь...

2. Встречаются наречия, окаменевшие в форме исходного падежа: *нәхәстән || бәхәстән* — неожиданно; *түсмәллән* — примерно, предположительно; *билләттән* — вдруг; *бәш-қаттән || бәшқавәттән* — снова; *туйухсуннән* — вдруг, врасплох.

3. Употребляются характерные для говора конструкции с исходным падежом:

а) *бэддәң ке* — иди сюда, садись со мной рядом (или же показывает руками, где сесть). Ср. *бэргә ке* — иди (подойди) сюда;

б) *бу бәччә кимнән* (вместо *кимңә қарәшли* или *кимни-ки*), *сиздәммә* — чей этот ребенок, ваш? (лит. *бу кимнинг боласи?*). В данном случае аффикс *-дән* употребляется для передачи значения принадлежности;

в) аффикс *-дән* может употребляться в значении местного падежа: *эддә(н) хәсәнникийә, бәддәм бурхәнникийә той* — там у Хасана, тут у Бурхана свадьба. Это свойственно только сочеганию, в котором выделяется один из предметов (или коллективов), расположенных в определенной местности. Ср. ещё: *эддәм биттә тәк отқузәмиз, бәддәм биттә* — там разобьем виноградник и тут один. Когда действие охватывает всю местность, употребляется *-гә*, например: *эргә буғдой әкәмиз, бэргә пахтә* — там поседем пшеницу, а тут хлопчатник. Ср. также: *йәрим тәнәсидән* (\approx *тәнәсигәчә*) *шәтмәгә* — до пояса весь мокрый.

В отличие от литературного языка форма исходного падежа употребляется вместе со словом *-бәй* (в литературном — дательный падеж): *кәлхәзимиз үзүмнәм бәй* (лит. *узумга бой*) — наш колхоз богат виноградом.

Другие значения и функции падежных аффиксов совпадают в основном с литературным языком.

Послелого

Послелогам в различных говорах посвящены специальные исследования. Употребление и значение их в шахрисябзском говоре в основном не отличается от литературного языка. Однако отсутствуют отдельные послелого, а их значение передается посредством определенной грамматической формы или конструкции или же их заменяют другие послелого. Имеется также ряд слов-послелогов, не встречающихся в литературном языке.

Рассмотрим черты, позволяющие раскрыть соотношение послелогов данного говора и литературного языка.

1. Послелого, управляющие основным падежом имен *миңән* (*билән*), *үчүн*, *әрқалик* (*орқали.*) *қадәр*, *сиңңәре* || *сиңңәре* (*сингари*). В говоре отсутствует послелог *каби* и редко употребляется *сайин*.

1. Сочетание послелого *сайин* с именем, обозначающим время, как *кун*—день, *йил*—год, передается в говоре по конструкции имя + исходный падеж + то же имя: *күннәң*

күн—с каждым днем, (*й*) *иллә(н)* (*й*)*ил*—с каждым годом. А в сочетании послелого *сайин* с формой на *-ган сайин*, последний заменяется в говоре послелогом *сәри*; например: *кәттә богәниң сәри әх'лиң кәтәпте*—по мере того как растешь, ты становишься более тупым. Послелог *сәри* часто употребляется в конструкции, передающей оттенок сильного (безграничного) желания: *оқьгә(н) сәри оқьгим кәләде*—чем больше читаю, тем больше хочется читать; *ишләгә(н) сәри ишләгиң кәләде*—чем больше работаешь, тем больше хочется работать. Сочетание *бәргә(н) сәри* превратилось в неделимую, окаменевшую форму, означающую „все больше“, которая составляет синонимическую пару со словом *тәбэрә*, например: *бәргә(н) сәри ишимиз йәңңилләшәпте*—наша работа все больше облегчается; *йә:ғ мур бәргә(н) сәри зорәйи вүдде*—...дождь продолжал усиливаться.

2. Послелог *әрқалик* (орқали) употребляется в говоре только в значении указания на посредника, с помощью которого совершается действие: *зивнәмиз әрқалик рәйис ми-нәң гәвләштим*—через нашего звеньевого я связался (поговорил) с председателем; *шүни сә(н) әрқалиг бәжәрмәхчи боләпте*—он намерен выполнять это через тебя (твое посредство). В пространственном значении преимущественно употребляется не *әрқалик*, а *миңән (билан)* или исходный падеж: *шу қышлә: миңә(н) шә:ргә осса (<отсә) боләдиме*—можно ли попасть в город через этот кишлак. Однако в языке интеллигенции мы встречали употребление *әрқалик* в пространственном значении: *бухәрә, сәмәрқә(н) әрқалик биңгә йәм газ осса (<отсә) кәрәк*—наверное, и до нас дойдет газ через Бухару и Самарканд.

3. Послелог *қадәр* употребляется в говоре исключительно вместе с указательным местоимением *шу, бу, у*. Например: *қав(у)низ у қадәр ширй(н) йәмәсәкән*—ваша дыня не очень сладкая, оказывается. Видимо, для усиления значения (это подчеркивается и интонацией) иногда к послелогу *қадәр*

прибавляется аффикс -лик. Например: *шу қадәллик иссиғ боллики, худди тәндудди ичйә оттигәннәк*—так (настолько) стало жарко, будто в печке сидишь.

В языке старшего поколения вместо *шу қадәр, бу қадәр, у қадәр* преимущественно употребляются определительные местоимения: *шүннәғ || шүнчә, буннәғ || бүнчә, муннәғ || мунчә, уннәғ || үнчә*, а в случае усиления значения к ним присоединяется (*йәм* (<*хам*)), например: *бизди эт шуннәғам тәз йүрәдики, мәшилләйәм йәтәммийде*—мой конь так (настолько) быстро ходит, что даже машины его не догонят; *кәчәги пәлвән унчә зор йәмәсәкән*—вчерашний борец, оказывається, не так силен; *мүннәх сәргәв одәрни хич коргәнним йәғх*—такого говоруна (*букв. многословного*) я никогда не встречал.

4. В функции сравнительно-обстоятельственных наречий вместо послелогов *қадәр, сиңңәре || сиңңәре* в шахрисябзском говоре употребляется аффикс -*дәк*¹, который совпадает по своему значению с аффиксами -*дәк*, -*дай* в литературном языке. Функция послелога *каби*, который отсутствует в говоре, передается этим же аффиксом: *бирхәл кәләмүшти кәттәлиги пишә:дә: боләйкән*—оказывається, некоторые крысы бывают величиной с кошку; *кәчәси сүттәг әйдин*—ночь молочно-лунная; *сәнәм әкә(ң)дә:босәң сәмәлоткә мүнәсән*—когда станешь взрослым, как старший брат, тоже полетишь на самолете. Для усиления значения иногда прибавляется слово *худди*, например: *бүгүн худди сәйилләк кочәләйә одәм коп*—сегодня, как на празднике—на улицах много народу; *мәшинәйә минип худди хәммәңә киргәндә: боллу:дә*—в автобусе (было жарко) как в бане.

Встречается также в говоре сочетание -*гү*+*дәк*, например: *шуннәғам тәмчи тәм(ип)тики, ийнә қадәгүдәқ қуруғ жәй йәғх*—так протекал потолок, что нет сухого места воткнуть иголку; *худди йәп тәйләгүдә: болуб бозрәйде*—она (собака) смотрела на меня, будто вот-вот съест.

Значение аффикса -*дәк* (\approx *сиңңәре, каби*) может передаваться иногда аффиксом -*чә*, например: *нәхәтки мән ә:мәччә боләммәғам босәм*—неужели я не мог быть, как Ахмед; *сәнәм мәнчә босәң ков нәссәни биләсән*—когда станешь взрослым, как я, тоже узнаешь многое.

При употреблении личных местоимений, когда сопоставляют и сравнивают путем выделения из группы лиц, упо-

¹ К местоимениям присоединяется в форме -*нәғ* (*доқ*): *шүннәғ* и т. д.

требляется вместе с *дэж* аффикс *-чикин*, образующий как бы сложный аффикс *дэ:чикин || нэхчикин < дэхчикин < дэқчикин*, например: *бизэдэ:чикин*—наподобие нас; *счлэдэ:чикин*—наподобие вас; *мәннэхчикин, сәннэхчикиллэдди этгәсини бурози (< бир үзи) урәде*—таких двоих, как мы с тобой, он один побьет.

5. Наряду с послелогом *сиңғари* в этом же значении употребляются *қатәри, дәстури*, например: *қызимәм кәлхәчицә қатәри этгәдәң кәкчәчә пәхтә тәрәйчийде*—моя дочь, как и все колхозники, собирала хлопок с утра до вечера; *тойгә худди тәвүғ дәстури қой сәйилле*—на свадьбе резали овец, как кур (т. е. очень много).

Подобное значение может передаваться послелогом *сиңғари*, например: *мүннәқ қәл(ив) йүргәнчә сәнәм эдәмлә сиңғари дәләйә чихсәң хич бомәсә онәңнә йәддәм бәссәң, бомәйдиме*—вместо того чтобы ходить без толку, разве нельзя, как другие люди, пойти на поле помочь матери.

Разница между *сиңғари, қатәри* и *дәстури* в том, что последние два в основном встречаются в языке старшего поколения, особенно женщин.

II. Послелого, управляющие дательным падежом: *дәвүр (< довүр), қадәр, корә, қарап, қарәгәңнә (< қараганда), қарши, йәрәшә, тәмән*.

1. Не употребляется послелог *сәри* и весьма редко встречается *қадәр*, который обычно заменяет *дәвүр*, а иногда аффикс *-гәчә*. Для усиления значения и в том, и в другом случае часто предшествует персидский предлог *тә'до'*. Примеры: *бәчәлә тә мә:тәпкә дәвүр қошуғ әйтиб бәриште*—ребята до самой школы шли, распевая песни, *тә ғарәвгәчә пийәдә бәддук, үннә(н) әқийә мәшһнәйә...*—до Гарова (название кишлака) мы шли пешком, а дальше на машине. Предлог *тә* может и не употребляться: *сәң кәйәнчә эшәм пийшәр*—пока ты вернешься, видимо, и обед будет готов.

2. Параллельно с *тәмән* употребляется послелог *тәрәп*. Аффикс дательного падежа присоединяется не к имени, предшествующему послелогу, а к самому послелогу: *орүс қышләх тәрәпкә кәтте*—ушел в сторону Урис кишлака; *сән чәссә тәмәңнә бәруво*—ты пока иди в сторону Чорсу.

Часто после указанных послелогов приставляется послелог *қарәп*, например: *бәзәр тәмәңнә қарәб бәрссәм...*—когда я шел в сторону базара; *әллин то:ғри кәтә:тувәде, сәғун*

истанса таранка қараб бурулле — сначала он шел прямо а потом повернулся в сторону станции.

3. Послелог *қарап* употребляется в том же значении, что и в литературном языке: *сәң бөмәйди ме, сәңнә қарап тәлпһнәпто* — почему же не берешь (ребенка), он к тебе рвется.

4. Ввиду отсутствия в говоре аффикса *-дә* вместо послелога *қараганда* употребляется *қарәғәңнә* (судя по..., по сравнению с...): *мәннәңнә қарәғәңнә зәкир хушәррәғх, шу бәрәқсин* — по сравнению с Манноном Закир более внимателен, пусть он пойдет. Точно такое же значение может передаваться аффиксом *-дән*, например: *гәпийни мәзмунидан тойлариз йәқыңнә охшәйде* — судя по твоим рассуждениям, ваша свадьба близка.

III. Послелого, управляющие исходным падежом, те же, что в литературном языке и имеют то же значение: *илгәре || бурун || әвәл (аввал), кәйин || сәгун (сүнә), бәре || буйән* (реже); *бәшқа, тәшқаре*, употребляются в говоре также послелого *илләй || әллин* как синонимы *әвәл; сәғра || сәгун-нәңкәйин* как синонимы *сәгун; бәзә* как синоним *бәри*, а также *әқь, бәқ(ь), шәқь*, которые применяются в значении

бәри и *кейин*. Примеры: *әттәдә(н) шәқь сәңнә қарә(в) от-түрүммән* — с утра жду тебя; *әнни мүннәм бәқ озиң йәзә* —

а теперь (и впредь) — ты сам пиши; *сәхәт бәштә(н) әқь идә-рә(йә) хичким қәмийде* — после пяти в конторе никто не остается; *мүннәм бәқь сизәм бизәддикиләйә кәлип түриң* — теперь вы тоже (почаще) приходите к нам, *дәдәйизди...*

ошәннә(н) шәқь коргәним йәғх — с тех пор я не видел ва-

шего отца; *әттәдә(н) сәгун тәғь мәйлис боләймуш* — говорят, что послезавтра опять будет собрание; *ишти бир*

бәшлә(в) әгунчә, бәшләгәннә(н) сәғрә ози әстә-әстә кәти вүрәде — лишь бы начать работу, потом уже она сама потихоньку пойдет; *мәскәвдәң кәйәниздәм бәзә сизди әнни корәм-мән* — с тех пор как вы приехали из Москвы, я вижу вас

только теперь; *мәйли мә(н) сиздә(н) илләй бәрип турә-*

мән — хорошо, я раньше вас приду туда; *хәммәдә(н) әллиң ким қол котәдде* — кто раньше всех поднял руку?

В шахриябзском говоре преимущественно употребляют-
ся вышеприведенные синонимы, а не общие для говора и
литературного языка послелоги. Последние встречаются в
языке интеллигенции и учащихся: *сәннәм бурун* — раньше
тебя, *оқьғанымнам бәре* — с тех пор, когда я учился.

Служебные имена

Служебные имена *элд*, *эрқа* (*орқа*), *йән*, *оттә* (*урта*),
эра (*ора*), *тәг* || *эст*, *үст*, *тәппә* (*тепа*), *тәшқаре*, *то:Ғри*,
хәк, сочетаясь с именем (в дательном, местном, исходном
падежах), употребляются в том же значении, что и в лите-
ратурном языке, но несколько своеобразно.

1. Совпадение в говоре форм дательного и местного па-
дежей обусловило сочетание служебных имен с другими
именами в двух формах — на *-гә* и *-дән*. Функция и значе-
ние (*-гә*) конкретизируются в контексте или в обстановке
речи, например: *эши:ди эллийә кәлле* — он подходил к
дверям и *эши:ди эллийә турутто* — он стоит у дверей.

2. Параллельно с *элд* употребляется (лишь примените-
льно к людям) *қәш* — около, при, к, у, букв. „брови“ (это
встречается в литературном языке в предложениях типа
завод қошидаги кечки ёшлар мактаби — вечерняя школа
молодежи при заводе), например: *сәни қәшиңңә//эллиңңә*
бәрәммән — иду к тебе; *сәни қәшиңңә//эллиңңә оттүсүн* —
пусть он (по)сидит около тебя; *кимни қәшидәңңә//эллидәңңә*
кәлпсән — от кого ты идешь? Так же, как синоним *элд* || *қәш*,
употребляется *бәш* (букв. голова) только при сочетании с
именами *очәғ* — очаг, *тандур* — печь (для лепешек): *очә:Ғди*
бәшийә оттирипто — он сидит у очага: *очә:Ғди бәшидән*
нәри кәтмийде — он не отходит от очага. Этот послелог
встречается в предложениях типа *мәни бәшимңә әрһзә ко-*
тәрип кәлипте — (представьте себе) он ко мне приходил с
заявлением.

3. Послелог *қарши* в функции служебного имени не
употребляется, его заменяет в говоре *ропәрэ* таджикского
происхождения (от *рӯ ба рӯ* — лицом к лицу, напротив):
мошин(ә) шүннәғ мәктәпти ропәрсийә тохтәйкән — ока-
зывается, автобус останавливается как раз напротив школы;
ойләризди ропәрсидәң кәттә имзрат чушәткәнәкән — ока-
зывается, напротив вашего дома строится большое здание.

4. Редко встречается слово *хүсүс*. В языке старшего
поколения отмечено служебное слово *жәһил*, например:
шу жәһилтәм мән уңңә ков нәсә(х)әллә қьләмән — по этому
му (поводу) я ему даю много советов.

Словообразование имен существительных

Словообразование в шахрисябзском говоре принципиально не отличается от литературного языка. Словообразующие аффиксы у них общие, лишь с той разницей, что одни употребляются чаще, другие реже; отдельные аффиксы вошли из литературного языка, а другие часто заменяются аффиксом персидского происхождения, и, наконец наблюдаются некоторые фонетические изменения, происходящие при присоединении аффиксов к корню с определенным конечным согласным.

Наиболее продуктивен и в литературном языке, и в говоре аффикс *-чи*, образующий в основном имена деятеля или представителя определенной профессии, отрасли. При прибавлении аффикса *-чи* к корням, оканчивающимся на *з, т, р, ш*, в результате полной регрессивной ассимиляции согласный переходит в *ч*. Например: *кэлхэз*—колхоз и *кэлхэччи*—колхозник, *то:мэт*—клевета и *то:мэччи*—клеветник, *тэмйр*—железо и *тэмйиччи*—кузнец, *қош*—соха с двумя волами и *қоччи*—пахарь. Исходный взрывной *қ* перед аффиксом *-чи* переходит в фрикативный *х*, например: *орқ*—серп и *орқчи*—жнец.

Продуктивен также словообразующий аффикс имен существительных *-лик*, который в говоре не имеет форму *-лий*, характерную для ташкентского, джизакского и некоторых других городских говоров. В говоре наблюдаются фонетические варианты *-лик, -лиғ, -луғх, -лук*, например: *сэғх*—здоровый и *сэ:лиғх* || *сэ:луғх*—здоровье, *бэш*—голова и *бэшлуғх*—главарь, начальник.

Аффикс *-лик*, так же, как *-чи*, не изменяется под влиянием исходного звука корня: действует регрессивная ассимиляция. Часто уподобляются исходные согласные основы *н, р, т*. Например: *йэман*—плохой, дурной и *йэмаллик*—зломыслие; *бэзэр*—базар и *бэзэллик* || *бэзэллуғх*—покупки; *хэйит*—праздник и *хэйиллик*—праздничные подарки. Согласные *к, қ* выпадают: *чучо:лук*—сласти, *қуру:луғх*—суша.

В говоре аффикс *-лик* может передавать и другие значения. Ср. например: *эвл ози рэзи болу:ди, энни бугуллук күңнэ кэлип эйгьни тичрэв элле*—раньше он сам был согласен, а теперь упорствует; *улэ урушлук*—они в ссоре; *бу ромэл эхлуқ қьладе*—этот платок очень светлый (для нее).

Сложный словообразующий аффикс *-чилик* употребляется шире, чем в литературном языке, потому что отдельные

имена существительные, образуемые в литературном языке с помощью аффикса *-лик*, в говоре образуются аффиксом *-чилик*, например: *кэсэлчилик*—заболеваемость; *мэ:мэнчилик* хождение в гости; *тохчилик*—изобилие, *ортэхчилик* || *жо-рэчилик* — дружество; *миннэддэчилик* — признательность.

Примечание. Иногда к инфинитивной форме на *-мэг* (*-мэк*) прибавляется аффикс *-чилик* для передачи продолжительного и чрезмерного действия. Эта глагольная конструкция употребляется обычно вместе с глаголом *қь(л)-*—делать, например: *тоғди устийа шуннэғам қар йэғ-мэхчилик қьллики* (в лит. языке возможно: *шундай ҳам кучли қор ёғоғки*), *қоз эчиб бомэде*—на горе так (сильно) шел снег, что нельзя было открыть глаз; *ҳэмсэйэмиз бэлэсини б^Црэм урмэхчилик қьллики* (в лит. языке возможно: *шундай ҳам кўп урдик*), *ҳис (ҳеч) сорамаң*—наша соседка так избивала своего ребенка, что я не могу вам рассказать.

Вместо словообразующего аффикса *-дэш* часто употребляется в говоре таджикско-персидский префикс *ҳэм-* (за исключением отдельных собственных имен—*йоллэш*, *қоллэш*¹ и некоторых слов типа *синидэш*—одноклассник, вошедших из литературного языка): *ҳэмқышлэ^{FX}* — односельчанин, *ҳэмсо:бат* || *ҳэмгэп*—собеседник, *ҳэмкэсип*—коллега, *ҳэммактэп* (в речи старшего поколения)—товарищ по школе.

Наряду с собственно узбекскими словообразующими аффиксами широко применяются в говоре аффиксы имен существительных таджикско-персидского происхождения: *-вэз* (<боз), *-мэн* (<манд), *-доз*, *-кэр*, (*-кэр*, *-гэр*), *-каш*, *-пэз*, *-сэз* *-вэн* (<бон), *-дэр*, *-хор*, *-дэн*, *-пош*, *-хэн*, *-тэрэш*, *-пуруш* (<фуруш), *-хэнэ*. Некоторые из них употребляются шире, чем в литературном языке, так как, во-первых, лексика шахрисябзского говора отличается большим количеством заимствований из таджикского языка и, во-вторых, круг употребления некоторых аффиксов расширился. Например, аффикс *-вэз* (*боз*) не только образует имя деятеля от имен существительных (*кэптэрвэз*—любитель голубей), но также прилагательные со значением указания на характер, натуру лица: *гэч* (тадж. дурак, глупец) и *гэчвэз* (*одэм*)—бестолковый, глупый (человек); *лотти* (тадж. жулик, плут) и *лоттивэз* (*одэм*)—хитрый (человек), ср. еще: *гэрэ(ң)вэзлик* (от *гэрэң*—растерявшийся, глухой)—лишние хлопоты.

Аффиксы *-манд* и *-мон* в литературном языке, образующие существительные или прилагательные, в говоре сли-

¹ Сочетание звуков *л+д* внутри слова дает *лл*. См. характеристику согласных *л* и *д* в разделе „Фонетика“.

лись в аффикс *-ман*. Примеры: *хунар*—ремесло, *хунарман*—ремесленник, *иштэхэ*—аппетит и *иштэ:ман*—желающий чего-либо, *оларман*—жадный, цепкий, ср. также: *тэпэрман-чэпэрман бэччэ*—трудолюбивый, находчивый парень; *кочэдэн хэммэни йэрмэ(н)-ичэрман болуп кэлле*—он пришел с улицы очень злым (букв. готовым всех съесть). Здесь *йэрмэ(н) ичэрман* употреблено в функции наречия—обстоятельства образа действия.

Кроме таджикских аффиксов, параллельно существующих в литературном узбекском языке, в говоре встречаются и другие аффиксы, заимствованные вместе с производными словами из таджикского языка. Например, аффикс *эк*: *элэвгирэк* || *этэшгирэк*—щипцы для углей—от *элэв* || *этэш*—огонь и *гир*—основа настоящего времени глагола *гирифттан*—брать+*эк*; *тэштэнэк* (<*тортанак*)—паук—от *тор*—нить и *тан*—основа настоящего времени глагола *танидан*—свивать+*эк*; аффикс *эн:ро:бинэн*—угощение в связи с ознакомлением ближайшей родни новобрачного и новобрачной—от *рӯ*—лицо и *бин*—основа настоящего времени глагола *дидан*—видеть+*эн:гэврэбэнэн* (<*гахворабандон*)—семейный праздник при первом укладывании ребенка в колыбель—от *гэврэ* (<*гахвора*) колыбель и *банд*—основа настоящего времени глагола *бастан*—завязывать+*эн*. Эти аффиксы в говоре не играют никакой словообразующей роли и употребляются только в заимствованных словах. Производные слова, образованные путем словосложения и с помощью аффиксов или префиксов, будем рассматривать, как лексические единицы.

В шахриябзский говор устойчиво вошли аффиксы *-уп* (<*-ов*), *-(й)үвэ* || *-овэ* (<*-ова*) из русского языка, образующие фамилии и указывающие на родо-половое различие. Например: *фулэмуп*, *фулэмүвэ* || *фулэмовэ*; *сэмэдуп*, *сэмэдүвэ* || *сэмэдовэ*; *гэнийуп*, *гэнийүвэ*; *жүмэйуп*, *жүмэйүвэ*.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Аффикс *-роқ*, являющийся аффиксом сравнительной степени в литературном языке, в говоре подвергается следующим фонетическим изменениям;

а) в изолированном употреблении прилагательного с аффиксом *-роқ* исходный согласный *қ* озвончается, как *ғ* с призвуком *х*, и произносится намного слабее обычного *ғ*, но

не выпадает, а предыдущий гласный чуть удлиняется. При наличии аффикса принадлежности *Ғ* произносится нормально и исчезает долгота предыдущего гласного: *кәттәрҒь йә:Ғме* — нет ли побольше этого. Это наблюдается и в других говорах узбекского языка, особенно городских¹;

б) в случае присоединения других аффиксов с начальным согласным (кроме *з*) часто наблюдается выпадение *Ғ* (<*к*) аффикса *-рҒ* (<*рҒ*) и удлинение предыдущего гласного: *пәсрә:дән* — чуть снизу; *кәттәрә:ме* — побольше ли; *копрә:ди* (<*күпроқни*) *нимә қьләсэн* — зачем тебе побольше? То же на стыке двух слов, например: *үзүңрә:босин* — пусть будет чуть длиннее; *мәйдәрә:дәрәх* — дерево чуть поменьше; *йәхширә:шә:р* — город чуть получше;

в) в случае присоединения аффикса с начальным *з* конечный согласный *қ* аффикса *-рҒ* не изменяется, наоборот, под влиянием прогрессивной ассимиляции следующий *з* переходит в *қ* например: *зәрққьнә*² — чуть меньше, *бәләңрҒқә* — чуть выше.

Аффикс *-рҒ* (<*рҒ*) выражает в говоре неполноту качества или смягчение, ослабление признака, обозначаемого корнем. Например: *бәләң* — высокий, *бәләңрҒх* — чуть выше, *көк* — зеленый, *көкрҒх* — зеленоватый, *сәвүҒх* — холодный, *сәвү:рҒх* — холодноватый.

Такое же значение передает аффикс *-рҒ* при сравнении признаков двух конкретных предметов. Ср.: *сән поләттән зор* — ты сильнее Пулата и *сән поләттән зоррҒх* — ты чуть (немножко) сильнее Пулата, *бәйәгидән бу ширинрҒкән*, *ләкин кәчәки йәгәнмиз ширинде*. *қ'әчәннам бәзә ошәннәқ қаву(н)йәмәвдүм* — эта слаще предыдущей, но та, что вчера ели, была по-настоящему сладкая, я давно такой дыни не ел.

В двух последних примерах *-рҒ* выражает только уменьшение, ослабление качества, обозначаемого корнем, а степень сравнения реализована синтаксически, в данном случае формой исходного падежа.

¹См. З. М. Магруппов, Степени сравнения прилагательных в узбекском языке, Труды Института языка и литературы имени А. С. Пушкина АН УзССР, вып. 1, Ташкент, 1949; Я. Г. Гулямов, Из наблюдений над морфологией ташкентского говора, в кн. „Узбек диалектологиясидан материаллар“, т. 1, Ташкент, 1957.

²Ср. в самаркандском и бухарском говорах *зәрҒгинә* — чуть меньше.

Сравнительная степень образуется также прибавлением к вышеуказанной конструкции специальных слов *корэ* (от *кор-* — видеть), *қарэгәңңә* (лит. *қараганда* от *қара* — смотреть), как в литературном языке: *тәшқаридәң корэ ой сәлқин* — в комнате прохладнее, чем во дворе; *дәйрәни сүви кәчәкийә қарәйәңңә бугуң коп* — сегодня в реке воды больше, чем вчера. Литературное слово *нисбатан* (от *нисбий* — относительный) в шахрисябзском говоре употребляется очень редко, только в речи интеллигенции.

Аффикс *-рәғ* (< *рәқ*) не является в говоре показателем сравнительной степени, как и в ташкентском говоре¹, а выражает значение „чуть-чуть, немного“².

Аффикс *-рәқ* в шахрисябзском говоре присоединяется только к основе даже при наличии падежных окончаний: аффикс падежа стоит после *-рәқ*, тогда как в литературном языке он может присоединяться к падежному показателю. Например:

в говоре	в литературном языке
<i>йәқьнрәққа</i> — чуть поближе	<i>яқинғароқ</i>
<i>ичкәр^и рәққа</i> — чуть вглубь	<i>ичқаригароқ</i>

Степень усиления выражается так же, как и в литературном языке, с помощью элементов *әң* (очень, самый, наи-), *жудә* (очень), которые указывают на самое высокое качество признака. Элемент *жудә* иногда в говоре употребляется вместе с союзом *йәм* (< *хам*) и выражает наивысшее качество предмета: *жудәйәм қьз^иғ экән* — (оказывается) очень интересное. Слова *ғоят*, *ғоятда*, *ниҳоятда* (очень, весьма), выражающие превосходную степень в литературном языке, в говоре не употребляются. Для передачи самого высшего качества предмета нередко употребляются слова *йәман*, *йәманәм* — букв. „плохой, скверный“, которые одновременно выражают субъективный оттенок восхищения, удивления (аналогично русскому сочетанию „страшно интересно“, „жутко красиво“). Например: *йәма:н⁸ || йәма:нәм гәбдән одәмәкән* — оказывается, очень красноречивый человек; *кәчә дәйрәйә йәма:н || йәма:нәм кәттә сүв кәлл^идә* — (представь себе), вчера в реке было много воды.

¹ См. Я. Г. Гулямов, указ. работа, стр. 204—205.

² З. М. Магруппов, указ. работа, стр. 137.

³ При употреблении *йәман* в этом значении обычно чуть удлиняется гласный последнего слога.

Слово *йэман* может иметь различное значение в предложении:

а) его значение зависит от порядка слова. Если *йэман* употребляется перед прилагательным, то оно, как и *эң*, *жудз*, выражает степень признака. Если же стоит после прилагательного, то оно употребляется в самостоятельном значении и вместе с другим прилагательным образует однородные члены предложения, относящиеся к определяемому, выраженному существительным: *кэттэ, йэман китэп* — большая, плохая книга (ср. *йэман кэттэ китэп* — очень большая (толстая) книга);

б) зависит от интонации, т. е. при выражении степени слова *йэман* вместе со следующим прилагательным произносится без паузы, как одна синтагма — определение с определяемым, и чуть удлиняется гласный последнего слога в слове *йэман:йэма:н кэттэ*. Если произносится с паузой, как однородные члены, и не удлиняется отмеченный гласный, то слово это перестает выражать степень и образует со следующим прилагательным однородные члены предложения: *йэман, кэттэ китэп* — плохая, большая (толстая) книга.

Вообще в говоре интонация является одним из средств выражения усилительной степени, например, она часто передается удлинением гласного: а) первого слога прилагательного: *кэ:ттэ китэп* — большущая книга; *и:ңңичкэ ип* — тончайшая нить; б) последнего слога прилагательного: *бэлэ:н дэрэх* — высоченное дерево, *чуқу:р қудуғ* — очень глубокий колодец; своеобразный способ выражения усилительной степени: *бэзэргэ шу э:дэм, шу э:дэм* — на базаре столько много людей, (что...).

Удлинение гласного наблюдается также при редупликации (полной и частичной), когда как бы еще больше усиливается качество, обозначенное корнем: *шири:н-ширин* — самый сладкий, *ко:мкок || ко:кмэк* — совершенно зеленый.

Прилагательное в говоре образуется не при помощи аффикса *-ли*, как в литературном языке, а аффикса *-лик* с фонетическими вариантами *-лиғ*, *-луғ*, *-ли:*, *-лу:*, который совпадает по форме с аффиксом имен существительных. Они различаются лишь по значению, по связи слов и синтаксическому отношению членов предложения. Аффикс *-лик* в говоре не имеет формы *-лий*, *-лув*, которые употребляются в джизакском (*-лий*), ташкентском (*-лий || -лув*) говорах.

Аффикс *-лик* (*-лиғ, -луғ, -ли:, -лу:*), так же как и в литературном языке, употребляется весьма широко и образует прилагательные со значением „имеющий“, „обладающий каким-либо качеством, свойством или предметом“. Например: *ақълли:* || *ақъллиғ бачча* — умный мальчик, *сэманли:* || *сэманлиғ лэй* — глина с соломой, *уруғлуғ эт* — породистая (племенная) лошадь, *йс:лух пэтир* — сдобная слоеная лепешка; *сүллиғ әвқэт* — молочная пища.

Иногда прилагательные с тем же значением образуются не с аффиксом *-лик*, а таджикским префиксом *бэ* (только заимствованные слова): *бэмэзэ* вместо *мэзэлик* — вкусный, *бэ:дэн* вместо *эдэблик* — приличный, воспитанный, *бээвро* вместо *эбройлик* или же *-лик* заменяется префиксами *бэр* || *дэр*; например: *бэрвэх* || *дэрвэх* вместо *вэхлик* (<*вақтлик*) — пораньше, заблаговременно. Эта наблюдается часто в языке старшего поколения и, конечно, объясняется влиянием таджикского языка. В речи молодежи эти формы употребляются параллельно.

Наряду с собственно узбекским аффиксом прилагательного *-сиз* в говоре сосуществует таджикский префикс *бе*, встречающийся в словах, вошедших в говор в этой же форме из таджикского языка: *бэбуруш* (тадж. *буриш* — резание — в говоре не употребляется) — не пригодный к делу, нерешительный, неловкий, *бэқвэт* (от *қвэт* < *қибат* — следствие) — не сдержавший обещания, ненадежный; *бээвро* (от *эвро* — авторитет) — обесчещенный, осрамленный; *бэсэр* (тадж. *сар* — голова) — несообразный, беспорядочный; параллельно употребляется также *бэвэш* в том же значении, но *бэшсиз* передает конкретное значение — без головы.

Встречаются такие слова, которые употребляются и вместе с аффиксом *-сиз* и с префиксом *бе*, не меняя своего конкретного значения: *бэлэсиз* || *бэбэлэ* — бездетный, *пулсиз* || *бэпул* — безденежный.

Примечание. Аффикс *-сиз*, присоединяясь после основы глагола + *ух* || *ув* и с помощью вспомогательного глагола *кэт-* — уходить, образует глагольное сочетание с оттенком зложелания, пренебрежения и т. п. Смысл подобного сочетания трудно перевести на другой язык, так как это своего рода идиоматический оборот. Например: *оттимэсэң оттурухсиз* || *оттурувсис кэт* — букв. „если не хочешь сидеть, то будь не имеющим места для сиденья“. Иногда вместо *кэт-* может употребляться *қэ(л)-* — оставаться, *мэсэ элухсиз* || *элувсис, қэсин* — если он не берет, то и не нужно (да пусть никто не берет). Такие обороты употребляются только в условном предложении и выражают отчаяние, злость говорящего.

В говоре много прилагательных, заимствованных из таджикского языка, которые употребляются вместе с таджикскими аффиксами, например: *нэ* (указывает на отсутствие качества): *нэлэрэм* — неприятный от *форам* — приятный, *нэшт* — никчемный от *шуд* (основа прошедшего времени глагола *шудан* — делаться, становиться); *бэд* (букв. плохой), *бэдгеп* — сквернослов, от *геп* — слово, рассуждение, *бэтхор* — неприятный на вкус, от *хур* (основа настоящего времени глагола *хурдан* — есть); *сэр* (букв. „изобилующий“): *сэрбэр* — широкий (о материале), от *бэр* — ширина, *сэржэн* || *сэжжэн* — имеющий большую семью, от *жэн* — душа; *ним* (букв. „половина“); *нимсохта* — обгорелый, от *сұхта* — основа прошедшего времени глагола *сұхтан* — гореть + *a*; *нимхэз* — привставший, от *хез* (основа настоящего времени глагола *хестан* — вставить). Любопытно значение слова *нимп^ийэла*, которое сематически должно было означать пиалу размером наполовину меньше обычной пиалы, но в говоре оно означает пиалу размером вдвое больше обычной (т. е. в литературном языке *нимкдса*).

Аффикс имен прилагательных субъективной (уменьшительной) *-гинэ* (*-кина*, *-қьна*, *-йна*) с целью усиления значения присоединяется к основе в повторном виде. Например: *йэхшигинийнэ¹* (*яхшигинагина*) — хорошенький, *йэшк^инийнэ* (*ёшгинагина*) — совсем молоденький, *эччиққ^бнийнэ* (*аччиққинагина*) — кисленький, *чучукк^инийнэ* (*чучуккинагина*) — сладенький.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

По сравнению с литературным языком подвергаются фонетическим изменениям следующие числительные: *экке* (*икки*) — два; *тот* (*тўрт*) — четыре; *тоққуз^с* (*тўққиз*) — девять; *онэкке* (*ўн икки*) — двенадцать; *оттуз^с* (*ўттиз*) — тридцать; *қ^брқ* — сорок, в самостоятельном употреблении не изменяются, а в сочетании с другими словами выпадает исходный *қ* на стыке перед любым следующим числительным, например: *қьрб^ир* — сорок один, *қьрэкке* — сорок два и т. п., а конечный *р* перед числительными с начальным *т*, *с* ассимилируется: *қьттот* (< *қьрқ торт*) — сорок четыре,

¹ Аффикс *-гинэ* после гласной основы вместе с исходным гласным принимает форму *-ийнэ*, например: *кэттийнэ* — крупненький вместо *кэт-тэгинэ*.

къссәккиз^с (<*қырқ сәккиз*)—сорок восемь. Но в сочетании с именами с начальным глухим согласным выпадает *p*, а не *k*, и последний спирантизируется и переходит в *x*, например: *қьх сом* (*қырқ сом*)—сорок рублей, *қьх тин* (*қырқ тийин*)—сорок копеек, *қьх кун* (<*қырқ кун*)—сорок дней, но перед звонким согласным выпадает *q*: *қыр* (*й*)*ил* (<*қырқ йил*)—сорок лет. Исходный *k* числительного *эллик* перед числительными и именами с начальным согласным выпадает и предыдущий гласный *и* удлиняется: *элли:бир*— пятьдесят один, *элли:тин*—пятьдесят копеек и т. п. (см. „Долгота гласных“); перед начальным гласным *k* озвончается: *эллигәккә* (<*эллик икки*)—пятьдесят два; *эллигәлте*—пятьдесят шесть. Ср. еще: *сәккийүз*^с—восемьсот, *тоққуйүз*^с—девяност, *ләк*—сто тысяч, *миллион*—миллион.

В числительных также имеется тенденция к опрощению групп (неоднородных) согласных, в результате выпадает один из согласных: *тот* (*торт*), *қыр* || *қьх* (*қырқ*), *элмиш* (*олтмиш*); гармония гласных — *тоққуз*^с (*туққиз*); *оттуз*^с (*үттиз*)—губная гармония; ассимиляция согласных: *къссәккиз*^с (*қырқ сәккиз*).

В речи старшего поколения наблюдается система счета десятками. Если недостает до полного десятка (начиная с тридцати до ста) одной, двух или трех единиц, количество выражается описательно, с помощью слова *кәм*—мало, меньше: *биркәм оттуз*^с (тридцать без единицы)—двадцать девять, *әккәм эллик* (пятьдесят без двух единиц)—сорок восемь, *уч кәм сәксән* (восемьдесят без трех единиц)—семьдесят семь, *бир кәм йүз*^с (сто без единицы)—девяносто девять.

Примечание. Интересно, что маклеры, мясники и связанные с ними люди употребляют особые жаргонные слова, означающие счет, количество. Употребляются всего восемь слов: *әри*—один, *бийзз*^с—два, *гири*—три, *гәтә*—четыре, *нимсәр*—пять, *кәпәрә*—шесть, *кәбийзз*^с—семь, *бийзс кәм*—восемь, *әрикәм*—девять, *сәри*—десять. Этими словами может выражаться любой счет. При этом большую роль играет обстановка речи и контекст, например, *әри* может означать сто или тысяча; *бийзз*^с—двести или две тысячи и т. д. Также основную роль играет слово *кәм*, например: *гири кәм бийзз*^с (на триста меньше двух тысяч)—тысяча семьсот, *бийзс кәм әри*—восемьсот и т. п.

Числительное *бир*—один, кроме собственного значения в составе определенной конструкции или в сочетании с некоторыми словами, передает весьма разнообразные оттенки. Например, значение неопределенности: *бир одәм*—некий

(какой-то) человек. В этом значении *бир* иногда субстантивирован при помощи аффикса *-тэ*, например: *шэққа биттэ той қылыптими дәймән; дәйрәни дәвушү чигәпто*—должно быть, на той стороне кто-то справляет свадьбу, потому что слышен звук бубна; *биттэдә(н) он сом қаз эллим*—у одного человека я взял десять рублей в долг. Также *биннимә (бир нима)*—что-нибудь, кое-что: *биннимә дән*—ну, скажите что-нибудь; *бирил || бирйил*—однажды, в каком-то году, когда-то: *бириләм шүннәг иссиг болу:де*—когда-то (в каком-то году) тоже была такая жара; *бир мәттә* (букв. один раз)—когда-то, однажды: *бирмәттәйәм дәйрәйә шүннәх сәл кәлу:де*—вот так же (когда-то) однажды был на реке такой паводок.

Сочетаясь с числительным, обозначающим неопределенный, приблизительный счет, *бир* как бы дополняет, усиливает, лексически подкрепляет данное значение: *кәмпидди бир онтәлә тәвүғь бә*—старуха имеет с десяток кур; *мәң-ңә бир элли:сом(чә)* бәрип то (< тур)—дай (в долг) мне (пока) рублей пятьдесят.

Для усиления значения и передачи субъективной оценки *бир* часто употребляется в предложениях, сказуемое которых выражено желательной, повелительной или условной формой: *илләй бир чэй ичивәләй*—дай-ка я сначала попью чаю, *шу бугум бир кинйә бәрәйдук*—давайте сегодня пойдем в кино, *шу бугум бир йәхшиләп пәхтә тәр, қане*—возьмись-ка сегодня как следует собирать хлопок, *қавунмиз бир пишип қәсәйде*—эх, созрели бы наши дыни (поскорее).

В повествовательных предложениях, сказуемое которых выражено именем сказуемым или формой прошедшего категорического или прошедшего субъективного времени, *бир || бирәм* употребляется в функции наречия со значением „так“, „настолько“. В литературном языке этому соответствует наречие *шундай || шундай хам*. Например: *эттәмнә(н) хәвә бир сәвүғ боллике...*—утром так прохладно было, что...; *үзүмиз бирәм көп қылыптүки хич әдәти йәғх*—так много плодов у вашего виноградника, просто невероятно (букв. „нет никакого количества“); *тәғди үстийә бирәм қәр йәғдики одәм одәмни кориб бәмәйде*—на горе такой (сильный) снег шел, что не видно было друг друга.

В соединении со словами, обозначающими время, *бир* образует наречия *бир вэх'лэ* || *бирвэх'* (*бирвақт*)—однажды, вдруг; *биззум* || *бирпэс* (*бир зум* || *бир фасл*)—минуточку. Числительное *экке*—два с прибавлением аффикса *-тэ* теряет последний слог: *эктэ*—две штуки.

В значении „штука“ может употребляться и слово *дэна* (*дэн*—зерно+*э*—таджикский аффикс имен существительных, образующий имена со значением „имеющий“, „обладающий“). Но между аффиксом *-тэ* и словом *дэна* в говоре имеется разница—*дэна* употребляется в отношении более мелких предметов: *он дэна мэйизс*—десять изюминок; *бэш дэна бугдэй*—пять зерен пшеницы, *тод дэна* (<*тод дэна*<*түрт дона*) *нахут*—четыре зернышка гороха. Слово *дэна* в отношении более крупных штучных предметов обычно передает значение уменьшения с оттенком недовольства. При этом немаловажную роль играет интонация, логическое ударение. В данном случае оно падает на числительное: *мэңдэ тод дэна элмэ бэдде*—он мне дал лишь четыре яблока. Оттенок ограничения передает также аффикс *-гинэ* (*-кинэ*, *-қына*, *-йна*), который употребляется обычно вместе с аффиксом *-тэ*, например: *эктийнэ* (*иккитагина*)—лишь две штуки, *бэштийнэ*—лишь пять штук.

Аффикс порядкового числительного в речи старшего поколения встречается в форме *-лэмчи* наряду с *-(и)нчи*, например: *бэшлэмчи кэлиш*—галoши пятого размера; *сиз нэччи-лэмчи этик кийэсизс*—вы какого размера носите сапоги?

Разделительные числительные преимущественно образуются путем повтора штучных: *эктэ-эктэ*—по два; *биттэвугъм бэриде*, *хэр күни эктэ-эктэ туғайчийде*—у меня была курица, которая несла в день по два яйца, *биттэ-биттэ*—по одному: *биттэ-биттэ котэрип ке*—неси по одной штуке. Разделительные числительные могут образоваться аффиксом *-(э)вэрэ* таджикского происхождения (от *бора*, образующего в таджикском языке наречия типа *дубора*—*вторично* (*ду*—два+*бор*—раз+*а*), которые часто употребляются во время коллективного угощения (на свадьбах), например: *эшти үчэвэрэ сүзиң*—кладите плов для каждого троих по блюду. Числительное может повторяться *тойгэ экэвэрэ-экэвэрэ эш бэрилле*—на свадьбе подавали плов для каждого двух человек по блюду.

Примечание. Заимствованное слово *дувэрэ* в говоре употребляется в значениях: „второй“, „вторично“, „второй раз“. Например: *дувэрэ экин*—второй посев, *дув-дувэрэ кэмэйт^{II} гэм болле*—он не осмелится теперь прийти вторично.

Собирательные числительные образуются от количественных с помощью аффикса *-эв* (*-эв*). Аффикса *-эла*, употребляющегося в литературном языке и в других узбекских говорах¹, в шахрисябзском говоре нет. Например: *экэвиң* (и здесь выпадает последний слог слова *экке*) — вы вдвоем; *тоттэв(у)мизэм ориччани билэмизс* — мы все четверо говорим по-русски; *сила экэвлариз бэрийла, бизэ учэв ойга қрлэмизс* — вы идите вдвоем, а мы втроем останемся дома. Когда речь идет о 2 или 3-м лице, обычно употребляются аффиксы принадлежности независимо от наличия личных местоимений, а при местоимении 1-го л. мн. числа присоединение аффикса необязательно. Наблюдается употребление собирательного числительного вместе с аффиксом *-лэшип* (но не *-лэп* < *лаб*, как *учовлаб*): *тоттэвлэшип биттэвэғ шти ййэммаймизме* — неужели мы не сможем съесть вчетвером блюдо плова; *экэвлэшип бирил ишлэсэк...* — если мы (с тобой) вдвоем поработаем год..

Неопределенно-количественные числительные образуются от штучных числительных с помощью аффикса *-чэ*, как и в литературном языке: *йүстэчэ* — около сотни, *миңтэчэ* — около тысячи. Более употребителен в говоре аффикс *-лэ*, восходящий к аффиксу множественного числа *-лар*, который, как и *-чэ*, присоединяется к штучным числительным, образованным аффиксом *-тэ*, например: *бир оттиришкэ үчкиши болип онтэла қаву(н) йэдик* — мы втроем за присест съели примерно десять дынь; *ошэ йили бэққа йигирмэтэлэ шптэли экувдим* — в том году я посадил в саду около двадцати саженцев персика.

В числительных, не принимающих *-тэ*, аффикс *-лэ* присоединяется к имени — определяемому слову: *мэ:нат кунимизга йигирмэ бэс сомлэдам пул тэғадда бу йул* — в этом году на трудодень приходится примерно по двадцати пяти рублей. Иногда вместе с неопределенно-количественным числительным употребляются специальные слова аналогичного значения: *чэғьм(ңэ)*, *бир*, *тэх'миннэн*, *қарип*. Кроме того, такое же значение может выражаться синтаксическим

¹ См. К. К. Юдахин, Некоторые особенности карабулакского говора, в кн. *Ўзбек диалектологиясидан материаллар*, I, Ташкент, 1957 стр. 56. А вообще *экэв* более древняя форма. Ср. *ikägü* — вдвоем.

способом, конструкцией *-сә кэрәк*, присоединением аффикса *-дур || -дир* к сказуемому и т. д. Например: *бур онталә зәммүри бә:*—у него около десяти ульев пчел; *шә(х)әддәм бәш чакъримлә кәсә кэрәк*—от Шахрисябза будет, наверное, около пяти километров, *бәққа бәммәгәннү мизгә йәм оң күллә болли, чәғьмңә*—мы не были в парке, наверно, уже десять дней. Значение неопределенного может выражаться сочетанием количественных числительных: *уш-тор күннәм бәзә мәңңә ойқь йәғх*—уже три-четыре дня у меня нет (спокойного) сна. Интересно употребление сочетания числительных со значением „четыре-пять“, которое встречается в говоре в двух формах — *бәш-тоттә* (это очень часто) и *тор-бәштә*—четыре-пять штук. В остальных аналогичных числительных сначала стоит числительное меньшее, а потом большее: *бәш-әлтитә*—пять-шесть штук, *он-онбәштә*—десять-пятнадцать штук и т. п.

МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимения шахрисябзского говора характеризуются следующим.

1. Личные местоимения 1 и 2-го лица единственного числа в говоре употребляются в форме *мән*—я, *сән*—ты; в предместьях наряду с этой формой иногда встречается форма *мән* и *сән* (имеется в виду язык местного населения). Одной из характерных особенностей является употребление и значение личных местоимений. Помимо обычных простых форм 1 и 2-го лица единственного числа существуют и другие формы с дополнительным оттенком, выражающие отношение друг к другу, например, *мән*—я и *биз*—я (форма скромности или гордости, похвальбы—уточняется в обстановке речи или в контексте); *сән*—ты и *сиз*—вы (форма вежливости, уважения или иронии). Поэтому множественная форма этих местоимений образуется с помощью аффиксов *-ә, -лә*, восходящих к показателю множественного числа *-ләр*, как *бизә < бизлә < бизләр*—мы, *сизлә < сизлә < сизләр*—вы. В этих формах нет того дополнительного оттенка, который выражается в форме единственного числа *биз, сиз*. Это вполне дифференцированная форма без всяких дополнительных оттенков, указывающая на множество людей. Не встречается форма *сәллә < сәнләр* (лит. *сенлар*), характерная для других говоров узбекского языка, которая употребляется в отношении множества людей с оттенком унижения, пренебрежительности в противовес форме *сизлә*.

Местоимение 3-го лица ед. числа у (он) также имеет форму вежливости или иронии, которая образуется путем употребления слова *киши* (букв. „человек“): у *киши* значит „он“ с оттенком вежливости или иронии. Поэтому в предложении сочетание у *киши* требует соответственно сказуемого с прибавлением *-лэ¹*, т. е. с показателем множественного числа, так же, как и местоимения (при аналогичном употреблении) *биз*, *сиз* в сочетаниях типа *биз келлик* — я пришел (значение скромности или гордости), *сиз кэллизс <кэлдингиз* (значение вежливости или иронии) — вы пришли и у *киши кэллилэ* — он пришел (значение почтения или иронии). В отношении к 3-му лицу в этом же значении *киши* может употребляться вместе с указательными местоимениями: *шу киши*, *бу киши* — вот этот (почтеннейший человек). Любопытно сравнить эти формы с фактами ташкентского говора, где функцию *киши* выполняет аффикс *-лэ(p)*: *улэ*, *була*, *шулэ²* и т. д., которые „употребляются для единственного числа (того же лица) при выражении уважения или иронии“³, как и слово *киши*.

А для 3-го лица мн. числа в шахрисябзском говоре употребляется форма *улэ* (они), при этом сказуемое стоит в единственном числе. Ср., например: у *киши кэттилэ* — он или тот (почтеннейший человек) ушел и *улэ кэтте* — они ушли.

Личные местоимения в шахрисябзском говоре выступают в следующих формах:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>мэн</i> (обычная форма) — я <i>биз</i> (форма скромности или гордости)	<i>бизэ</i> — мы
2 л.	<i>сэн</i> (обычная форма) — ты <i>сиз</i> (форма вежливости или иронии) — вы	<i>сизэ</i> — вы
3 л.	<i>у</i> (обычная форма) — он <i>у киши</i> (форма почтения или иронии)	<i>улэ</i> — они

¹ Согласование сохраняется также в сочетании определения с определяемым: у *кишини ойлэре* — его (почтеннейшего человека) дом, ср. *уни ойе* — его дом (обычная форма).

² В ташкентском говоре эти формы выражают также значение множественности, значит употребляются двояко.

³ Я. Г. Гулямов, Из наблюдений над морфологией ташкентского говора, в указ. кн., стр. 216.

Примеры: буладди хэммасини биз қъллик, сизди қолиздан нимә иш кәләйчийди... ғыш қуйған — биз, ой қурган — биз, мәнә бу сиз оттигән чәрвәди қьған — биз, сис-чи, сиз нимә қъллизс? Кани әйтиң, қане! — все это сделал я. А что ты могла сделать? Формовал кирпичи—я, строил дом—я, вот этот садик, в котором ты живешь, посадил я. А ты-то, что ты сделала? А ну-ка скажи; сис қәддәм боләсиз, бәләм? — вы откуда родом, сынок?; бизәм шәллиг, онә — я тоже здешний, матушка; у кишидәм мәни қорқәткән жәйим йәх, қоб доқ қьмасуллә — нечего мне бояться его, пусть он мне (так много) не угрожает (выражение пренебрежения); у кишидәм миннәддәрмән — я ему (почтеннейшему) благодарен; бу киши биз(ди) дәдәмизс — это мой батюшка (выражение скромной гордости).

2. Указательные местоимения у (тот), бу (этот), шу (этот самый), ошә || ушә (тот самый) обычно употребляются вместе с особыми указательными частицами — для у, шу, ошә || ушә применяется слово әнә — вон, например: әнә у — вон тот, әнә ошә || ушә — вон тот самый (когда указывается на предмет, более отдаленный от говорящего). и әнә шу — вот этот самый (предмет, расположенный близко к говорящему); местоимение бу употребляется вместе со словом мәнә — вот: мәнә бу — вот этот; мәнә может употребляться также с шу, например, мәнә шу — вот этот самый.

В говоре не употребляются характерные для джекающих говоров формы анов < анау, манов < мана бу или мәмбә || мәмбә, мәйшә и т. д., как в ташкентском. Часто встречается особое указательное местоимение хәйлә — вот он, вон он, восходящее, повидимому, к арабскому haulä (هو^وأ^ل) — вот (указание на более отдаленный, а иногда близкий, но в обоих случаях видимый предмет). Отдаленность предмета обычно передается удлинением, протяжностью гласного первого слога: хәәйлә, хуууошә — вон тот самый.

Слово хәйлә не склоняется, хотя при субстантивации отмечен его винительный падеж: хәйләни чүшүнәсәмме, йә: ме — ты понимаешь или нет, я тебе говорю „вот он“. Остальные местоимения склоняются (начальный б местоимения бу в результате регрессивной ассимиляции последующих носовых согласных переходит в м):

Род. -вин. п. муни || буни уни шуни ошәни || үшәни
 Дат. -мест. п. муңә уңә шүңә ошәңә || үшәңә
 Исх. п. мүннән уннән шуннән ошәннән || үшәннән

Интересно сочетание указательных местоимений со словами *йэр* (земля, место) и *йақ* (сторона), при которых происходит значительное сокращение и заметное фонетическое изменение: *бэр* < *бу йэр* — это место, *эр* < *у йэр* — то место, *шэр* < *шу йэр* — (вот) это (самое) место, *ошэр* < *оша йэр* — то (самое) место; *бақ* < *бу йақ* — эта сторона, *ақ* < *у йақ* — та сторона, *шақ* < *шу йақ* — (вот) эта (самая) сторона, *ошақ* < *оша йақ* — та (самая) сторона.

Примеры: *эр йахшиме*, *бэр* — где лучше, там или здесь?, *ах бахтан савугме* — там холоднее, чем здесь?, *ахтам баққа қарайанча бир ил отипто* — не успели оглянуться, а год уж прошел; *ни ма қыласам бэга* — что ты делаешь здесь?

3. В употреблении отдельных вопросительных местоимений по сравнению с литературным языком имеется некоторая фонетическая разница, например; *қанноғ* (*қандоғ*) — какой?; *каков?*; *қанноққа* (*қандақа*) — какой?, *каков?*; *қ'эчэн* (*қачон*) — когда?; *нэччи* (*нэча*) сколько?; *нэччинчи* (*нечанчи*) — который (по счету)?

Вопросительное местоимение *ким* употребляется в форме *кимдо* и в качестве предикатива: *силэддикийэ кэйэ(н) одэм кимдо* — что за человек пришел к вам? Этот вставной элемент *-до* может присоединяться к местоимению *ни ма*, например, *қолийнаки нимадо* — что у тебя в руке? Вероятно, это *-до* восходит к *-дир* (< *дурур* < *турур*) — аффиксу сказуемости в литературном языке, так как *-до* прибавляется к вопросительным местоимениям *ким*, *ни ма* только тогда, когда они употребляются в функции сказуемого. Впрочем, как отмечает Я. Г. Гулямов, эти два случая встречаются и в ташкентском говоре в форме *кэмдэ*, *нэмэдэ*¹.

Вопросительное местоимение *нэччи* употребляется и в предложениях типа *ҳали нэччи кэлип кэтэсис* — вы еще не раз придете; *нэччи гапуддум шуни сэнца* — я тебе не раз говорил об этом; *нэччи вах'1 кэчкурунам оқьде* — некоторое время и вечером он учился.

4. Неопределенные местоимения в шахрисябзском говоре преимущественно образуются из вопросительных местоимений с помощью элемента *ким*². Например: *кимнимэ* — что-то, *кимқэйси* — какой-то, *кимқанча* — сколько-то, *кимқачэн* —

¹ См. Я. Г. Гулямов, указ. работа, стр. 220.

² Ср. в тадж. языке: *кимкай* — когда-то, *кимки* — кто-то и др.

когда-то, *кимким*¹ — кто-то, *кимқаннэҫх* — какой-то. Этого способа образования местоимений в литературном языке нет.

Иногда неопределенные местоимения образуются при помощи аффикса *-ду(р)* (лит. *дир*): *кимду(р)* — кто-то, *нимэ-ду(р)* — кто-то; с элементом *алла-*: *алләким* — неизвестно кто, *алләнимэ* — неизвестно что (пренебрежение). Но *алләқачән* употребляется в значении, соответствующем примерно русскому уже: *алләқачән бэрип* кэллиме — ты уже сходил?, *алләқачән тәңнэтипте* — уже рассвело. А в значении неопределенного местоимения применяется *кимқачән* — когда-то. Ср. еще: *алләқаннэҫх* — как-то, какой-то; *алләқайси* тоже встречается редко, заменяясь неопределенным местоимением *кимқайси* — какой-то.

Сочетание числительного *бир* со словами *нимэ* || *нэссэ* (*нарса* — букв. „вещь“) — что также образует неопределенное местоимение. Например: *биннимэ* — что-то и *биннэссэ* в значении „одна какая-то (хорошая) вещь“, „что-нибудь“: *сәңңә биннэссә бәрәйме* — дать тебе одну (такую) хорошую вещь, ср.: *сәңңә биннэссә дэдимме* — я тебе что-нибудь (плохого) сказал? Примеры: *мун(у) үчүн кимкимлә оттагә йәм чүште* — кто только ему не составлял протекцию, *хәркүн кимнэччи киши кэлип кэтәди мәскэвгә* — ежедневно вон сколько (бесчисленно) людей приезжает в Москву и уезжает, *билмәдим, кимқайси мәтәпкә оқыйман дэде* — забыл, в какой школе он говорил, что учится.

Вместо *алләким* или *кимдир* (кто-то) в шахрисябзском говоре употребляется *қайси* (букв. „какой“, „который“): *қайси пишәди уруб әйгәһни мәйил қәлипто* — кто-то избил кошку и искалечил ей ногу: *эши:ди тирқәшидәң қайси х'әт тәйләп кәтте* — в дверную щель кто-то бросил письмо; *хич муннәққә әдәти йәҫ'иди, қайси әйниткәндә мунә* — он (раньше) совсем не имел такой привычки, наверное, кто-то его испортил.

5. Определительное местоимение *хәр* (каждый, всякий), сочетаясь с именами, сохраняет собственное значение: *хәр әй* — каждый месяц, *хәс (<р) сәпәр (<сафар)* — каждый раз, *хәр кәлхәзс* — каждый колхоз, *хәд дәйим. (хәрдоим)* — всякий раз, когда бы то ни было.

Иногда в составе сложноподчиненного предложения с придаточным определительным предложением, образованным

¹ *Кимким* также может употребляться в значении вопросительного местоимения множественного числа: *с^и ләддикийә кимким кәллә* — кто (какие люди) к вам пришел?

союзом *-ки*, в главном предложении *хэр* выполняет функцию союзного слова, соответствующего в литературном языке слову *шундай* — такой. При этом имя — определяемое принимает аффикс множественного числа *-лэ*, например, *бэгмизгэ хэр дэрэхлэ бэридики, кучэққа сифмайчийде* — у нас в саду были такие деревья, что нельзя обхватить руками; *биэдди қышлэққа хэр одамла бэки, биттэвэг эшти пэх-пэққэс ураде* — у нас в кишлаке есть такие люди, что каждый из них может съесть целое блюдо плова. В этих случаях именно подчеркивается то или иное качество предмета.

Наряду с *хэр хэл* — разный, всякого рода — существует в говоре слитное слово *хэддуре* в этом же значении. Видимо, это сокращенная форма *хэр турли*.

Хэр употребляется в конструкции *хэр эзб* (букв. „всякое мучение“) *босэ йэм*, которая означает „во что бы то ни стало“ (букв. „несмотря на всякие мучения, затруднения, препятствия“): *хэр эзб босэ йэм шу бугу(н) йэтип кэлиң* — во что бы то ни стало приезжайте сегодня.

Определительные местоимения образуются также сочетанием *хэр* с вопросительными местоимениями: *хэрким* — всякий, каждый, *хэннимэ* — все, всякая вещь, *хэннимэ* в значении „хорошо, что“ выступает и в качестве модального слова: *хэннимэ озиң кэлип қаллиң* — хорошо, что ты сама пришла (неожиданно), *хэрқанчэ* — сколько бы ни было, *хэрқаннэг х* — как, какой бы ни был.

6. Собирательные местоимения в говоре те же, что и в литературном языке. Иногда в одном и том же сочетании местоимение *бэри* меняется местами с именем, т. е. оно может переходить из определения к определяемому, не меняя основного значения (хотя между ними имеется некоторый смысловой оттенок). Ср. например: *кэлхэччилэдди бэре кэлле и бэре кэлхэччилэ кэлле* — все колхозники пришли.

Слово *гэлэ* (букв. „стая“) чаще в говоре относится к людям в собирательном значении. Например: *идэрэйэ бэссэм гэлэси оттэйэ элли мане* — когда я пришел в контору, все окружили меня; *гэлэ қызлэ йэгълип озлэричэ ойнэп, қошуғ айт(ив) йэстунтУлэ* — собрались все девушки и пляшут, поют; *эризэ бэргэллэдди гэлэси қыз* — подавали заявление одни девушки.

7. Отрицательные местоимения образуются с помощью слова *хич* (*хеч*) в основном от вопросительных местоимений: *хичким* — никто; *хиштимэ* (*хечнима*) — ничто; *хичқан-*

нэгх — никакой, никак; *хичқайси* — никакой, никто (при субстантивации); *хичқаннэка* — никакой. Сочетаясь с числительным *бир* (*хичбир* — ни один, никакой) и именем *нэссэ* (*нарса*) (*хишинэссэ* — ничто, ничего), оно образует отрицательные местоимения. Сюда же можно отнести сочетание *хич* с *геп* — слово, суждение (*хичжгеп* — никакого происшествия, ничего), например: *хичжгэб бойан йэгх* — ничего не случилось; заставшую форму *хичвэққа* в значении „ничего, ничего не случится“ (с оттенком утешения): *она, укэм қолимни чилэв элле, — хичвэққаси йэгх, тузэлип кэтэде* — мама, младший брат укусил мне палец, — ничего, заживет.

Примеры на самостоятельное употребление *хич* || *хичэм*: *онажэн, энни эллиздэн хичэм қьмиллэмиймэн* — матушка, теперь никогда ни на шаг от вас не отойду; *энни сэни хич урмиймэн* — теперь тебя никогда не буду бить.

Сочетание *хич* (*бомэсэ*) образует идиоматический оборот, который передает значение „на худой конец“, „в крайнем случае“, „хоть“, „хотя (бы)“. Например: *хич бомэсэ эттэ эхсэргэиди корэмизс* — в крайнем случае завтра посмотрим Ак-сарай; *хич бомэсэ тэг(ь) эк(ки) күн туриң* — оставайтесь хотя бы еще на два дня.

Вместо *хич* в говоре иногда употребляется *биттэ* и в зависимости от характера и смысла предложения выражает разное значение. Например: *шүнчэ чэқьринсэн, тэқьллэтинсэн биттэ билмиймэн* — ты столько вызывал, стучался (в двери), оказывается, я ничего не знал; *шү кэчэ биттэ ухлэмэде* — в эту ночь он несколько (ничуть) не спал. В этих примерах *хич*, *биттэ* употребляются в значении наречия.

НАРЕЧИЕ

Говор располагает большим количеством непроизводных и производных наречий, не встречающихся в литературном языке, что объясняется влиянием таджикского языка и наличием ряда заимствований из последнего.

Наречия места. Указательные местоимения, сочетаясь со словами *йэр* — место, *йэқ* — сторона, образуют наречия места и подвергаются фонетическому изменению и сокращению: *бэргэ* || *бэққа* — сюда, здесь; *шэбдэн* || *шэхтэн* — отсюда; *қэргэ* || *қаққа* — куда, где и т. п. Хотя наречия, образованные от *йэр* и *йэқ* являются синонимами, все же между ними имеется определенное смысловое различие, вытекающее из собственного значения этих слов: *қэргэ*,

бэргэ, бэддэн и т. д. связано со значением „место“, а *баққа, бахтан* — со значением „сторона“. Поэтому говорят *бақ(қа) қараң* — взгляните сюда (в эту сторону), а не *бэргэ қараң*, но: *бэргэ кэлиң* — идите сюда (на это место) и *баққа кэлиң* — идите сюда (в эту сторону).

Так как в говоре и местный, и дательный падеж выражаются одним и тем же аффиксом (-гэ), то *қэргэ* || *қаққа* означает и место (где), и направление (куда). Это различается только в конкретном предложении, в обстановке речи. Например: *қэргэ кэтке* — куда он ушел? и *қэргэ тураде* — где он живет? Это касается всех наречий, имеющих аффикс -гэ (қа). С аффиксом местного падежа употребляются такие наречия в застывшей форме, как: *иллә* — ежегодно, *күннә* — ежедневно.

Наречия времени, характерные для говора: *искәт* (тадж. *искард*) — постоянно, всегда, *эхшәм (оқшом)* — вечером и *кэчқурун* — в том же значении; *тэгәнэхшәм* — послезавтра вечером (а завтра вечером — *эттә кэчә < эртә кэчә*), *азн вәхте* — рано утром, *пэшин* || *чүш* — в полдень, *сә:эр* || *сә:әлләп* — рано утром (до рассвета). Слова, обозначающие время мусульманской молитвы превратились в наречия: *нәмз вәхте* — рано утром (букв. „время молитвы“), *нәмшәм* (от *намози шәми* — вечерняя молитва, совершаемая сразу после захода солнца) — вечером (время после захода солнца); *нәмзгәр* (от *намози дигар* — молитва, совершаемая между полуднем и заходом солнца) — вечером (время перед заходом солнца) и др. Вместо *эрталаб* употребляется *эт-тәм(и)нән (эртә билан)* — утром. Общие для говора и литературного языка наречия употребляются с некоторыми фонетическими изменениями. Например: *иннин (индин)* — послезавтра, *эттә (эрта)* — завтра, рано: *хәли вәх' эттә* — еще рано, *әнне (энди)* — теперь, *сәгрә (сүнгра)* — затем, *хәр-вәх (хәрвақт)* — всегда, *чәшкә: (чәшгәх < чәштгәх)* — позднее утро (примерно после девяти часов). Ср. также характерные наречия: *мүннәм бәх (бундан буёқ)* — впрдь, отныне, *хәччәғх (хәрчәқ)* — в любое время, всегда (когда бы то ни было), (*й)илин* || *иллә* — всегда (ежегодно), *илләй* — раньше (*илләй мүннәғ йәмәсиди у* — раньше он не таким был); слова *жәруғ^х*, *дә:пә*, употребляясь с указательными местоимениями, как *бу жәруғ^х*, *шу дә:пә* и т. п., передают значение „этот раз“, „в этот раз“ „а теперь“, „на следующий раз“. Употребляются синонимы, обозначающие „время, момент“: *шу вәх* — в это время, *бу чәғ^х* — в это время, сейчас, *ошә пиллә (палла)* — в то (самое) время, *шү мә:әл* — в это

время, в этот момент, *ошэ пэйт* — в то (самое) время. Каждый из этих синонимов в контексте, конечно, передает определенный оттенок.

Интересно, что к некоторым наречиям, обозначающим времена года или дня, присоединяются сложные аффиксы: *-чи + рэгх*, *-са + рэгх* и выражают оттенок приближенности, т. е. неопределенного, неконкретного времени. Например: *эттэчирэх ке* — приходи пораньше; *пэшинсарэ: бэрэмизс* — пойдем (приблизительно) к обеду; *кэчсарэх || кэчкисарэх кэтэс* — отправитесь вечером; *тирэмсарэг экэмизс* — будем сеять к осени.

Наречие *хэли*, которое в ферганском и ташкентском говорах употребляется и в значении прошедшего времени („вот недавно“, „только что“), в шахрисябзском заменяют слова *бэйэ, бэйэйнэ || йэңне* которые в говоре имеют только значение будущего времени: „вот скоро“, „несколько спустя“, „в ближайшее время“ и т. д. Например: *кэттэм хэли кэллэлэ* — моя бабушка придет немного позже. *Хэли* может принимать аффикс *-сарэгх*, например: *сэникийэ хэлисарэг бэрэмизс* — к тебе пойдем чуть позже.

При отрицательной форме глагола-сказуемого прошедшего причастного времени *хэли* выражает значение „еще“:

хэли тэңэткэ(н) йэгх — еще не рассвело.

Характерным для говора является наречие времени *бүгүллүккэ || бүгүллүк куңңэ* — сегодня, к сегодняшнему дню: *энни бүгүллүк куңңэ онэ кэрэ: болуптима?* — а теперь (когда туго) мать пригодилась?

Ввиду отсутствия формы местного падежа *-дэ* и здесь употребляется *-гэ*, например, *дэдэм йэқиңңэ (яқинда) этпүскэйэ чиг'эллэ* — мой отец на днях (в ближайшее время) пойдет в отпуск; *биззүмңэ (бир зумда) || бирпэскэ (бир пасда) бир этэ: пэхтэ тэддим* — в один миг (в одно мгновение) я собрал целый фартук хлопка.

В качестве наречия времени употребляется ряд фразеологических оборотов (гиперболического значения), означающее „вмиг“, „в тот же момент“ и т. д., например: *энэ-мэнэ дэгүнчэ* („в момент“, букв. „пока говорили *энэ-мэнэ*“), *эхтэм бэқ(қа) қарэгүнчэ* (букв. „в момент, пока не успеешь взглянуть туда и сюда“), *коз эчип йүмңунчэ* (букв. „в момент, пока не успеешь открыть и закрыть глаза“). Они же могут употребляться в зависимости от контекста (или обстановки речи) наречиями образа действия, передавая значение „мигом“.

Наречия образа действия передаются рядом синонимических пар: *хиллэ* || *зорга* || *бэзор* || *хиллэ бэзор* || *эраң* — еле-еле, кое-как, едва; *лэппи* || *нэхэстэн* || *бэхэстэн* || *түйүхсүннэн* || *биллэттэн* || *биддэн* || *тосаттэн* — вдруг, внезапно, неожиданно. Каждый из этих синонимов передает определенный смысловой оттенок, например, *лэппи*, *нэхэстэн*, *бэхэстэн* выражают больше значение неожиданности, а другие — спешность, внезапность действия.

Употребляются наречия образа действия *илэчилэ¹* || *хэдэ(х)э* || *хэчэ(х)э* — быстро, спешно, сразу, моментально, мигом: *мэни коруп илэчилэ оннидэн тудде* — увидев меня, быстро встал с места; *хэдэ(х)э* || *хэчэ(х)э қойнимңэ тихтим нэнне* — я быстро сунул лепешку под мышку; *иллэм (илдам)* || *тэз* — быстро, побыстрее: *иллэм-иллэм йүр* — ходи побыстрее; *жсим* || *дэм* — тихо: *жсим* || *дэм отте* — сиди тихо; *бэкэр* || *бэкэргэ* — зря: *бэкэр бэриммиз* — мы зря ходили туда.

Наречия количества и степени: *бижжэ(х)эн* (*бир жахон* — букв. „целый мир, вселенная“), очень (слишком) много: *бижжэ(х)эн иштим* — я очень много выпил; *экэм бижжэ(х)эм пул эллилэ* — мой брат получил много денег; *элэм жэ(х)эн* — (*олам* — мир + *жахон*) — много, значительно: *элэм жэ(х)эн гәпидде* — он много говорил; *бир кчлэсийэм элэмжэ(х)эм болэйкэн* — оказывается, и на кило (чего-л.) много приходится. (В большинстве случаев эти наречия употребляются в качестве прилагательного). Ср. еще *гиттэк* || *гәттәккинэ* || *гәттәг* (тадж. *гардак* — *пылинка*) — немножечко, чуточку, чуть-чуть: *гәттәг ухләвлэй* — дай-ка я чуточку посплю; *бүткүл* (лит. *бутунлай*) — совсем: *бүткүл йәнчип тэйләде* — он совсем растоптал; вместо *тамоман* или *тамомила* употребляется *тэмэм* || *бәтэмэм* — окончательно, совсем: *сүв тэмэм кэмэй қәлле* — вода совсем перестала течь. В качестве наречия употребляется также слово *тэзэ* || *тэ:зэ* (букв. „чистый“): *тэзэ ишләттим* — ну я его как следует заставил поработать.

Часто выступает как наречие степени *эз* || *эзгинэ* — мало, немножко, *коп* — много: *пичи (пича)* — немножко, *ақалмәттә* — даже, хотя бы; *әнчә* — много, значительно; *жсизми* || *сә:л* — немножко, чуть-чуть; *тә:те* — совсем, *коббәлэ* — много: *муни тәмири коббәлэ тәккә кәтмәйде* — корень (этого растения) не очень глубоко уходит (в землю).

¹ Ср.: в бухарском говоре употребляется как *илэчи*, например, *илэчи сивэтә зәйнәпкә бәрди* — Света сразу перед ла За'наб.

Наречия цели и причины: *жэвуттэ* (*жүртта-га*) — нарочно, умышленно, назло. Это заменяет отсутствующее в говоре наречие *атай*, *атайлаб*, например: *сэң-ңа қарэшайин дэп жэвуттэ эттэрэх кэллим* — я специально пришла пораньше, чтобы помочь тебе; *эчиғмэччиққа ичэ-мэн* — пью назло; *қастэң қылле* — он сделал это назло. Не употребляется в говоре наречие *нега* (в ташкентском говоре *нэ*); вместо которого употребляется *нимэйэ* || *нимэгэ* или *нимэ үчүн* — почему, отчего.

Остановимся на образовании наречий в шахри-сябзском говоре. Наиболее продуктивны в говоре аффиксы *-чэ*, *-дэж* (лит. *-дай*, *-дек*) и *-лэп* (*-лаб*). Редко встречаются наречия, образованные архаичными аффиксами *-ин*, *-ун*, как: *илин* (от *(й)ил* — год) — ежегодно, каждый год, *күнүн* (от *кун* — день) — ежедневно, каждый день.

Чаще всего наречия образуются посредством аффикса *-чэ* путем присоединения его непосредственно к корню или основе: *оруччэ* — по-русски, *йэңңичэ* — по-новому, *эскичэ* — по-старому, *йэх'шили:чэ* — по-хорошему.

Так как в говоре нет показателя родительного падежа в форме *-нинг*, нет наречий *бизнингча* — по-нашему, *сенингча* — по-твоему и т. п., не встречаются также они в родительно-винительном падеже с аффиксом *-ни* (*бизничэ*, *сэ-ничэ*). Значение этих наречий передается описательно, с помощью слова *пикр* (*фикр* — мнение): *мэни пикримчэ* — по-моему, *сизди пикрисчэ* — по-вашему и т. д. или посредством модальных слов или выражений *чэғьм* (только в 1-м лице ед. числа от *чэғ* — мера + аффикс принадлежности): *кэлли*, *чэғьм* — по-моему, он пришел; ... *-ми дэймэн*: *кэт-тими дэймэн* — должно быть, он ушел. Последнее тоже употребляется только в 1-м лице ед. числа.

Примечание. Существующие в говоре формы *бизэчэ*, *сисчэ*, *мэнчэ*, *сэңчэ* и т. п. выражают оттенок сравнения, уподобления. Например: *бизэчэ иш қыләммийс^и лэме* — неужели не сможете работать, как мы; *ҳичким силэчэ болэммийде* — никто не сравнится с вами (букв. „никто не сможет быть таким, как вы“); *тэңҗи:чэни мэнчэ бу лэсизме* — знаете ли вы таджикский хотя бы, как я. В таком же значении прибавляется обычно аффикс *-лик*, например: *силэчэлик вэхтимизгэ*. . . — когда мы были в вашем возрасте; *шү бэлэчэлиг эх'лиц йэғ^х* — у тебя нет ума даже этого ребенка.

Часто употребляется *-чэ* в сложной форме с аффиксами принадлежности 3-го лица и (реже) дательного падежа: *чэ + си + (йэ || гэ)*: *қышлэхчэси(йэ)* — по-кишлакски, *эскичэй-си(йэ)* — по-старому, *дэ:қэнчэси(йэ)* — по-дехкански.

Описательно передаются иногда наречия, образующиеся в литературном языке с помощью аффикса *-ларча*, например: *худди бэтиллэдэк* (лит. *ботирларча*) — подобно героям, *бэчэлэгэ охишп* (лит., *болаларча*) *иш қыласэн* — поступаешь (делаешь) по-детски. Но: *миңларча сэлэм, эсмэннаки йүл-лүзлэрча сэлэм* — тысячу приветов, несметное количество поклонов (букв. столько, сколько имеется звезд на небе”).

Аффикс *-дэк* в говоре имеет следующие фонетические варианты: *-дэк, -тэк, -лак, -нэк* (см. приложение 5).

Иногда параллельно употребляются наречия, образованные как аффиксом *-дэк, -тэк* и *-чэ*. Например: *кэттэлиги күүчү:дэ* || *күүчү:чэбэме* — он будет величиной с собаку?; *сИлдэ:дэ* || *сИлэчэ босэм оқышкэ бэрэмэн* — когда стану, как вы, поеду учиться. Однако между этими аффиксами имеется определенное различие: *-чэ* выражает больше оттенок меры (соответствует лит. *қадар*), *-дэк* сравнивает какое-либо качество двух предметов или действий (соответствует лит. *сиңңэре*). Ср.: *қылыштэк откур* — острый, как меч, но нельзя *қылычча откур*, возможна форма *откуллиги қылычча бэ*.

Аффикс *-дэк* образует наречия от существительного, прилагательного, местоимения, числительного, причастия. Примеры: *козүмңэ, элвдэк коринне* (речь идет о встрече со старым знакомым) — он показался мне очень знакомым (букв. „он, как огонь, ослепил мои глаза“); *элэқамиз эвлкидэг йэмэс* — наши отношения не такие, как раньше; *билгәннэк кэлиммэн* — я явился, будто знал. Употребляется также форма *-гүдэк* вместе с глаголом, например, *олгүдэ:чэч-чэдим* — я устал до смерти, *йэрилгүдэ:йэдим* — я ел до отвала.

Широко употребляются также наречия, образованные с помощью аффикса *-лэп < -лаб*; например: *сэ:эллэп* — с раннего утра, *эттэм(и)нэллэп* — с утра; *сэн-сэллэп гәпирмэ* — не говори на ты; *чэпқыләв йүр* — ходи быстрее (бегом).

Встречаются наречия, образованные аффиксами *-лэй* и *лэйичэ*. Эти оба аффикса в говоре воспринимаются как синонимы. Из них *-лэйичэ* состоит, видимо, из *-лэйин* (такая форма в шахрисябском говоре не употребляется) + *чэ*; согласный *н* исчез. Примеры: *хэмлэй* || *хэмлэйичэ* — в сыром виде, *иссиғлай* || *иссиғлэйичэ* — в горячем виде.

Эти наречия по своему значению аналогичны отрицательной форме причастия на *-мэй, -мэстэн* — антонимов тех слов, от которых образованы данные наречия. Ср. *хэмлэй* || *хэмлэйичэ йэде* и *пиширмэй* || *пиширмэстэн йэде* — он ел не сварив.

Небольшая разница между этими четырьмя синонимическими словами выявляется только в конкретной фразе.

Примечание. В говоре аффикс *-лэй* образует наречия не только от прилагательных (качественных), но и от имен существительных: *хэтулумнэн эжрэлгэм босэмэм йэгъни йэглэй, гошини гошлэй элиб бэрип турумэн* — хотя я разошелся с женой, я покупаю ей все по хозяйству: когда мясо, когда масло.

Встречаются наречия, образованные аффиксом *-энэ*, например, *хушубэхушэнэ оннимнэн туддум...* — я встал в полусознательном состоянии.

В шахрисябзском говоре употребляются наречия, образованные от звукоподражательных слов, например, *лэққа: гапимңэ лэққа чуште* — он быстро поверил моим словам; *гүррә: кәптәллә гүррә котәриллө* — голуби дружно поднялись; *гүпнә йиқьллө* — он грохнулся; *шәттә¹ кәсип тәйләдим* — я сразу (в миг) отрубил; *тәппә бәстим* — я сразу подавил; *топпә йиқьллө* — он сразу упал; *тәққа тохтәттим* — я мгновенно остановил; *әриғди сувини әчилпә боғде* — он совершенно закрыл сток воды в арыке; *тәмәғьдәң х'иппә боғдим* — я мгновенно схватил его за горло.

СОЮЗЫ

В говоре не употребляются союзы *ва, аммо, бироқ, ёхуд, модомики, яғни*, характерные для литературного языка, а встречаются следующие союзы.

Противительный союз *ләкин* || *нәкин* — но, однако: *муми - нәвткә брәмән, нәкин хәләмләддикийә кирмиймән* — поеду в Муминабад, но не зайду к тете. Он же выполняет в говоре функции союзов *аммо* и *бироқ*; например: *мә:мүт йәхши бәччә, ләкин дә(р)стәң кәчиккәни йәман* — Махмуд хороший мальчик, но что опаздывает на уроки — это плохо; *хәвлиз йәхшийкән, кәңәкән, нәкин ичидән сув отмәйкәндә* — ваш дом (двор), как видно, хороший, просторный, но (плохо, что) вода здесь не проходит; *жүдә ков үзүм қьлувди, нәкин хәммәсини чүмчүх' тәләп кәтте* — на винограднике было очень много плодов, но все съели воробьи.

Союз *нәкин* || *ләкин* иногда употребляется для усиления признака предмета: *нәкин жүдә қаттиғ отунәкән* — ока-

¹ Ср.: в бухарском говоре в этом значении употребляется слово *шәппә: сәйфул мәвжүдәни қолидән шәппә китәбни тәртиб әлди* — Сайфулла сразу вырвал книгу из рук Мавжуды.

зывается, очень ¹ крепкие дрова; *нэкин бэргэниймицнэн хишнэссэ корэмийсэн* — поедешь и все равно ничего не увидишь. Иногда он употребляется для выражения причинного отношения: *кочэ-почэйэ чигмэ нэкин, ой йэжкэ қэ-ладэ* — не выходи на улицу, а то дома никого не остается.

В языке женщин и молодежи к этому союзу прибавляется аффикс *-лик*, как: *иннэмэй отте, урэмэн нэкиллик* — сиди спокойно (не балуйся), а то ударю; *нэкиллик бир йэғмир йэхсэйэм бэплэнэмиз-дэ* — ну если только пойдет дождь, нам достанется.

Функцию соединительного союза *ва* выполняет в говоре частица *у¹* (после согласных — *йу*): *кэттэ-йү кичик хэммэ той(г)э кэткэн* — стар и млад — все ушли на свадьбу; *зэд-дэли-йү элэлини бэр бэркэшкэ, элмэ-йү нэшвэтини бэр бэркэшкэ сэлип кэлэқэ* — положи-ка абрикос и вишни в один поднос, яблоки и груши в другой.

Соединительный союз *у (йу)* употребляется также в следующих случаях:

а) при перечислении предметов: *бүгүн бэзэр элмэйү, энэру, үзүм мицнэн толип кэтипте* — сегодня базар переполнен яблоками, гранатами и виноградом;

б) для выражения мгновенности, быстроты совершающихся одного за другим двух действий. При этом немало-важную роль играет ударение, которое падает обычно на конечный слог перед *-у(йу)*; *эллийү қэште* — он взял (схватил) и мгновенно убежал; *кэллийү кэтте* — он пришел и быстро ушел; *бэддиму қайттим* — я пришел (туда) и быстро вернулся;

в) для выражения причинности с оттенком быстрого совершения действия; *сизди коддийү, иннэмэстэң қайттип кэтэвэдде* — он как только увидел вас, сразу повернулся и, не сказав ни слова, ушел;

г) выполняет противительную функцию: *оқьдийү, мэ: нэсини эйтиб бэрэммэде* — он прочитал, но не смог рассказать содержание; *қу:диму йэтэммэдим* — я гнал за ним, но не догнал.

¹ В арабской графике обозначалось через *в* (вов), а читалось как *у* и выполняло функцию современного литературного союза *ва*. Например, в „Бабурнаме“: *ميوه له ردين كابلدا و كينت هريدا اوزوم و انار و اوروك و المه و بهي و امرود و شافتالو و آلو و انجير و بادام* — в Кабуле и его окрестностях много фруктов: виноград и гранаты, урюк и яблоки, айва и груши, персики и вишни, инжир и миндаль и орехи.

Противительное отношение может выражаться также союзом *дә*, например: *бйәги одәм әвқәтти йәди-дә, пулини бәммәй кәтте*— тот человек поел, но ушел не заплатив.

Однако часто *дә* употребляется как соединительный союз: *жорғәйиз кәллилә-дә, сизди мәникийә бәссүллә дән кәттилә*— приходил ваш приятель и сказал, чтобы вы пошли к нему; *шәргәчә кәллиз-дә, әнни әқыйә бәммиймән дәйсизме*— вы ведь дошли сюда, что ж вы не хотите идти дальше. В подобных случаях *дә* может не употребляться, тогда его функцию выполняет деепричастная форма глагола-казуемого первого предложения и соответствующая интонация (ударение); *әлләким әши:ди эшти-дә, кирмәй кәтте и әлләким әши:ди эчип, кирмәй кәтте*— кто-то открыл дверь и не заходя ушел.

Разница между двумя формами в том, что в первой отчетливо определена граница двух простых предложений и возможно присоединение отдельных аффиксов субъективной оценки, например, *-гин*. Ср. *шунни оқуп, чушуңғаныйни әйтиб бе* и *шунни оқьгин-дә, чушуңғаныйни әйтиб бе*— прочти вот это и расскажи, что понял.

Союз *хам*, так же, как и в некоторых других говорах, имеет формы *әм* после согласного звука и *йәм* после исходного гласного предыдущего слова и выполняет в основном ту же функцию, что и в литературном языке, хотя иногда употребляется для передачи разнообразных дополнительных оттенков, на чем остановимся попутно при рассмотрении других частей речи.

Не только в речи интеллигенции, но и колхозного актива и малограмотных стариков отмечено употребление русского союза *и*, например, *у эдәм кәттә-кәттә гәп^ирәдийәм и гәпини устидән чигадийәм*— он хоть и говорит кичливо, но и сдерживает свое слово.

Соединительный союз *билан* в говоре употребляется в форме *мичән*; например, *чәйни:мичән пийәләни бәққа эп ке || әлип ке*— принеси сюда чайник и пиалу.

Для выражения разделительного отношения употребляются союзы: *йә, йәки, йә бомәсә, йәки бомәсә* (либо, или) *бә:зән..., бә:зән; гә..., гә; гәйи..., гәйи; гәйнәгә..., гәйнәгә; дәм..., дәм; бир..., бир*, (то...то). Союзы *йә, йәки* могут употребляться как в одинарном, так и в удвоенном виде: *бәрәсәмми, йә бәммәйтигәм боллийме*— пойдешь или же ты решил не идти; *қарав оттигәнимиз мичән йә кәләди, йә кәмийде*— хоть и ждем его, он может либо придти, либо

нет; бугум биздикийә кэләсизми, йж (и) кэтәсизми, йз (б) омәсә экзәләшип поләттикийә бәрәмизме—сегодня вы у меня останетесь или поедете, или же вдвоем пойдем к Пулату?; бә:зән оймиз обәм мһнән толәде, бә:зәм бур озум қоләмән—то наш дом наполняется людьми, то я остаюсь одна; гә оглумни эсләп кимқанно: болуп кэтәмән, гә озумңә, озум тәсәллә бәрәмән—то как вспомню о своем сыне, мне станет как-то не по себе, то сама себя успокаиваю; экки хәвлийә бур озум қолимән, дәм аққа чәпәмән, дәм баққа—в двух домах остался один, то туда бегаю, то сюда. В этом же значении употребляется бир... бир, например: бизәдди корүп хәйрә:м болуп қолли, бир мәңңә қарәйди, бир муңңә...—увидев нас, он удивился, то смотрит на меня, то на него; гәйнәгә озләри кәлип турәллә—иногда он сам (с оттенком уважения) приходит.

Широко употребляется подчинительный союз -ки

а) в составе сложных предложений: кәлиб коргәңки, сиз йж х'әт тәйләп кәткән-дә сәгун—он, вероятно, пришел, увидел, что вас нет и оставил письмо; йәп коддики, бу ширин, әнни шуннән тәб бәрәсән дәп қоймәйди-дә—(как) он (ребенок) попробовал—оказалось вкусно, а теперь требует только такие. Ср. еще: әзән вәх'тики ухләмәдиз ойқәдән тоймәйсиз^с—если ранним утром не поспишь, то (вообще) не выспишься; қәчәңки кәсәм сизди кормәстәң кәтмиймән—когда я приезжаю (сюда), то я не уезжаю не повидавшись с вами;

б) для усиления значения: сизки шуннәқ қьсәйиз бәшқадән нимә гилә—если уж вы поступаете так, нечего обижаться на другого; кочәйә чиққаннәңки йә:ләде...—стал плакать как только вышли на улицу...; хәлиттәңки¹ сә(н) онәни гәпийә кирмәсәң—если ты уж с этих пор не слушаешься матери...;

в) для передачи чужой речи: кәттәм әй(т)тиләки, онәйни ози кәсүн, дәдилә (в подобной фразе очень типично повторение с двух сторон чужой речи слов әйтти, дәде—сказал)—бабушка сказала: пусть твоя мама сама придет, әйтиңки, хәли хәләмни ишләри бәрәкән дәң—передайте (скажите), что у тети пока много работы. Союз -ки в форме -ким не встречается.

¹ Здесь -ки выполняет функцию, аналогичную частице -оқ в литературном языке, выражающей усиления; хәлитданоқ...

Употребляются подчинительные союзы *шу учун* || *шүн(ү)-чүн* (*шунинг учун*)—потому; *нимэйаки* (*негаки*)—потому что, так как, ибо; последний часто заменяет малоупотребительный в говоре союз *чүнки*, иногда вместо него употребляют сочетание *нимэйэ* || *нимэгэ дэсэйиз*^с, *нимэйэ* || *нимэгэ дэсэң* (букв. „если скажете (скажешь) почему“). Например; *бүйүл йэҕһыңаччилик коб болэймуш, шүн(ү)чун тэмләдди йэх’шилэп шүвэш кэрэк*—говорят, что в этом году будет много осадков, поэтому нужно ремонтировать крышу как следует; *кэтт(э) одэм гәпүссә сә(н) иннәмэй оттуруп, қулэх сә, оғлум, нимэйаки, сә(н) хәли йәш*—когда говорит старший, ты сиди спокойно и слушай, сынок, ибо ты еще молод.

Союз *нимэйэ дэсэйиз* || *дэсэң* часто употребляется в языке старшего поколения: *узғ босәйәм сизгә шү йол йәх’ши бәх’тәң қыйнәләсиз, нимэйэ дэсәйиз, баққа кәттә арығ бә, уни копруғи сиңқан*—хотя далеко, но вам лучше идти по этой дороге, а по той вам будет трудно, потому что там большой арык и мост поломан.

Встречается союз *тәки*, но не в том значении, что в литературном языке, а в смысле „пока“: *тәки шу эшти йэмәгүниччә қолизди ә(ри)тмәйсис, қоймиймән*—пока не съедите этот плов, не вытирайте рук, не разрешаю.

Употребляется союз *пәқат* (только) и заимствованный из русского языка *толкә*, его употребляют даже женщины, не знающие русского языка. А иногда к нему прибавляют уменьшительно-ласкательный аффикс *-гинә*. Например: *толкийнә* (<*толкәгинә*) *биттә инәгим бә*—у меня только лишь одна корова; *хәммәси битти, толкә йәңңини тиксәм боләде*—все готово, только пришью рукава и все.

ЧАСТИЦЫ

Рассмотрим наиболее употребительные в говоре частицы.

Частица *-чи*, например: *сйлә әкәвләриз бәрип кәләқй-лә* || *кәләқлийлә* (<*кәләқлийләр*), — *сән-чи*—сходите-ка вы вдвоем,—а ты? (выражение вопроса); *әшүжәңн* (<*ашур-жон*), *бир идрәйә бәрип кәсә-чи*—Ашурджан, сходи-ка (пожалуйста) в контору (отенок просьбы, в зависимости от интонации—мольбы, упрашивания); *бүгүм бомәсә эттә-чи, оғлум, иш қылип кормәстәң қоймәймиз*^с—не сегодня так завтра, сынок, все равно увидим (отенок утешения); *хәзиж(ср) жонәса-чи, хәли вәх’әттә,мшим бә*—а что

если вот сейчас отправимся, еще не поздно, машина есть (оттенок совета).

-ко (лит. -ку): *йәнқи шэргәйди-ко, дәррәв қаққа йоқал-ле*—ведь он только что был здесь, куда же вдруг делся (оттенок удивления); *шүннә: дэв әйттим-ко, тағь нимә қьләй муннә(н)әттүғх*—я так и сказал, а что же еще могу больше этого (оттенок возражения, подтверждения своей правоты) *хэзис (<р) сиз миңәң кәлип коришти-ко*, ошә мәни укәм —тот, кто с Вами сейчас поздоровался, мой младший брат (оттенок упоминания, изъяснения).

Для усиления значения -ко сочетается с частицей *әхә* (лит. *ахир*): *ойгә хичким йәғ, дәдим-ко, әхә*—я ведь сказал, что дома нет никого.

Употребляется частица -ми с вопросительным и разделительным значением: *сис шә:лли:ме*—вы из Шахрисябза; *кәт-тәсидә: элиб бәрәйми, кичигидән,—кәттәм(и), кичи:ми элип кәливо*—вам крупных принести или мелких?—неси хоть какие; *әттәм(и) инниң кәләймуш*—говорят, что он придет на днях.

При наличии *экән* или *әди* частица -ми присоединяется в говоре непосредственно к ним, а не ставится перед ними, как в литературном языке и в других узбекских говорах, особенно ташкентско-ферганской группы. Ср. примеры из литературного языка: *...тажрибаларни умумлаштириб булармикин?!—...возможно ли обобщать опыт?! (О. Ёқубов); бекор туриб булармиди, шунча юмуш*—разве можно бездельничать, ведь сколько дел (Ғафур Ғулом). Примеры из говора: *хэзир йәтиб бәргәникимме*—(интересно) доехал он сейчас (как ты думаешь?); *кәттәйдиме*—он большой был?; *мәғәзиңә одәм копакәмме*—много людей в магазине?; *шәзис қарәйдими, кокидиме?... пәшәнәси қашқайдиме*—ваш осел был черный или серый?... белая отметина на лбу была?

Частица -дә может передавать различные оттенки речи например: *кәмпирис қазә қьлиптилә-дә...*—(как жаль) ваша старуха, оказывается, умерла (сожаление); *бир ойгә кирип коргин-дә, йәх тәккинә*—войди-ка в комнату, увидишь, как прохладно (совет); *үлә йәтиң дәп қоймәд(и)-дә, бомәсә хәлийәчә кәләйчиде*—возможно, они оставили ее там за ночевать, а то уже приехала бы (предположение).

Для усиления значения частица -дә употребляется в пред-

ложениях, выражающих зложелание (часто в языке женщин), например, *эйққынаң синсүн-дә сәне*—чтоб сло-мались твои ноженьки.

Частица *-ә* (после гласных-йә): *жудә әччиғәкән-ә*—прав-да, очень горький? (вопрос, ждущий одобрения); *кәмәди-йә, ишәнтирип*—смотри, не пришел, а обещал (недовольство, возмущение); *нимәйә сәң гәпирмәйсән-ә*—почему же ты не говоришь? (вопрос с оттенком интереса, побуждения). Все это сопровождается определенной интонацией, иногда в за-висимости от интонации одна и та же форма передает раз-ный оттенок. Ср.: *пулум йәғ дәдиң-ә, мә, муни ә* (обычная интонация)—да, ты сказал, что у тебя нет денег, на, возь-ми это; *пулум йәғ дәдиң-ә, бу нимә, бу?* (восходящая ин-тонация)—ты ведь сказал, что у тебя нет денег, а это что, это?

Частица *-гинә (-кинә, -қына, -қина)* может присоединяться почти к любому слову—существительному, прилагательно-му, местоимению, числительному, наречию, причастию, дее-причастию на *-и(б)*, некоторым союзам, междометиям и, в зависимости от контекста, выражает значения уменьшения, ласкательности, ограничения, сожаления, симпатии, добро-желательства и другие субъективные оценки. Примеры: *бир әйәлгинә кәлип сизди сорәп кәтте*—приходила какая-то женщина и спрашивала вас (оттенок симпатии и вежливос-ти к предмету речи); *әқьллиққина қызәкән*—видно, умнь-кая девушка (оттенок ласкательности); *мән сәңқинайә әйттим-ко, бәммә дәп, озийнаң кор эңне*—я же тебе сказал(а), что не ходил(а) (туда), а теперь пеняй на себя (оттенок пре-небрежения); *иннәмәйгинә отте*—сиди тихонечко (не ба-луйся); *бәләжәним, шугинәни оқықина бәриң*—сыночек, прочтите (пожалуйста) мне вот это (оттенок вежливости и ласкательности), *нәммәнәңнә йәсәң бомайде*—почему же ты не ешь с хлебом?; *йәңңь хур-хургинә шәмәл эсип ту-ру:де*—только что веял легкий ветерок; *қарәчадәң кәйәң-қына, кулуп тургәңқына экән*—смугловатая, веселень-кая (симпатичная) девушка.

Указательные частицы *әнә*—вон, вот: *мәнә* (предмет, рас-положенный ближе, чем обозначенный частицей *әнә*)—вот; *хәйлә*—вон (он), вот(он): *әнә әкәм кәлл(и)лә*—вот и мой старший брат пришел; *мәнә, бәрәкән*—вот, оказывается, есть; *хәйлә бәғьмиз^с*—вон наш сад. В шахрисябзском говоре ши-роко употребляется частица *қанә* (ну-ка), которая выража-ет понуждение, призыв к действию. Она же выполняет функцию литературной частицы *-чи* с тем же значением:

йэс, қане—а ну-ка напиши; *қане, мәнәм корай*—а ну-ка дайте, я тоже посмотрю. Эти примеры скорее всего иллюстрируют модальность частиц.

При передаче какого-либо предмета другому лицу употребляется частица *мә* (на), которая для выражения вежливости или множественности принимает показатели лица и числа повелительного наклонения: *мәң, йәп кориң*—возьмите, попробуйте-ка на вкус, *мәйлә, бәчәлә, сүләддийәм эғзләрис тә:сун, бу тойдикә*—возьмите, дети, вы тоже попробуйте это свадебное (лакомство).

Частица утверждения *ха*—да (*мухтәдди коддийми, қәргәйкән?*—*ха, коддим*—ты видел Мухтара? Где он был?—Да, видел) кроме основного значения, употребляется нередко при обращении, побуждении: *ха, нимә болле*—ну, что случилось?; *ха, онәйни сәғһнип қәллийме*—ну что, по маме соскучился?

В шахрисябзском говоре не употребляется усилительная частица *-оқ* литературного языка (*бугуноқ*—сегодня же, *күрганданоқ*—как только увидел). Наряду с этой частицей в других говорах, особенно в говорах Ферганской долины, существует частица *-лә* в словах *бәриблә || бәрибәқ, қайтдим*—как только я приехал (туда), тут же вернулся. Значение этих частиц в шахрисябзском говоре передается часто интонацией, иногда при помощи союза *-ки* (см. „Исходный падеж“, „Союз *-ки*“).

МЕЖДОМЕТИЯ И МИМЕМЫ

Междометия в шахрисябзском говоре очень разнообразны. В их произношении большую роль играют ударения, протяжность и напряженность гласных и интонация. В зависимости от того, как и в какой обстановке произносится одно и то же междометие, передается разный оттенок, например: *оҳ-оҳ! жүдәйәм ширинәкән*—ой, ой! очень сладко (радость, восхищение); *оҳ-оҳ! тәлимни чишләвәллим*,—ах! язык откусил (неожиданность, боль).

Рассмотрим, во-первых, междометия, выражающие эмоции, а также зов, отгон, понукание животных и повелительно-побудительные междометия, во-вторых, мимемы—звукоподражательные слова.

1. Междометия, выражающие эмоции, можно разбить на следующие группы:

а) междометия, выражающие радость, восторг, восхищение, удовлетворение, удивление и т. п.: *бәй-бәй-бәй! бу*

гуллэдди қэддэн тэптис^с — ба-ба-ба! откуда взяли такие цветы?; эх-эх-эх! хур-хур шэмлли қара-йэ! — ба-ба-ба! смотри, какой (прохладный) ветерок!, оҳо! мәннәм бәшқа хәммә шәрға-ко—о! кроме меня все здесь; э! сизгем кәлип-сис-ко—о! Вы тоже пришли; оҳо! булә копчилик-ко—о! их много;

б) междометия, выражающие печаль, ужас, досаду, горе, тревогу и т. п.: ух! хәлләң кәттим—ох! обессилел; вэй-вэй! бәшкинәм—ох! голова болит; эббә! бәчэрә дуйнә-дән отипти-дә—ай-ай! как жаль, значит умер бедняга; хәх! шуннәгам қәтмил одәм боләдиме?!—ах! до того каверзный человек!; ох! әйәққынәм — ох! ноженьки болят; ээ! дәриғх — о! горе;

в) междометия, в зависимости от контекста выражающие различные значения: ээ! кәлит эсимнә(н) чигьпти-ко—ах! ключ-то я забыл; бәээ! хәммәни қойип сиздикийә кәлэй-чийдиме у—да-ну, он разве придет к вам; э, әлмә дэгә-ним—то есть (поправка) яблоко; хааа! ошә йәш годәккә ичим әчийд(и)-дә—да, вот мне жалко того ребенка; ээ! кәчәки бәччәме?—а! (это) вчерашний мальчик?; иби, инәгиз әктә тугдиме?!—(удивление) да что вы говорите, ваша корова отелилась двойней?!; иби энни мәң қаннәқ қьләмән (испуг, растерянность)—ой! что же теперь мне делать?

2. Повелительно-побудительные междометия ооо || ээй || оой || хоо || хуу || эий¹ (при зове кого-л. или обращении к кому-л.), например, ооо, бәлә бәқ(қа) қарә—эй, мальчик, взгляни сюда; бой-бой! (утешение ребенка) йә:ләмә-йә, йә:ләмә—агу! не плачь, не плачь; хуй-йә-хуй, хуй-эббә! (утешение, баюкание ребенка); хәй-хәй! (возглас, аналогичный русскому „осторожно“) уйт боләди-йә—ай-ай-ай! ведь стыдно будет; хәй! йиқьләсэн—осторожно, упадешь; бәс! әвзийни очир!—хватит, перестань! (молчи!); хаа, нимә бол-ле?—что случилось?

3. Междометия, выражающие отгон, зов, подзывание, понукание животных и птиц.

Отгон (и понукание): әк! (сорбк), киш! (кур), бәш! (коров), қьх || қьх! (осла), тур || чип! (собак), пишт! (кошек), чок! (телят), чух! (лошадей), чә! (коз); подзывание: пиш-пиш! (кошек), бәх-бәх || куч-куч! (собак), чиги-чиги! (коз), чоғә-чо-гә! (телят), биҳ-биҳ! (кур), хәш-хәш! (для подзывания и успокоения коровы), йүши! (чтобы остановить осла), тәк!

¹ В ташкентском говоре более открытый гласный: ээ, бәлә—эй, мальчик!

то бы остановить лошадь), *тусс!* (отвести лошадь или ко-
рову чуть назад или в сторону); *эл(ә) киш!* (науськивание
собак); *хәрр-хәрр* (чтобы вызвать крик осла).

Мимемы—звукоподражательные и образоподражательные
слова—в говоре носят, как и междометия, общеузбекский
характер. Иногда в этих словах до некоторой степени отра-
жается определенная фонетическая особенность говора. На-
пример, ср.: *ләв-ләв* (в ташкентском и некоторых других
говорах и в литературном языке *ләв-ләв*): *қаләмпуз жүдә*
әччиғ'әкән, әғзимни ләв-ләв әчитте—перец оказался очень
жгучим, у меня так и жжет во рту.

Рассмотрим следующие разновидности мимем.

1. Звукоподражание произвольным и непроизвольным воск-
лицаниям и выкрикам человека: *хирр-хирр(кул-)*—хихикать
(неодобрительно)¹; *қақьрр-қақьрр(кул-)*—хихикать (громко),
вахаха-вахаха—звукоподражание громкому дружному смеху,
пиқ-пиқ(кул-)—хихикать (в кулак), *хуңң-хуңң(йә:лә- || йә^F-*
лә-)—горько плакать (звукоподражание плачу взрослых), *изз-*
изз(йә:лә || йә^F:лә-)—плакать беспомощно, заливаясь слеза-
ми (говорится с сочувствием, сожалением), *вақ-вақ*—звуко-
подражание плачу ребенка (неодобрительно): *бу вақ-вақьң*
әснимңа тәғизде || тә:диде—твой ребенок надоел мне (сво-
им плачем). Ср. еще: *ков вақ-вақ қьмә*—перестань ворчать
(в отношении к взрослому), *чирр-чирр*—звукоподражание
плачу ребенка: *чирритиб(чирр этиб) ойғанне*—он (ребенок)
проснулся с плачем, *ирр-ирр(йә:ла || йә^F:лә)*—плакать бес-
престанно, *ирр-иддән бәшқани билмийсамме?*—перестань
плакать (букв. „ты знаешь что-нибудь кроме постоянного
плача?“), *вәңң-вәңң || мьңң-мьңң*—звукоподражание ворчанию,
бормотанию: *ков вәңңьләмә || мьңңьлләмә*—перестань вор-
чать, бормотать, *ғьдьр-б'дьр қьмә*—не морочь голову (сво-
ими разговорами, хныканьем), *ғулдур-ғулдур || ғудиң-ғудиң ||*
|| ғуруң-ғуруң || ғуң-ғуң дәвуш—разговор вполголоса, *иңқ-*
иңқ—кряхтение: *у бәчрә иңқ-иңқ кәсәл*—он, бедняга, бо-
леет, *гуруң-гуруң оттирәмиз*—посидим, побеседуем (душе-
вно, оживленно), *қарр-қарр йотәләде*—он сильно кашляет.

2. Звукоподражание крикам животных, пению птиц, жуж-
жанию насекомых: *баа-баа*—звукоподражание бляению овцы,

¹ Следует напомнить, что при передаче смеха, плача человека зву-
коподражательными словами говорящий одновременно выражает свое от-
ношение к лицу, производящему действие (т. е. смех, плач). Поэтому
мы для ясности иногда указываем отношение говорящего к предмету речи.

мычанию теленка: *госэлэ баа-баа дэб гэрэң қылле*—теленек надоел своим мычанием; *чийэ-чийэв*—звукоподражание писку цыплят; *қарр-қарр*—звукоподражание карканью вороны; *пәшиш || вәшиш*—звукоподражание шипению змеи: *эллимнәм пәшиш || вәшишитиб бир илән отте*—с шипением переползла мне дорогу змея, *эләшәх'шақ(қа) шақ-шақ қылле*—кричала сорока, *ғьңң-ғьңңцитиб экки мәттә ойдән йолпәшишә әйләнүвди бәйә*—совсем недавно два раза появилась в комнате большая муха¹.

3. Подражание звукам, издаваемым различными предметами и образоподражательные слова, выражающие (образно) действие разных предметов: *шәв-шәв || шәввә-шәввә (йәш әқ-)*—образоподражательное слово, выражающее проливание слез: *ози гәпчрәпти-йу, козидән шәв-шәв || шәввә-шәввә йәш әқәде*—сама говорит, а слезы так и катятся градом; *шоп-шоп || шоппә-шоппә || чоп-чоп || чоппә-чоппә (оп-)*—звукоподражание целованию; *шиппә-шиппә (қалпәх тик-)*—звукоподражание продеваемой через ткань иголки с ниткой (при вышивании тюбетейки); *ғаввә-ғаввә (сәғ-)*—звукоподражание струящимся в ведро ручейкам молока при дойке; *ғарра-ғарра (қус-)*—звукоподражание рвоте; *лоқ-лоқ (ә:ғри-)*—звукоподражательное слово, выражающее сильную головную боль от прилива крови; *ләс-ләс*—образоподражательное слово, выражающее шаг солидного человека; *йүссә йоллә ләс-ләс қыләде*—букв. когда он ходит (даже) земля качается; *чәлл-чәлл (йе-)*—звукоподражание жеванию; *чәлл-чәлл қыл(ив) оттирәсәммә, тәзрә:йе*—перестань жевать (так медленно), ешь поживее; *пәр-пәр (қәнә-)*—образоподражательное слово, выражающее кровотечение из носа.

Мимемы бывают простые и сложные. Последние образуются обычно повторением простых, к ним для усиления добавляются соответствующие по звучанию слоги *-әр, -ур, -ир, -р*. Здесь важную роль играет интонация, длительность произношения гласных. Ср., например: *тиқ*—однократный стук: *тиқ әссә козум әчиләди*—как только слышу стук, у меня открываются глаза; *тиқ-тиқ*—неоднократный стук: *тиқ-тиқ қылиб гәрәң қылле*—он надоел мне своим стуком; *тиқыр-тиқыр*—бесконечный стук; *дик*—применяется для выражения внезапного вставания, вскакивания: *диккитил оннидән тудде*—он вскочил с места (однократность дейст-

¹ *йолпәшишә*—крупная черная муха, появление которой в комнате, по примете, предвещает приход гостей.

вия); *дик-дик йүргәни йүргән*—он ходит, непрерывно подпрыгивания (о малыше); *коп дикир-дикир қъмә*—перестань постоянно подпрыгивать.

Для обозначения продолжительного и разного (не однообразного) стука или звука во второй части сложной формы употребляются другие гласные, обычно *у* вместо *ә*, например: *тәқ—тәқ-тәқ, тәқар-тәқар* (однообразный, продолжительный стук) и *тәқар-туқур* (разнообразный бесконечный стук), также *шәқар-шәқар* и *шәқар-шуқур* (когда сильно и неравномерно кипит жидкая пища); *жәрәң-жәрәң* и *жәрәң-журуң* (разный бесконечный, продолжительный звон).

Большинство звукоподражательных слов употребляется только в сложной форме; они не принимают и добавочный слог. Например: *хур-хур* (в отношении приятного ветерка), *хиқ-хиқ* (когда канючат, навязчиво просят о чем-либо: *коп хиқ-хиқ қъмә*—не приставай), *пир-пир* (о взлете птиц), а также: *козум пир-пир учэпте*—у меня дергается глаз, *тә(р)с-тә(р)с* (звук пощечины или выстрела); *пиқ-пиқ* (чихать); *қақ-қақ* || *қақир-қақир* (хохотать); *вәң-вәң* (визг, крик собаки от боли); *йилт-йилт* (сверканье), *шир-шир* (журчание воды).

МОДАЛЬНЫЕ И ВВОДНЫЕ СЛОВА

Отдельные модальные слова, сосуществующие в говоре и в литературном языке, подвергаются фонетическим изменениям, например, *экан* имеет такие фонетические варианты: *-экән* (после слов, оканчивающихся на согласный: *бэрәкән*—оказывается есть), *-йкән* (после слов, оканчивающихся на гласный: *кәттәйкән*—оказывается большой), *-кән* (после причастий на *р* > *й*: *бэрәйкән* < *бэрәр экән*—оказывается, он пойдет). Параллельно употребляются формы *-икин* (после согласных основ), *-йкин* (после гласных основ), *-кин* (после причастий на *р*). Первые две формы (*-икин* и *-йкин*) обычно употребляются с именами (в широком смысле) вместе с вопросительной частицей *-ми*, а между *-экән* (с вариантами) и *-икин* (с вариантами) имеется определенная разница. Значение их в говоре четко дифференцировано, смешивать их нельзя, хотя они и восходят к слову *экән* (см. раздел „Глагол“).

Модальное слово *эмиш* в зависимости от конечного звука предыдущего слова принимает следующий вид: *имиш* (*эйдимиш*—говорят, светло); под влиянием губной гармонии *умуш* (*күчүгумуш*—говорят, (это) собака); (*и*)*муш* (*кә-*

гэн (и)муш—говорят, он приехал); *муш (бэрэймуш < бэрэр эмиш*—говорят, он пойдет). *Эмиш* (с фонетическими вариантами) употребляется при недостоверности факта и передаче слышанного от кого-либо (см. еще раздел „Глагол“).

Вместе с модальными словами, употребляющимися в говоре, рассмотрим вводные слова, которые по своей сущности тоже относятся к разряду модальных слов.

Параллельно с модальным словом *кэрэк* (надо, нужно) в говоре употребляется (часто в языке старшего поколения) таджикское слово *дэркэр*; эти слова обычно передают модальность при наличии аффикса *-сэ*, т. е. в составе условной конструкции: *кэтэммэсэм дэркэр* || *кэрэк*—наверное, не смогу уехать.

Кроме того, встречаются следующие модальные слова: *штим (шшимэйто, штим, кэлип қэлэр*—подожди, возможно, он придет; *оқыйво қани, бэлэм, штим, сэнэм одэм болуп қэсэң*—ну-ка продолжай учебу, сынок, быть может, ты тоже станешь человеком), *шйэт*¹ (*пичи қарэп тохтэйдук қани, шйэт, йғмур қэсэ*—ну-ка подождем еще немножко, возможно, дождь перестанет). Эти слова выражают возможность, неуверенность или предположение. Слово *қайтэ(м)*—букв. „вновь, опять, вторично“—употребляется для выражения сожаления, раскаяния о совершенном поступке или принятом решении: *сэңңэ эйтмэсэм болэйкэн, қайтэ, бэлэй қэллим*—лучше было тебе не говорить, а то вот и ты пристал ко мне (букв. „я попал(а) в беду“). Ср. еще: *ойгэ оттисэ: болэйкэң, қайтэ*—лучше было нам сидеть дома, *қэзир бэрэкэлэйдук, қайтэ*—давайте лучше пойдём сейчас; *қэччи*²—хорошо, что...: *қэччи озиң кэлип қэллиң*—хорошо, что хоть ты сам пришел.

Модальное слово *қэшишэ* || *қэшшэкэллэ*³ передает значение настаивания, приставания: *қэшшэкэллэ, онэмни тэббэрэсан, дейде*—говорит: во что бы то ни стало найди мне мою мать; *қэшшэкэллэ, сэ(н) эллиң, сэннэм бэшқа қичким*

¹ По-таджикски *шояд*—может быть, вероятно; в языках урду и хинди *шайад*—возможно. Слово *штим* в таком же значении употребляется в самаркандском говоре.

² По-таджикски *қар-чи*—все, что; что бы ни; все. В говоре в этом значении не употребляется. В ташкентском говоре *қартугул*.

³ Аналогичное значение в самаркандском и бухарском говорах. Но в последнем в форме *қэшкэлэ*, например: *мунирэ қэшкэлэ мэнэм бэрэмэн дэди*—Мунира сказала: во что бы то ни стало (обязательно) я тоже поеду.

эгэ(н) йг дэв оттирипте—он пристал к нему, говорит: только ты взял, кроме тебя никто не брал.

Слово *горгэ* (от *гор*—могила+показатель дательно-местного падежа) соответствует русским сочетаниям „черт с ним“, „пусть“. Употребляется в языке женщин: *қарри босайэм горгэ, мани бэхсе богэне*—черт с ним, пусть старый, лишь бы меня кормил (шутка).

Слово (*х*)*эддисэр*¹ — „так или иначе“, „все равно“, „так и так“: *сэн хэддисэр үшәққа бэрәсәң-ко, үкәйни йәм элиб бэриб боғьдә қойип кәт йоллән* — ты ведь все равно идешь в ту сторону, возьми с собой младшего брата и оставь его в детском саду; *эддисэр бугуң кәчкә қәллук, шәргә йәтип қәләқәләйдуг* — все равно мы сегодня опоздали, давайте лучше останемся здесь.

Слово (*х*)*эддисэр*, употребляясь в предложении, обозначающем предположительное значение, выражает оттенок возможности, вероятности: *хэддисэр шә:р бэрәткәм босәйис кәрәк* — вы, вероятно, едете в город; *әйткәннәк || әйтмәхчиләй*² — кстати, между прочим: *әйткәннәк, мәрә: босун оғулчә корипсиз*³ — кстати, поздравляю, оказывается, у вас родился сын; *сәни поләжжорәң әхтәр(ив) йүрү:ди, әйтмәхчиләй* — да, между прочим, тебя искал твой приятель Пулат.

Слова (*бә*)*мисәлә*³ || *пәрәсэн* (<тадж. *фаразан*) — например, предположим, скажем, допустим: *пәрәсэн сиз мани хәмсәйәм...*—скажем, вы мой сосед; *мисәли сәм биттәни йәхши коруп қәллиң, у босә әгәлик...*—например, ты влюбился в какую-то девушку, а она засватана...

Слова *охшәй* || *чәгь(м)*⁴ выражают вероятность, в основе которой лежит в какой-то степени действительный факт. Например, *мәгәзин эчилипти охшәй, одәмлә кирип чигәп-то*—видимо, магазин открылся, люди заходят и выходят; *қән-*

¹ В самаркандском говоре *әддусәр* в том же значении, а в бухарском *әдусәр*, например, *әдусәр зәйнидин мунӣ фәзлидингә бәрәди* — все равно Зайнидин это отдалст Фазлидину.

² *әйткән* — причастие прошедшего времени от глагола *әйт-* — сказать + *дәк* — аффикс прилагательного и наречия; *әйт+мәхчи* (<*моқчи*) форма намерения или желания+*ләй* (возможно от *дәй*<*дәк*).

³ Форма таджикская (*ба*)*мисоли* — наподобие кого-л.

⁴ *Охшәй* — деепричастная форма настоящего времени глагола *охшә-* — походить, быть похожим, уподобляться; *чәг || чәқ* — мера, мерка, предположение (ср. *чәглә*—определять что-л. приблизительно, предположительно)+*им*—аффикс принадлежности 1-го лица ед. числа.

ниң эч чэҕым, гапиришкэйэм хушиң йэҕдэк — видимо, ты голоден, не хочется тебе даже разговаривать. Слово чэҕым иногда принимает аффиксы дательного-местного (чэҕымгэ) и исходного (чэҕымнан) падежей: карим экэни бэлэси эктэ, чэҕымнан — у Карима, по-видимому, двое детей; у йэм, чэҕымнэ, онни п^итиргэн — он тоже, по-видимому, окончил десятилетку.

В модальном значении употребляются также слова — тэҕь (м) — букв. „еще“, „опять“ (для выражения предупреждения, осторожности): хичкимнэ эйтмэ, тэҕь (м) — но учти, никому не говори; а также слова эхе (< ахир) в значении „в конце концов“: дэм болэсэмми, йэҕми, эхэ — перестанешь (замолчишь) или нет, в конце концов; мүннэ(н) чигади — выходит, значит: мүннэ(н) чигади сиз озимизди хэмшэ:р болэсис — выходит (стало быть), вы наш земляк.

Некоторые слова с модальным значением образуются с помощью аффикса условного наклонения -сэ. Например: отувуссэ (от сложного глагола отэбэр- — продолжать проходить мимо +сэ) — примерно соответствует русскому „если можно“, „и даже“: бэрип хэммэни шэргэ чэҕьрип кэлэҕс, отувуссэ, кэттэмнийэм — сходи, позови всех сюда и, если можно, мою бабушку тоже; бомэсэ (отрицательная форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа глагола бол- — быть, становиться +сэ) выражает значения „тогда“, „в таком случае“, „раз так“, „если так“: н^имэ қьлэпсэн? — китэв оқьйэмман, — қаттиғрэг оқь, бомэсэ, б^изэйэм эшитэйдук — что ты делаешь? — читаю книгу, — тогда читай погромче, чтобы и мы слышали.

Модальные значения в говоре передаются также некоторыми грамматическими и глагольными формами, каждая из которых, помимо своего прямого значения, имеет и модальное. Это образуется при помощи двух глаголов, один (предыдущий) из которых принимает вопросительную частицу -ми, а второй от глагола де- (сказать) может выступать в формах предпрошедшего, прошедшего субъективного, настоящего-будущего времен только 1-го лица ед. числа и выражает в зависимости от контекста разные значения. Например: мэ:мэллэ кэллимми, дэймэн — кажется, гости пришли. В подобных сочетаниях главную роль играют -ми и соответствующая интонация, но иногда употребляется и без -ми, например, мэ:мэллэ кэлли, дэймэн; ухлади (ми) дэймэн — кажется, он уснул.

Такая форма в предпрошедшем времени обычно употребляется с прибавлением аффикса условного наклонения *-сэ* к основе предыдущего глагола и осложняется значением намерения, пожелания в смягченном, снисходительном тоне с оттенком нерешительности в выполнении действия. Например: *энни кэссэмми* (<кетсамми) *довдим* (<деб эдим) — я собирался уходить. В этом же значении употребляется форма настоящего времени, в которой выражается еще слабее решительность, чем в первой: *шэ:ргэ жонэссэмми дэйэмэн* (<деяпман) — мне как-то думается поехать в город (*букв.* в город бы отправиться, говорю я).

В форме прошедшего субъективного времени меньше модальности, так как здесь *дэмэн* соответствует русскому „я думал“, которое все же ближе к „я сказал“ или „говорил“, а частица *-ми* носит „факультативный“ характер. Например: *мэни бирэн жэйгэ корипсизми* (или *корганэкэнсиз*) *дэмэн* (<дебман) — я думал, что вы где-то меня видели.

Для констатации неоднократного, повторного действия вместе со словами-обращениями или со сказуемым восклицательного предложения употребляется частица *-чэ*, которая обычно присоединяется к первому повтору и выражает оттенок настоятельности, старания действующего лица и сочувствие или сожаление говорящего о происходящем. Например: *„эпэ-чэ эпэ“ дэн шуки чэқьдди бэчэрэ эшитмэдиң* — он столько звал сестру, бедняжка, а ты не слышала; *салима „йэң-чэ йэң!“ деб гарэң қьлле* — Салима надоела со своим ешьте да ешьте.

ГЛАГОЛ

В образовании глагольных форм и их употреблении в говоре наблюдаются некоторые особенности. Именно здесь более отчетливо и рельефно выступает то своеобразие шахрисябзского говора, по которому можно определить его место и отношение к общеузбекскому языку и выявить те или другие общие черты и расхождения с другими узбекскими говорами и современным литературным языком.

О глагольных аспектах

Отрицательная форма настоящего-будущего времени в говоре образуется с аффиксом *-ми*¹ (*-ма*): *бэмиймэн* — не пойду, *оқьмиймэн* — не учусь; не буду читать.

¹ Это аналогично форме ташкентской группы говоров. Но употребление формы *-ми* в шахрисябзском говоре ограничено, не встречается также переход *а>и* в формах *кормай* <*кормэй*, *элий* < *элей*, характерный для ташкентского говора.

Параллельно употребляется форма с *-мэ*, особенно в языке учащихся и образованных людей: *кэтмэймэн* — не уйду. Очевидно, это происходит также под влиянием других окружающих говоров, так как население соседних Китабского, Яккабагского, Чиракчинского районов и Самарканда не знает формы *-ми*.

Во всех остальных глагольных формах, как и в литературном языке, отрицательная частица присоединяется к основе глагола в форме *-мэ*.

Отрицательная частица персидского происхождения *на... на* часто употребляется в говоре в форме *нэ...нэ*. При этом глагол употребляется уже в положительной форме: *нэ йэзде, нэ оқйде, нэ эжим оттирип қулх сэлде* — он и не пишет, и не читает, и спокойно не слушает. Может употребляться вместе с именами: *бугун боса нэ дэптар элип кэлипте, нэ китэп* — а сегодня он не принес ни тетрадей, ни книг. Параллельно встречается и форма *нэ...нэ*, например: *ойга кэсэм нэ || нэ дэдэм, нэ || нэ экэм бэ, қарэмэй кэтип қэлипт^илэ* — прихожу домой, смотрю — ни отца, ни брата (старшего), ушли не дождавшись.

Функция этой частицы может передаваться путем повтора союза (*йэм... (й)эм* (<*хам...хам*)), но в таком случае глагол принимает отрицательный аффикс *мэ || ми*; например: *йэмдийэм оқьмдийэм* (или *нэ йэзде, нэ оқьде*) — он и не писал, и не читал. Все же между ними имеется некоторое различие, особенно при употреблении в форме настоящего-будущего времени. Здесь форма (*й)эм... (й)эм*, помимо указания на одновременность (в этом она сходится с формой *нэ...нэ*), выражает действие, которое не должно совершиться и в настоящем, и в будущем, а с оттенком полного отказа или запрещения от совершения действия: *йэмиймэнэм, оқьмиймэнэм* — и писать не буду, и читать не буду; *йэмийсэнэм, оқьмийсэнэм* — и писать не смей, и читать не смей. В зависимости от контекста и интонации можно перевести так: ты и не пишешь, и не читаешь (почему-то).

В формах возможности и невозможности наблюдается выпадение гласного *а* — показателя деепричастной формы глагола, основа которого оканчивается на согласный звук, а в форме невозможности сочетание *л+м* дает *мм*, например: *йэз* — писать, *йэзләмэн* (<*йэзэ эләмэн*) — могу писать, *йэзмиймэн* (<*йэзэ элиймэн*) — не могу писать.

Примечание. Выпадение *а* в результате стяжения свойственно разговорной речи узбекского языка, что иногда отражается и в литературном письменном языке. Например: *бироқ яхши фикрга келолмадим...* (Одил Ёкубов) — однако я не мог прийти к подходящему решению.

Что касается формы возможности и невозможности глаголов с гласной основой, деепричастная форма которых образуется аффиксом *-й*, то здесь наблюдается следующее:

а) когда основа глагола оканчивается на гласный *а*, этот звук бесследно исчезает вместе с *й*, например: *қара* — смотреть, *қарәләмән* (<*қарәй әләмән*) — могу смотреть, *қарәмиймән* (<*қарәй әлмиймән*) — не могу смотреть, *қарәллим* (<*қарәй әлдим*) — я смог увидеть, *қарәмәдим* (<*қарәй әлмәдим*) — я не смог увидеть, *қарәмәгән* (<*қарәй әлмәгән*) — он не смог увидеть.

Эта форма, таким образом, совпадает с формой, образованной деепричастием на *-ә*. Следовательно, формы возможности и невозможности глаголов с согласной и гласной основой в этом отношении совпадают. Правда, иногда в форме возможности от глагола с гласной основой *ә* чуть более протяжный, как бы восполняется исчезнувший гласный, например, ср.: от глагола *қорә* — завертывать и *қор* — плести: *қорәләмән* — могу завертывать и *қорәләмән* — могу плести, но: *қорәмиймән* — не могу завертывать; не могу плести (произносится одинаково);

б) когда основа глагола оканчивается на *и*, выпадения не происходит, только *л* переходит в *м* в форме возможности: *оқыйәләмән* — я могу писать, *оқыйәлмиймән* — я не могу писать. Отмеченная выше особенность касается всех временных форм.

Наклонение

В говоре различаются следующие наклонения: изъявительное, повелительное, желательное (и форма намерения), условное.

Изъявительное наклонение реализуется в определенной временной форме. Эти формы в говоре следующие.

Простые формы

1. Настоящее-будущее время (деепричастие на *-ә*, *-й*+аффиксы лица и числа: *қорә+мән* — я вижу, увижу).

2. Настоящее конкретное время (I форма — основа глагола+*әл*+аффиксы лица и числа: *қор+әл+сән* — ты видишь; II форма — деепричастие на *(-и)б*+один из глаголов: *йури*¹—

¹ Основа этого глагола в говоре употребляется в форме *йури* — вместо *йур* (повелительное наклонение — *йуре*, в настоящем-будущем времени — *йуриде* и т. п.)

ходить, *тур-* — стоять, *отте-* — садиться, *йт-* — лежать (эти имеются и в литературном языке), *тохтэ-* — останавливаться, стоять в форме прошедшего субъективного времени: *коруп турупто || йурупто* и т. д. — он видит; III форма — *корэ:типсэн* — видимо, от деепричастия на *э-* (*-й*) + усеченная форма деепричастия на *-иб* глагола *йт-* + аффиксы лица и числа).

3. Прошедшее категорическое (законченное) время (основа глагола + *ди* + аффикс лица и числа: *кодди + м < кор + ди + м* — я видел).

4. Прошедшее причастное (законченное) время (причастие на *-гэн* + аффиксы лица и числа: *коргэн + сц + лэ* — вы видели).

5. Прошедшее субъективное время (деепричастие на *-(и)б* + аффиксы лица и числа: *корип + сэн* — оказывается, ты видел).

6. Будущее предположительное время (основа глагола + *(э)р* + аффиксы лица и числа: *кор + эр + сэн* — возможно, увидишь).

Сложные формы

1. Давнопрошедшее время I (деепричастие на *-гэн* + форма прошедшего категорического времени неполного глагола *э-*; например: *коргэн + (э) + ди + н* — ты видел тогда).

2. Давнопрошедшее время II (деепричастие на *-(и)б* + форма прошедшего категорического времени неполного глагола *э-*, например: *корув + (э)ди + м < кориб + (э)ди + м* — я видел тогда).

3. Прошедшее незаконченное время I (деепричастие на *-э*, *-й* + причастная форма на *-гэн* (*-кэн*) глагола *йт-* или причастие настоящего времени на *-(й)эткэн* + форма прошедшего категорического времени неполного глагола *э-*, например: *корэ:ткэндик < корэ + йэ:ткэн + (э)ди + к* — в то время мы осматривали).

4. Прошедшее незаконченное время II (деепричастие на *-э*, *-й* + деепричастие на *-(и)б* глагола *йт* (или деепричастие настоящего времени на *-(й)этив < ётиб*) + форма прошедшего категорического времени неполного глагола *э-*, например: *корэ:тийдик || корэ:тувдик < корэ + йэ:тиб + (э)ди + к*).

Неопределенный имперфект (*көрэйчийдим* — я видел; я увидел бы).

Некоторые временные формы литературного языка отсутствуют в говоре, а именно: формы настоящего длительного времени (*кўрмоқдаман*), прошедшего длительного времени (*кўрмоқда эдим*), будущего категорического времени (*кўражакман*). Их значение передается формами настоящего времени, прошедшего незаконченного времени I или II и настоящего-будущего времени. В говоре имеются своеобразные глагольные формы, например, форма, соответствующая по значению неопределенному имперфекту, и III форма настоящего конкретного времени.

Настоящее конкретное время. Первая форма соответствует форме литературного языка на *-яп* и *-ётир*. В говоре существует единый показатель *-эп¹* (после основ, оканчивающихся на согласный и на гласный *э*), *-йэп* (после основ, оканчивающихся на *и, э*). При присоединении *-эп* к глагольной основе с исходным *э* последний выпадает и спрягается, как глагол с согласной основой.

Единственное число

- 1 л. *эл+эм+мэн²* — я беру *ишл+эм+мэн* — я работаю
 2 л. *{эл+эп+сэн* — ты берешь *ишл+эп+сэн* — ты работаешь
{эл+эп+сиз^с — вы берете *ишл+эп+сиз^с* — вы работаете
 3 л. *{эл+эп+то* — он берет *ишл+эп+то* — он работает
{эл+эп+тулэ — он берет *ишл+эп+тулэ* — он работает

Множественное число

- 1 л. *эл+эм+миз^с* — мы берем *ишл+эм+миз^с* — мы работаем
 2 л. *эл+эп+с^илэ* — вы берете *ишл+эп+с^илэ* — вы работаете
 3 л. *эл+эп+то³* — они берут *ишл+эп+то* — они работают

Единственное число

Множественное лицо

- 1 л. *оқь+йэм+мэн* — я читаю, *оқь+йэм+миз^с* — мы читаем, учусь, ем, учимся

¹ Форма на *-эп* употребляется в говорах самаркандско-бухарской группы: самаркандском, бухарском, ленинабадском, каршинском, ургутском, каттакурганском и т. п.

² Звук *п* форманта *-эп* перед *м* подвергается регрессивной ассимиляции и переходит в *м*.

³ В случае, если подлежащее опускается, обычно сказуемое 3 л. мн. числа принимает аффикс *-ла*, что характерно для всех временных форм, кроме прошедшего причастного и будущего предположительного. Ср. на-пример: *буладэм бэзэр боллум, бомэса коп қатэри кийэптУлэ, йэйэптУлэ, бэ шу эвхэл* — мне надоели они, ведь одеваются, едят, как и другие (вдоволь), а все равно канючат.

- 2 л. $\left\{ \begin{array}{l} \text{оқь} + \text{йэп} + \text{сэн} - \text{ты читаешь,} \\ \text{учишься} \\ \text{оқь} + \text{йэп} + \text{сиз}^c - \text{вы читаете, оқь} + \text{йэп} + \text{с"лэ} - \text{вы чита-} \\ \text{учитесь} \text{ете, учитесь} \end{array} \right.$
- 3 л. $\left\{ \begin{array}{l} \text{оқь} + \text{йэп} + \text{то} - \text{он читает,} \\ \text{учится} \\ \text{оқь} + \text{йэп} + \text{тулэ} - \text{он читает, оқь} + \text{йэп} + \text{то} - \text{они чита-} \\ \text{учится} \text{ют, учатся} \end{array} \right.$

По этому образцу спрягаются также глаголы типа *де-* — сказать, говорить.

В отрицательной форме оба вида показателя времени (*-эп* и *-йэп*) сосуществуют. В первом случае отрицательная частица *-мэ*, присоединяясь к основе глагола, теряет *э*, при этом следующий *э* произносится чуть протяжно. Это прослеживается особенно в беглой речи. Параллельно употребляется *й*, например: *ишлэ + м + э:п + сэн* || *ишлэ + мэ + йэп + сэн* — ты не работаешь, *оқь + м + э:п + то* || *оқь + мэ + йэп + то* — он не работает.

Примеры: *тэйирмэнни йэмбэшидэ(н) ой сэлэптулэ, охшэй* — по-видимому, около мельницы строят дом; *қэддэң кэлэпс"с* — откуда идете? (ср. в ташкентском говоре: *кэвэ:с*).

Другая форма образуется сочетанием с деепричастной формой на *-(и)б* основного глагола одного из пяти вспомогательных глаголов: *йури-* — ходить, *тур-* — стоять, *отте-* (*< утир*) — садиться, *йэт-* — лежать, *тохтэ-* — останавливаться, стоять. Для передачи значения настоящего времени второй компонент употребляется обычно в форме прошедшего субъективного времени. Каждый из этих пяти вспомогательных глаголов передает определенный специфический оттенок с точки зрения времени и несет определенную стилистическую нагрузку. Сочетания, образованные глаголами *тур-*, *тохтэ*¹-, выражают временно продолжающееся действие и обычно сопровождаются специальными словами *ҳэзиччэ* || *ҳозирчэ* — пока, *бугүнчэ* || *бугүлли:чэ* || *шүбүгүлли:чэ* — пока сегодня, *вэх'тинчэ* — пока временно и др. Сочетания, образованные с помощью глаголов *йэт-*, *отте-*, указывают на длительность, протяженность действия во времени. Употребление второго глагола несколько ограничено, он применяется лишь в отношении одушевленных

¹ В говоре вместо глагола *тур-* часто употребляется *тохтэ-*, особенно в языке старшего поколения, например, *ишлэп тохтэмэн* вместо *ишлэп турумэн*; последнее встречается в речи интеллигенции.

предметов. Это объясняется, по-видимому, тем, что в нем в большей степени сохраняется конкретное значение.

При сочетании глагола *йури-* выражается констатация протяженного динамического действия с оттенком как бы особого рода занятия. У всех этих глаголов общее то, что они выражают относительно давно начатое, длительное действие с указанными оттенками. Первую форму этого времени — форму на *-(й)эн*, — выражающую действие, когда „момент говорения находится внутри периода совершения данного (выраженного основой глагола) действия“¹, Е. Д. Поливанов справедливо назвал „настоящее-прогрессив“.

Примеры: *экэм ойди ичййа дэ(р)с тэййэллав оттириптУла* — мой старший брат в комнате готовит уроки (в данное время); *ко:нумни бир йақь вэйрэм болуп тохтэпто* — у меня на душе беспокойно; *бэллэйа нумэ қыл(ив) йурупсэн* — что ты здесь делаешь (букв. „чем ты здесь занимаешься ходишь“).

Полную парадигму II формы см. в разделе „Прошедшее субъективное время“, так как она спрягается по такому же образцу. В этой форме показатели отрицательности и невозможности присоединяются только к основе основного глагола: *ҳэзичча тэйирмэңча сүв кэмэй тохтэпто* — пока на мельницу вода не идет; *ҳэлийэм кэтэммай йурупсэнме* — ты до сих пор не можешь уехать? В случае присоединения их к основе второго компонента связь между компонентами стирается, и каждый выступает самостоятельно или же имеет другой стиль употребления. При этом основную роль играет также логическое ударение, интонация. Например: *бизэддикийэ кэлип, оттимэпсизс* — вы, оказы-

вается, к нам пришли и даже не присели: *кэчэси мүнэ(н) ишлэп, йотмэпти йэм* — он работал всю ночь и даже не ложился, оказывается.

Вышерассмотренные пять глаголов могут употребляться в этой же форме самостоятельно, без деепричастного оборота, и передают в основном те же значения и оттенки, что и в сочетании с деепричастием. Однако, употребляясь самостоятельно в форме настоящего конкретного времени по первой форме спряжения, они выражают лишьступление к осуществлению, совершению, а не законченный процесс действия. Сравнение этих двух форм дает более

¹ Е. Д. Поливанов, Введение в изучение узбекского языка, Ташкент, 1925, стр. 80.

яркое представление о разнице между ними (с точки зрения их значений и оттенков). Сравните.

Спряжение по II форме
и передаваемое значение:

- 1) *йурупто* — он ходит — до момента речи, в данное время (продолжительно);
- 2) *турупто* — он стоит, находится, живет — до момента речи, в данное время (продолжительно);

Спряжение по I форме
и передаваемое значение:

йурпто || *йурийпто* — он ходит, т. е. он начинает (собирается) ходить или продвигаться, совсем недавно начал ходить и пока ходит; *турпто* — он встает, т. е. начинает вставать, вот-вот встанет.

Глагол *тур-* в говоре преимущественно употребляется в значении вставать, а не стоять — *тохтэ-*.

- 3) *оттурупто* — он сидит, находится — до момента речи, в данное время (продолжительно);
 - 4) *тохтэпто* — он стоит, находится — до момента речи, в данное время (продолжительно);
 - 5) *йэтипто* — он лежит, находится — до момента речи, в данное время (продолжительно);
- оттурпто* — он в данный момент собирается сесть или находится в процессе этого действия;
тохтэпто — он начинает (собирается) остановиться в данный момент, вот-вот остановится;
йэтипто — он начинает (собирается) лечь в данный момент или находится в процессе этого действия.

При употреблении этих глаголов в сочетании с деепричастиями основное значение и оттенок смысла вытекает из характера и грамматической формы глагола.

В говоре существует III форма настоящего конкретного времени, употребляющаяся только в языке представителей старшего поколения, особенно пожилых женщин-домохозяек. Она образуется по схеме: *бэр + э: туп* + аффикс лица и числа¹, которая восходит, вероятно, к *бэрэ + йэтиб* + аффикс

¹ Употребление этой формы наблюдается также в миришкарском говоре Бешкентского района Сурхандарьинской области и в центре Ургутского района Самаркандской области, хотя и в том и в другом говоре не придерживается единого спряжения по лицам. Например, ср. в Миришкаре: 1 л. *бэрэ: тумман*, 2 л. *бэрэ: тувсан*, 3 л. *бэрэ: тти*; в центре Ургута: 1 л. *бэрэ: ттимман*, 2 л. *бэрэ: ттисан*, 3 л. *бэрэ: пти* (см. С. Ибромов, *Ўзбек тилининг Бешкент район шевалари юзасидан кузатишлар*, в кн. *Ўзбек диалектологиясидан материаллар*, I, Ташкент, 1957, стр. 285—286).

лица и числа. В результате сокращения появилась долгота гласного.

Схема спряжения.

	Единственное число (согласная основа)	Множественное число
1 л.	<i>бэр+э:тум+мэн</i> —я иду, хо- жу (туда)	<i>бэр+э:тум+мизс</i> — мы идем, хо- дим
2 л.	<i>бэр+э:тум+сэн</i> —ты идешь, ходишь <i>бэр+э:тум+сизс</i> —Вы идете, ходите	<i>бэр+э:тум+силэ</i> — вы идете, хо- дите
3 л.	<i>бэр+э:тум+то¹</i> —он идет, ходит <i>бэр+э:тум+тулэ</i> —он идет, ходит	<i>бэр+э:тум+то</i> — они идут, хо- дят

(основа на э)

1 л.	<i>ишл+э:тум+мэн</i> —я работаю;	<i>ишл+э:тум+мизс</i> — мы работаем
2 л.	<i>ишл+э:тум+сэн</i> —ты рабо- таешь;	<i>ишл+э:тум+силэ</i> — вы работаете
	и т. п.	и т. п.

(основа на и, э)

1 л.	<i>оқы+йэ:тум+мэн</i> —я читаю, учусь	<i>оқы+йэ:тум+мизс</i> — мы читаем, учимся
2 л.	<i>оқы+йэ:тум+сэн</i> —ты чита- ешь, учишься	<i>оқы+йэ:тум+силэ</i> — вы читаете, учитесь
	и т. п.	и т. п.
	<i>дэ+йэ:тум+мэн</i> —я говорю	<i>дэ+йэ:тум+мизс</i> — мы говорим
	и т. п.	и т. п.

¹ Эта форма в 3-м лице в говоре употребляется весьма редко, а за-
меняется часто формой *бэрэлто*, как и в центре Ургутского района.

И здесь наблюдается аналогичное фонетическое явление с первой формой этого времени. В первых двух случаях, подвергаясь сокращению между глагольной основой и следующим элементом, выпадает группа звуков *-эй*, на месте которой образуется долгое *э*. Употребляется эта форма как в значении первой формы, так и второй, в зависимости от конкретной обстановки речи. Например: *қаққа бэр:тупсиз бэвэх чэққа, балэм* — куда вы идете в такую пору, сынок? (действие совершается в данный момент). Ср.: *кэмэлликійэ бэр:туммэн, аққа — хэлэйникійэ бэр:туммэн, мэнэ с^илэддикійэ кэл:туммэн, тагь н^имэ қьлэй қарриган чэгьмңэ* — хожу к Камалу, хожу туда — к твоей тетке, вот прихожу к вам, а что же мне делать еще на старости лет? (действие совершается постоянно).

Рассмотренную форму можно считать архаичной, так как ее совершенно не применяют интеллигенция, учащиеся и даже некоторые старики.

2. Н а с т о я щ е е - б у д у щ е е в р е м я в говоре образуется и употребляется в том же значении, что и в литературном языке, но с некоторыми фонетическими особенностями.

Схема спряжения (согласная основа)

Единственное число

- 1 л. *элэ + мэн* — я беру; я возьму
 2 л. $\left\{ \begin{array}{l} \text{элэ + сэн} — \text{ты берешь; ты возьмешь} \\ \text{элэ + сиз}^с — \text{Вы берете; Вы возьмете} \end{array} \right.$
 3 л. $\left\{ \begin{array}{l} \text{элэ + де} — \text{он берет; он возьмет} \\ \text{элэ + ллэ}^1 — \text{он берет; он возьмет (форма поч-} \\ \text{тения, вежливости)} \end{array} \right.$

Множественное число

- 1 л. *элэ + миз*^с — мы берем, мы возьмем
 2 л. *элэ + с^илэ* — вы берете, вы возьмете
 3 л. *элэ + де* — они берут, они возьмут

Единственное число (гласная основа)

- 1 л. *ишлэй + мэн* — я работаю, буду работать

В результате ассимиляции и стяжения гласный *-и* между *д* и *л* исчезает (ср. *элэ + дилэ*). В бухарском говоре выпадает *-ди*, но предыдущий *э* чуть удлиняется: *элэ:лэ*. А в этой форме гласной основы *-ди* бесследно исчезает: *эзизгэйэм, лэлагэйэм энэм йэхши қарайлэ* — и за Азизом и за Лолой моя мама хорошо ухаживает (|| будет ухаживать).

- 2 л. $\begin{cases} \text{ишлэй} + \text{сэн} — \text{ты работаешь, будешь работать} \\ \text{ишлэй} + \text{сиз} — \text{вы работаете, будете работать} \end{cases}$
- 3 л. $\begin{cases} \text{ишлэй} + \text{де} — \text{он работает, будет работать} \\ \text{ишлэй} + \text{дилэ} — \text{он работает, будет работать} \end{cases}$

Множественное число

- 1 л. $\text{ишлэй} + \text{мизс} — \text{мы работаем, будем работать}$
- 2 л. $\text{ишлэй} + \text{силэ} — \text{вы работаете, будете работать}$
- 3 л. $\text{ишлэй} + \text{де} — \text{они работают, будут работать.}$

Отрицательная форма, как уже отмечено, образуется присоединением к основе глагола параллельно существующих аффиксов *-ми* || *-мэ*, например, *эмиймэн* || *эмэймэн* — не беру, не возьму, *ишлэмиймэн* || *ишлэмэймэн* — не работаю, не буду работать.

Эта форма времени указывает на то, что: 1) действие происходит постоянно, как свойственно данному предмету, или действие происходит периодически; 2) действие произойдет в будущем. Ввиду отсутствия в говоре другой специальной формы, передающей значение будущего времени, рассматриваемая форма свободно употребляется и для выражения действия будущего времени. Значение, передающееся данной формой в отношении настоящего или будущего времени, уточняется обычно в контексте, условиями речи, употреблением специальных слов с временным значением.

Примеры: а) настоящее время: *мэни эдэтим шү* — *эт-тэрэг йэтамэн-дэ, эттэрэх турэмэн* — у меня такая привычка: пораньше ложусь (спать) и пораньше встаю; *үч иллэм бэээ зэвоткэ ишлэймэн* — вот уже три года работаю на заводе; *мэ:тэпкэ хэркүм бэрэмэн* — каждый день хожу в школу; б) будущее время: *шүннэх тиккэ бэссэйлэ кэт-тэ йолгэ чигасилэ* — если вы пойдете прямо, выйдете на большую дорогу; *он күллэйэ қайтип кэлэман* — вернусь, примерно, через десять дней; *бүйүл элбэттэ оқышкэ бэрэмэн* — в этом году безусловно поеду учиться.

Форма настоящего-будущего времени может передавать действие, происшедшее в прошлом, тогда она совпадает с формой прошедшего причастного времени. Но употребляется лишь в 3-м лице. Например: *дэдэм эллим бир бэйдикийэ йэтим йүрэде, эддэң қэчип тэгэсиникийэ кэлэде, сэгун шэргэ тэгэси ойлэнтирип қойэде, манэ шу хэвли дэдэмиздикэ* — мой отец сначала работает слугой одного бая, оттуда он убегает и приходит к своему дяде, потом

здесь дядя женил его. Вот этот дом принадлежит моему батюшке.

3. Будущее предположительное время образуется и передает то же значение, что и в современном литературном языке.

Схема спряжения

Единственное число

1 л.	<i>тэпэрмэн</i> —	возможно, вероятно, должно быть я найду
2 л.	<i>тэпэрсэн</i> —	” ” ” ” ты найдешь
	<i>тэпэрсиз^с</i> —	” ” ” ” Вы найдете
3 л.	<i>тэпэр</i> —	” ” ” ” он найдет

(3-е лицо вежливой формы — *тэпсэлэ кэрэк*)

Множественное число

1 л.	<i>тэпэрмиз^с</i> —	возможно, вероятно, должно быть мы найдем
2 л.	<i>тэпэрсилэ</i> —	” ” ” ” Вы найдете
3 л.	<i>тэпэр</i> —	” ” ” ” они найдут

Эта форма выражает действие, осуществление которого мыслится предположительно, неуверенно, или действие, происходящее в настоящем обычном времени с указанным оттенком. Например: *сис кок чэйди йэх'ши корэрсиз^с* — должно быть, вы любите зеленый чай; *мэшиңнэ кэссэм (<кэтсэм) үссөхэткэ сэмэрқаңнэ йэтэрмэн* — если я поеду на автобусе, то, вероятно, за три часа доеду до Самарканда. Иногда эта форма передает действие будущего категорического значения: *хэли шэшмэй то, мэ:тэпкэ бэрэрсэнэм, питкэзэрсэнэм* — погоди, еще успеешь пойти в школу и окончишь ее.

Простые формы прошедшего времени

Прошедшее категорическое время образуется так же, как и в литературном языке — с помощью аффикса *-ди*. Но под влиянием конечного согласного звука спрягаемой глагольной основы появляется ряд фонетических вариантов аффикса *-ди*:

1) *-ди* || *-ду* после гласных основ и основ, оканчивающихся на звонкие *в, г, з, й, р, ғ*, например:

Единственное число

- 1 л. *йүдүм*¹ — я вымыл; *үздүм* — я сорвал; *коддүм* — я видел
- 2 л. $\left\{ \begin{array}{l} \textit{йүдиң} — ты вымыл; \textit{үздиң} — ты сорвал; \textit{коддиң} — ты видел \\ \textit{йүдиз}^c — Вы вымыли; \textit{үздиз}^c — Вы сорвали; \textit{коддиз}^c — \\ \text{Вы видели} \end{array} \right.$
- 3 л. $\left\{ \begin{array}{l} \textit{йүде} — он вымыл; \textit{үзде} — он сорвал; \textit{кодде} — он видел \\ \textit{йүди}лэ — он вымыл; \textit{үзди}лэ — он сорвал; \textit{кодди}лэ — \\ \text{он видел} \end{array} \right.$

Множественное число

- 1 л. *йүдүк* — мы вымыли; *үздүк* — мы сорвали; *коддүк* —
мы видели
- 2 л. *йүдизлэ* || *йүдийлэ* — вы вымыли; *үздизлэ* || *үздийлэ* —
вы сорвали; *коддизлэ* || *коддийлэ* — вы видели
- 3 л. *йүде* — они вымыли; *үзде* — они сорвали; *коддэ* — они
видели

2) *-ти* — после основ, оканчивающихся на глухие *к, п, с, т, ш, ч, (х), қ*. Звуки *қ* и *ч* перед *т* спонантизируются, и *қ* переходит в *х*, а *ч* в *ш*, например:

Единственное число

- 1 л. *токтим* — я вылил; *тэптим* — я нашел; *йэхтим* —
я зажег
- 2 л. $\left\{ \begin{array}{l} \textit{токтиң} — ты вылил; \textit{тэптиң} — ты нашел; \textit{йэхтиң} — \\ \text{ты зажег} \\ \textit{токтиз}^c — Вы вылили; \textit{тэптиз}^c — Вы нашли; \textit{йэх-} \\ \textit{тиз}^c — Вы зажгли \end{array} \right.$
- 3 л. $\left\{ \begin{array}{l} \textit{токте} — он вылил; \textit{тэпте} — я нашел; \textit{йэхте} — \\ \text{он зажег} \\ \textit{токти}лэ — он вылил; \textit{тэпти}лэ — он нашел; \textit{йэхти}лэ \\ \text{— он зажег} \end{array} \right.$

Множественное число

- 1 л. *токтук* — мы вылили; *тэптук* — мы нашли; *йэхтук* —
мы зажгли
- 2 л. *токтизлэ* || *токтийлэ* — вы вылили; *тэптизлэ* || *тэп-
тийлэ* — вы нашли; *йэхтизлэ* || *йэхтийлэ* — вы зажгли

¹ В основе глагола *йүв-* звук *в* бесследно исчезает. Но в других глагольных основах с исходным *в* этого не наблюдается: *қувдүм* — гнался.

- 3 л. *токте* — они вылили; *тэпте* — они нашли; *йэхте* — они зажгли;
 3) *-ни* — после основ, оканчивающихся на носовые *м, н, ң*, но после *м, н* иногда употребляется и *-ди*. Примеры:

Единственное число

- 1 л. *комним* — я зарыл; *йэним* — я загорелся; *йэңним* — я победил
- 2 л. $\left\{ \begin{array}{l} \text{комниң} — ты зарыл; \text{йэниң} — ты загорелся; \text{йэңниң} — ты победил \\ \text{комниз}^c — Вы зарыли; \text{йэниз}^c — Вы загорелись; \text{йэңниз}^c — Вы победили \end{array} \right.$
- 3 л. $\left\{ \begin{array}{l} \text{комне} — он зарыл; \text{йэне} — он загорелся; \text{йэңне} — он победил \\ \text{комнилэ} — он зарыл; \text{йэнилэ} — он загорелся; \text{йэңнилэ} — он победил \end{array} \right.$

Множественное число

- 1 л. *комнук* — мы зарыли; *йэник* — мы загорелись; *йэңник* — мы победили
- 2 л. *комнизлэ* || *комнийлэ* — вы зарыли; *йэнизлэ* || *йэнийлэ* — вы загорелись; *йэңнизлэ* || *йэңнийлэ* — вы победили
- 3 л. *комне* — они зарыли; *йэне* — они загорелись; *йэңне* — они победили:
- 4) *-ли* — после основ, оканчивающихся на *л*, например:

Единственное число

- 1 л. *қъллим* — я сделал
- 2 л. $\left\{ \begin{array}{l} \text{қъллиң} — ты сделал \\ \text{қъллиз}^c{}^1 — Вы сделали \\ \text{и т. п.} \end{array} \right.$

Множественное число

- қъллук* — мы сделали
- қъллизлэ* || *қъллийлэ*² — Вы сделали и т. п.

¹ Сокращенное от *қълдиңиз* (ср. имя с аффиксом принадлежности *баш-из* < *башиңиз* — ваша голова).

² Форма *қъллизлэ* наряду со значением множественности выражает также оттенок вежливости в отношении множества лиц. А форма *қъллийлэ* передает только значение множественности, а не значения пренебрежения или унижения, как в ташкентском говоре, где подлежащее употребляется соответственно в форме *сэллэ*, например, *сэллэ бэрдэларың* (см. Я. Г. Гулямов, указ. работа, стр. 215), тогда как в шахриябзском и в том и другом случае подлежащее употребляется в форме *с^илэ* < *сизлэр*: *с^илэ бэддизлэ* (оттенок вежливости) || *бэддийлэ* — вы пошли.

Прошедшее причастное (законченное) время образуется, как и в литературном языке, от причастия на *-гэн* + аффиксы сказуемости (факультативно)¹.

В зависимости от конечного согласного глагольной основы формант *-гэн* имеет следующие фонетические варианты:

1) *-гэн* после гласных основ², а также после согласных основ, оканчивающихся на звонкие *в, й, з, л, р*.

Единственное число

1 л. *йүгэн(мэн)* — я вымыл; *йззгэн(мэн)* — я написал; *коргэн(мэн)* — я видел

2 л. $\left\{ \begin{array}{l} \text{йүгэн(сэн)} — \text{ты вымыл; йззгэн(сэн)} — \text{ты написал;} \\ \text{коргэн(сэн)} — \text{ты видел} \\ \text{йүгэн(сизс)} — \text{Вы вымыли; йззгэн(сизс)} — \text{Вы написали;} \\ \text{коргэн(сизс)} — \text{Вы видели} \end{array} \right.$

3 л. $\left\{ \begin{array}{l} \text{йүгэн} — \text{он вымыл; йззгэн} — \text{он написал; коргэн} — \text{он} \\ \text{видел} \\ \text{йүгэллэ} — \text{он вымыл; йззгэллэ} — \text{он написал; коргэллэ} \\ \text{лэ} — \text{он видел} \end{array} \right.$

¹ В большинстве случаев 1 и 2-е лицо употребляются без аффиксов сказуемости и оформляются в тех случаях, когда отсутствует подлежащее, указывающее на лицо и число, или же для акцентуации передаваемого значения. А 3-е лицо употребляется исключительно в неоформленном виде. Аффикс сказуемости этого лица *-дур*, имеющий место в литературном языке, в говоре выражает только значение предположительности. При этом он присоединяется к 1-му лицу в форме *-дү(р) + мэн, миз*: к 2-му лицу: *дү(р) + сэн, сиз, сц лэ*; к 3-му лицу: *-до*, например: *бэчэлэ коргэндо* — ребята, наверное, увидели; *мэн коргэндү(р)мэн* — вероятно, я видел; *сэн коргэндүсэн* — должно быть, ты видел.

Присоединяясь к причастию настоящего времени на *-(й)эткэн (<этган) + -дур* выражает действие, на осуществление которого в момент речи или вообще говорящий смотрит предположительно, например: *ишлэткэндүрмэн* — может быть, должно быть, я работаю, *ишлэткэндо* — наверное, он работает; *йэхши гәпиддим-ко, бэш эгәндүрмэн* — я ведь хорошо отвечал, наверное, получил пятерку; *бшизди эгруғ қәллиме? энши йэхши ухлэткәндүсизс* — ну как, перестала у вас голова болеть, теперь, видимо, хорошо спите.

² После гласных основ параллельно употребляется *-йән*, например:

укә(ң) хәммәси болуп учйәм ишләйә(н) йэх кәлхәзгә — твой младший брат даже всего три месяца не работал в колхозе; *бу қавун әйнйән* — эта дыня испорченная. К этому можно отнести те глагольные основы с конечным *л*, при употреблении которых в данной форме выпадает *л*: *кәл* — приходит — *кәйән, қәл* — делать — *қәйән, әл* — брать — *йән, сәл* — класть — *сәйән*.

Множественное число

- 1 л. *йүгән(миз^с)* — мы вымыли; *йӱзгән(миз^с)* — мы написали; *коргән(миз^с)* — мы видели
- 2 л. *йүгән(с^цлә)* — вы вымыли; *йӱзгән(с^цлә)* — вы написали; *коргән(с^цлә)* — вы видели
- 3 л. *йүгән* — они вымыли; *йӱзгән* — они написали; *коргән* — они видели;
- 2) *-кән* после основ, оканчивающихся на глухие *к, п, с, т, ш, ч* и на звонкий *г* (в односложных словах).

Единственное число

- 1 л. *йәпкән(мән)* — я закрыл; *сәткән(мән)* — я продал; *түккән(мән)* — я завязал;
- 2 л. *йәпкән(сән)* — ты закрыл; *сәткән(сән)* — ты продал; *түккән(сән)* — ты завязал;
- 2 л. *йәпкән(сиз^с)* — Вы закрыли; *сәткән(сиз^с)* — Вы продали; *түккән(сиз^с)* — Вы завязали
- 3 л. *йәпкән* — он закрыл; *сәткән* — он продал; *түккән* — он завязал;
- 3 л. *йәпкәллә* — он закрыл; *сәткәллә* — он продал; *түккәллә* — он завязал.

Множественное число

- 1 л. *йәпкән(миз^с)* — мы закрыли; *сәткән(миз^с)* — мы продали; *түккән(миз^с)* — мы завязали
- 2 л. *йәпкән(с^цлә)* — вы закрыли; *сәткән(с^цлә)* — вы продали; *түккән(с^цлә)* — вы завязали
- 3 л. *йәпкән* — они закрыли; *сәткән* — они продали; *түккән* — они завязали;
- 3) *-ңән* после основ, оканчивающихся на носовые *м, н, ң* (после *м* иногда употребляется и *-гән*). Например:

Единственное число

- 1 л. *комңән(мән)* — я зарыл; *йәңңән(мән)* — я загорелся; *йәңңән(мән)* — я победил
- 2 л. *комңән(сән)* — ты зарыл; *йәңңән(сән)* — ты загорелся; *йәңңән(сән)* — ты победил
- и т. п. и т. п.

Множественное число

- 1 л. *комңән(миз^с)* — мы зарыли; *йәңңән(миз^с)* — мы загорелись; *йәңңән(миз^с)* — мы победили

2 л. *комцэн(сцлэ)* — *йэццэн(сцлэ)* — *йэццэн(силэ)* —
 вы зарыли; вы загорелись вы победили
 и т. п. и т. п. и т. п.

4) *-қан* после основ, оканчивающихся на глубокозаднеязычные *қ, ғ*. (Например: *йэғ-* — собирать, убирать; *йэқ-* — зажигать)

Единственное число

1 л. *йэққан(мэн)* — я собрал, убрал; *йэққан(мэн)* — я зажег
 2 л. *йэққан(сэн)* — ты собрал, убрал; *йэққан(сэн)* — ты зажег
 и т. п. и т. п.

Множественное число

1 л. *йэққан(мизс)* — мы собрали, убрали; *йэққан(мизс)* — мы зажгли
 2 л. *йэққан(сцлэ)* — вы собрали, убрали; *йэққан(сцлэ)* — вы зажгли
 и т. п. и т. п.

По своему значению прошедшее причастное (законченное) время близко к прошедшему категорическому времени. Но отличие между ними в том, что первое выражает действие, хронологически совершенное сравнительно давно с оттенком „уже“, „современно“, во-время. Значение второго лица и особенно третьего лица гораздо шире, чем первого, — в них выражается факт, выявленный через какой-то источник, иногда недостоверный, но во всех случаях передается значение законченности с тем или иным субъективным оттенком. Оно совпадает по значению с прошедшим субъективным временем, когда выражает действие, осуществленное как бы вне воли, вне сознания действующего лица, или же об этом говорящий узнал по другим источникам, т. е. передается не очевидный для говорящего факт, а то, что стало известным лишь после совершения действия. Например: *сэ(х)эр вэхти кэгэн, дарвозани тэққьллэткэн, чэқьргэн — эшитмэгэммизс, соғун дэвлэлэ(н) эшип хэвлийэ чушкэн, ойди эшигини эчип ойгэ киргэн, чирэгди йэққан хичқайсимиз билмэгэммиз* — оказывается, он пришел к расцвету, стучал в ворота, кричал — мы не слышали, потом через дувал перелез во двор, открыл дверь комнаты, вошел, зажег свет — никто из нас не знал; *ошэ күни жүдэ қаттиғ мэс богэммэн, ойдэн чиққаннимни билэмэн, кэйим бэққа тэмэң кэткэммэн, бэгди бир эйлэнип чиққаммэн, шэргэ мэни сэмэт корип қэйэн, сэгрэ ойгэчэ элиб бэрип*

қойган — в тот день я, оказывается, сильно опьянел, помню, как вышел из дому, потом я, оказывается, пошел в сторону парка, весь парк обошел, здесь, оказывается, случайно увидел меня Самад и довел до дома.

Прошедшее причастное время употребляется также для более живого и наглядного выражения действия, картины или для характеристики действующего лица всесторонне, более полно. Например: *бэссэм зийэпэт зор — ҳамма оттигэн, дәстэхэн сәлиңңән, бир йәққа қазән қайнәйән, бир йәққа чйдиш* — прихожу, угощение в разгаре: все сидят вокруг дастархана, в котле что-то варится, чай кипит... *ҳамма йәх'ти шүпүргән-сийиргән, үкәләрийә қарәшкән, ҳәр гәпкә „ләббәй!“ дэгән, қоллүг әй: луққәнә, әқ^б лликкинә қьзәкән* — девушка, оказывается, очень проворная (аккуратная), умненькая: кругом убрано, порядок, младшие братья и сестры ухожены, на каждое слово отвечает вежливо.

Если сравнить данное время с формой прошедшего категорического времени, то последнее констатирует очевидное действие, совершенное в определенном отрезке времени, например, ср.: *силәдди гәпләризди рәйис эшитте* — ваш разговор слышал председатель (непосредственно) и *силәдди гәпләризди рәйис эшиткән* — ваш разговор уже (вопреки ожиданию) слышал председатель (через кого-л.) Эта фраза может употребляться также с оттенком предположительности.

Отрицательный аспект этой формы образуется с аффиксом отрицания *-мә* и словами *йәғх* (< *йүқ*), *эмәс*. При слове *йәғх* причастная форма принимает аффиксы принадлежности¹.

Единственное число

Множественное число

1 л.	<i>ишләгәним йәғх</i> — я не работал	<i>ишләгәнимиз йәғх</i> — мы не работали
2 л.	<i>ишләгәниң йәғх</i> — ты не работал	<i>ишләгәлләриз йәғх</i> — вы не работали
	<i>ишләгәниз йәғх</i> — Вы не работали	

¹ В ташкентском говоре к слову *йо:(ғ)* прибавляется показатель лица, а причастная форма употребляется без аффикса принадлежности: *ишләгән йо:(ғ)мән*.

3 л.	$\left\{ \begin{array}{l} \text{ишлэгэн(и) йзгх} — \text{он} \\ \text{не работал} \\ \text{ишлэгэллэри йзгх} — \text{он} \\ \text{не работал} \end{array} \right.$	$\text{ишлэгэн(и) йзгх} — \text{они не}$
работали

Формы третьего лица единственного и множественного числа часто употребляются без аффиксов принадлежности. В конструкциях с *эмс* аффикс сказуемости прибавляется к последнему, а причастная форма остается без изменения. Однако начальный гласный *э* слова *эмс* при sandhi, после причастия, принимает более передний характер и переходит в звук, близкий к редуцированному *и*¹, который во многих узбекских говорах совершенно исчезает.

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>бэргэн^имэсмэн</i> — я не ходил (туда)	<i>бэргэн^имэсмизс</i> — мы не ходили
2 л.	$\left\{ \begin{array}{l} \text{бэргэнимэссэн} — \text{ты не} \\ \text{ходил} \\ \text{бэргэнимэссизс} — \text{Вы не} \\ \text{ходили} \end{array} \right.$	<i>бэргэн^имэссилэ</i> — вы не ходили
3 л.	$\left\{ \begin{array}{l} \text{бэргэнимэс} — \text{он не} \\ \text{ходил} \\ \text{бэргэнимэслэ} — \text{он не} \\ \text{ходил} \end{array} \right.$	<i>бэргэн^имэс</i> — они не ходили

Разница между этими формами в том, что конструкция с *йзгх* выражает более конкретное, определенное, уверенное значение, чем со словом *эмс*. Иногда обе формы имеют очень сходное значение, которое можно передать совершенной и несовершенной формами глаголов русского языка. Ср.: *оқьганим йзгх* — я не прочел || не прочитал, не учился и *оқьганим мэсмэн* — я не читал, не учился (вообще).

Прошедшее субъективное время образуется по схеме: деепричастие на *-(и)б* + аффикс сказуемости (аффикс лица и числа). Схема спряжения.

¹ Не менее интересен и обратный случай: на месте указанного гласного *э* наблюдается также употребление, вероятно, дифтонгоидного (нисходящего) звука *йэ*, например: *бэргэ(н) йэ мэс* — он не ходил, *оқьйэ (н) йэмэсмэн* — я не читал.

Единственное число

1 л.	<i>оқьммэн</i> — я читал;	<i>бэриммэн</i> — я ходил (туда)
2 л.	<i>оқьпсэн</i> — ты читал;	<i>бэрипсэн</i> — ты ходил
	<i>оқьпсизс</i> — Вы читали;	<i>бэрипсизс</i> — Вы ходили
3 л.	<i>оқьпте</i> — он, читал;	<i>бэрипте</i> — он ходил
	<i>оқьптлэ</i> — он читал;	<i>бэриптлэ</i> — он ходил

Множественное число

- 1л. *оқьммизс* — мы читали; *бэриммизс* — мы ходили
 2л. *оқьпс^илэ* — вы читали; *бэрипс^илэ* — вы ходили
 3л. *оқьпте* — они читали; *бэрипте* — они ходили.

Значение этой формы весьма разнообразно. В рассказах она употребляется в основном для повествования, а в разговорной речи может выражать:

а) действие не очевидное, т. е. факт, свидетелем которого говорящий не был, ему известно либо по сообщению самого действующего лица, либо других посторонних лиц, предметов, признаков, результата действия и т. п. Для передачи этого значения при переводе на русский язык обычно прибавляются слова „оказывается“, „стало известно, что...“ Примеры: *шэрэпэт онэсини ойидэң қазэн-тэвэ:ләрийэ дәвур элип кэтипте* — оказывается, Шарафат увезла от матери все, даже кухонную посуду; *қашшийэ оқьшкэ бэргэллэйэм қайтипте* — поехавшие учиться в Карши тоже, оказывается, вернулись;

б) очевидное действие, ставшее известно говорящему несколько позже, т. е. перед глазами говорящего — результат совершенного действия. И тут выражается всякий эмоциональный, субъективный оттенок к результату действия: сочувствие, радость, удивление, соболезнование, т. е. чувствами, впечатлениями и другими эмоциональными тонкостями говорящий делится со слушающим. Здесь, конечно, немаловажную роль играет общий контекст, условия речи, интонация. Характерно, что данная форма часто употребляется в большинстве случаев именно в таком значении вместе с благоприятствующими лексическими единицами и другими необходимыми факторами. Примеры: *қарэң-э, муңкур кэлипти ози қылип* — вот видите, она не признавалась, хотя все сделала сама; *ғийэс қаттих кэсэл болүпти-дэ, курух сүрэвгинэси қэлипти, бэчэрэне* — видно, Гияс сильно заболел, ведь один скелет от бедняги остался; *қызләрини у*

экзвийэм кәттәкэм болуп қәлипте — смотрите, и эти две дочки у нее уже подросли. Говорящий, увидев письмо в руках своего собеседника и узнав, от кого, восклицает: *оҫо, о:ғлиздәң х'әт кәлипте* — ах вот как, письмо, оказывается, от вашего сына; *хәләмни шәптәли ләри шүннәғәм қәлиптийкй, шәхләри сиңқудәк* — у персиковых деревьев моей тетки столько плодов, что едва выдерживают ветви. Хозяин дома, заметив, что гости почти не пили чаю, восклицает удивленно: *чәй шүннәққәнә қәлипте, хичким ичмәпте, қаннәққа мә:мәнакә(н) улә* — интересно, что за гости — чай так и остался как был, никто не пил его.

Употребляясь в составе отдельных сочетаний, данная форма образует идиоматические обороты, характерные для шахрисябзского говора: *дәддим қәптими || қәлиптимиси сәни иший миәнән* — какое мне дело до твоей работы; *ким корипти дәйсиз уни* (резкий, грубый ответ на вопрос, не видел ли ты кого-л?) — где же я его могу видеть (букв. „кто, скажите, видел его“); *әрәғ ичишти ким қойипти сәңнә бә:мурәт* — зачем тебе еще водку пить, Бабамурад?

Сложные формы прошедшего времени

Сложные формы в говоре, как и в литературном языке, образуются от причастия и деепричастия основного глагола с помощью неполного глагола *ә-*, который употребляется в форме прошедшего категорического времени. Однако в говоре наблюдается ряд фонетических изменений этих форм.

Давно прошедшее время I образуется по схеме: причастная форма прошедшего времени на *-гән + ди* (<иди < *әди*) + аффикс сказуемости.

В шахрисябзском говоре обе части глагола произносятся слитно, в результате чего *ә-* — корень неполного глагола — исчезает, но гласный *ә* переднего слога приобретает некоторую долготу.

Схема спряжения.

Единственное число

1л.	<i>оқьгәндим</i> — я читал, учился; <i>билгәндим</i> — я знал
2л.	<i>оқьгәндиң</i> — ты читал, учился; <i>билгәндиң</i> , — ты знал
	<i>оқьгәндиңс</i> — Вы читали, учились; <i>билгәндиңс</i> — Вы знали
3л.	<i>оқьгәнде</i> — он читал, учился; <i>билгәнде</i> — он знал
	<i>оқьгәндилә</i> — он читал, учился; <i>билгәндилә</i> — он знал

Множественное число

- 1л. *оқығандик* — мы читали, учились; *билгандик* — мы знали
 2л. *оқығандизлэ* || *оқығандийлэ* — вы читали, учились; *билгандизлэ* || *билгандийлэ* — вы знали
 3л. *оқығанде* — они читали, учились; *билганде* — они знали.

В говоре эта форма менее употребительна, чем в литературном языке. Вместо нее часто употребляется другая форма, которая воспринимается шахрисябзцами как синонимическая пара. Поэтому мы рассматриваем ее как давно прошедшее время II, а в литературном языке она называется предпрошедшим временем.

Давно прошедшее время II образуется по следующей схеме: деепричастная форма на *-(и)б* основного глагола + спрягаемая основа неполного глагола *э-* по образцу прошедшего категорического времени.

Вследствие слитного произношения в структуре данной формы произошло некоторое фонетическое изменение: после глагольных основ на *и* и на согласные аффикс деепричастия произносится, как *ув* ($\langle ув \langle иб \rangle$), ближе к долготу *у*; после основ на гласный *э* — как *эв* ($\langle эв \langle аб \rangle$), а после основы на *э* последний произносится, как *о*, и деепричастие, например, от глагола *дэ-* принимает форму *дов* ($\langle дов \rangle$) вместо *дэб* (*довдим* — я сказал раньше). Во всех этих случаях корень неполного глагола *э* выпадает.

Единственное число

	<i>тэни</i> — узнавать	<i>бил-</i> — знать	<i>ишлэ-</i> — работать
1л.	<i>тэнувдим</i> — я узнал (раньше);	<i>билувдим</i> — я знал (раньше);	<i>ишлэвдим</i> — я работал (раньше)
2л.	<i>тэнувдиң</i> — ты узнал	<i>билувдиң</i> — ты знал;	<i>ишлэвдиң</i> — ты работал
	<i>тэнувдизс</i> — Вы узнали;	<i>билувдизс</i> — Вы знали	<i>ишлэвдизс</i> — Вы работали
3л.	<i>тэнувде</i> — он узнал;	<i>билувде</i> — он знал;	<i>ишлэвде</i> — он работал
	<i>тэнувдилэ</i> — он узнал;	<i>билувдилэ</i> — он знал;	<i>ишлэвдилэ</i> — он работал

Множественное число

1л. *тәнүвдик* — мы узнали;

билүвдик — мы знали;

2л. *тәнүвдизлә* || *тәнүвдийлә* — вы узнали;

ишләвдик — мы работали;

билүвдизлә || *билүвдийлә* — вы знали;

ишләвдизлә || *ишләвдийлә* — вы работали;

3л. *тәнүвде* — они узнали;

билүвде — они знали;

ишләвде — они работали

Значение этой формы очень близко к определению, данному Н. К. Дмитриевым для аналогичной формы в башкирском языке: „Давнопрошедшее время является как бы декорацией, на фоне которой проходит другое действие“¹. Кроме того, она выражает, как давно совершалось действие к моменту речи, что уточняется в контексте. Например:

би э мә: тәпкә бәргә(н) йили сүлә нәччини битирувдийлә — в том году, когда мы начали ходить в школу, вы какой класс кончили?; *инәгимиз бултур шү вәх туғувде* — в прошлом году в это время наша корова отелилась; *этәм и нән жорәйис кәлувдилә, ни чи қарәв оттирип, кейиң, кәттилә* — утром приходил ваш приятель, он немножко подождет и ушел; *сүләддикийә мә: тәптәнәм бирәнтә кәлувдиме* — к вам из школы тоже кто-нибудь приходил?; *бугуң китәпкә бәрувдим, оқуштәң қайткәм бәчәләдди коддим* — я сегодня был в Китабе, видел вернувшихся с учебы ребят; *хәзиргинә кәл(ив) оттурувдимәм сис кирип кәллизс* — я только что пришел и вы зашли.

Эта форма может выражать действие, совершению которого помешали случайные, не зависящие от воли действующего лица обстоятельства. При этом обычно употребляются особые слова и сочетания *пәк* || *пәке*, *қарип*, *пәк бомәсә*, *сә: л бомәсә*, которые соответствуют русским „едва не...“, „чуть не...“, „чуть было не...“, „чуть-чуть не...“, например: *отәмиз бултур қыш кәсәл болуп, пәк кәтәйтигәм болуп қолувдилә* — мой батюшка в прошлом году зимой заболел и чуть было не умер; *пәк бомәсә чокуп кәтүвдум* — я чуть не

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л. 1948, стр. 160.

утонул; (слова *пэк* || *пэки* употребляются в этом же значении и в таджикском языке), *қариб йиқълувде* — он чуть не упал; *бугун сә:л бомасә сәпәргә кәтип қолувдик* — я сегодня чуть не поехал путешествовать (с оттенком скромности). Такое же значение может передаваться конструкцией со словом *сә:л* — *бугун сәпәргә кәтишимизгә сә:л қолле*. В литературном языке это значение часто выражается сочетанием вспомогательного глагола *йзз*- с формой деепричастия на *-а* значимого глагола: *йиқилаёздим* — я чуть не упал. Это для говора не характерно.

Прошедшее незаконченное время имеет две формы. Первая образуется по схеме: причастие настоящего времени на *-эткэн* (после согласных основ и основы на *-ә*), *-йэtkэн* (после основ на *и, ә*) + неполный глагол *ә-* в форме прошедшего категорического времени.

Схема спряжения.

Единственное число

1л.	<i>корэtkэнидим</i>	— я осматривал (тогда, в тот момент)
2л.	<i>корэtkэнидиң</i>	— ты осматривал " " "
	<i>корэtkэнидизс</i>	— Вы осматривали " " "
3л.	<i>корэtkэниде</i>	— он осматривал " " "
	<i>корэtkэнидилә</i>	— он осматривал " " "
1л.	<i>ишлэtkэнидим</i>	— я работал (тогда, в тот момент)
2л.	<i>ишлэtkэнидиң</i>	— ты работал " " " "
	<i>ишлэtkэнидизс</i>	— Вы работали " " " "
3л.	<i>ишлэtkэниде</i>	— он работал " " " "
	<i>ишлэtkэнидилә</i>	— он работал " " " "

Множественное число

1л.	<i>корэtkэнидик</i>	— мы осматривали (тогда, в тот момент)
2л.	<i>корэtkэнидизлә</i> <i>дийлә</i>	— вы осматривали " " "
	и т. п.	
1л.	<i>ишлэtkэнидик</i>	— мы работали " " "
2л.	<i>ишлэtkэнидизлә</i> <i>дийлә</i>	— вы работали " " "
	и т. п.	

Вторая форма образуется по схеме: деепричастие настоящего времени + *этий* || *этув* (<*йэтиб*) + парадигма неполного глагола *ә-* в прошедшем категорическом времени. Здесь тоже наблюдаются известные уже нам фонетические

изменения и сокращения. (См. III форму настоящего конкретного времени и давнепрошедшее время II). Хотя сосуществуют в говоре обе эти формы, преимущественно употребляется вторая форма (в двух вариантах) в аналогичном значении.

Схема спряжения.

Единственное число

1л.	<i>корэтийдим</i> <i>корэтув-</i> <i>дум</i>	<i>ишлэтийдим</i> <i>ишлэтув-</i> <i>дум</i>
2л.	<i>корэтийдиң</i> <i>корэтув-</i> <i>диң</i>	<i>ишлэтийдиң</i> <i>ишлэтув-</i> <i>диң</i>
	<i>корэтийдизс</i> <i>корэтув-</i> <i>дизс</i>	<i>ишлэтийдизс</i> <i>ишлэтув-</i> <i>дизс</i>
	и т. п.	и т. п.

Множественное число

1л.	<i>корэтийдик</i> <i>корэтув-</i> <i>дуг</i>	<i>ишлэтийдик</i> <i>ишлэтув-</i> <i>дуг</i>
2л.	<i>корэтийдизлэ</i> <i>корэтув-</i> <i>дизлэ</i>	<i>ишлэтийдизлэ</i> <i>ишлэтув-</i> <i>дизлэ</i>
	<i>корэтийдийлэ</i> <i>корэтув-</i> <i>дийлэ</i>	<i>ишлэтийдийлэ</i> <i>ишлэтув-</i> <i>дийлэ</i>
	и т. п.	и т. п.

Значение обеих форм прошедшего незаконченного времени то же, что и настоящего конкретного времени, только перенесено в плоскость прошедшего времени. Они выражают лишь процесс действия, действие, совершающееся или только что начинающееся в определенный отрезок времени в прошлом. В отдельных случаях их значение совпадает со значением прошедшего длительного времени на *-моқда* *эди-* в современном литературном языке. Например, фраза, употребляющаяся в литературном языке *Афанди бир кун эшагини миниб бормоқда эди* передается в говоре *эпанди бир кун эшагини миниб бэрэткинде* || *бэрэтийде* — Афанди однажды ехал на своем осле.

Многократное-длительное время характерно только для шахрисябзского говора и отсутствует в литературном языке и в других городских говорах узбекского языка. По значению оно совпадает с формой многократно-длительного времени (по термину А. Н. Кононова — „неопределенный имперфект“: *борар эди* — он ходил (обычно), он сходил бы).

Аналогичное явление исследователи пронаблюдали в бахмальском и галляаральском говорах¹. Однако форма, существующая в шахрисябзском говоре, несколько по-другому произносится, что объясняется, конечно, локальным характером произношения и фонетическим законом каждого говора. Бахмальский и галляаральский говоры относятся к кыпчакскому диалекту узбекского языка. В бахмальском говорят: *баргычыдым, ишлэгичидим*², а в шахрисябзском: *бэрэйчидим, ишлэйчидим*. Мы установили, что *г(г)* в шахрисябзском говоре очень легко переходит в *й*, например, ср.: *йэхшийнэ* || (*йахшигина*), в бахмальском говоре *жақшығана* — хорошенький. Видно, что в результате перехода *г(г)* в *й* исчезает следующий за ним *и*, образуется *ишлэйчидим* (-*ишлэйчидим*) < *ишлэгичидим, бэрйчидим* (в последнем — согласная основа) вероятно, по аналогии или для удобства между корнем и следующим элементом является *э*, как *бэрэйчидим* < *баргычыдым*.

В отличие от бахмальского в шахрисябзском говоре рядом с *и* существует *й*, который наблюдается также в галляаральском говоре: *баргыч ийдим, кэлгич ийдим*³.

Интересно, что такая форма отсутствует в говорах городского типа карлуко-чигиле-уйгурской группы⁴, а встречается в говорах кыпчакской группы: в бахмальском, галляаральском и др.⁵

В говоре употребляется и литературное *бэрэйдим* (> *бэрэйдим* < *бэрэр эдим*) в языке интеллигенции и учащихся, но основная масса употребляет форму типа *бэрэйчидим*, которая спорадически употребляется в центре Китабского района и (чаще) в кишлаке Бешказах (*бэшқазғ*).

Схема спряжения.

Единственное число

<i>корэйчидим</i> — я видал,	<i>ишлэйчидим</i> — я работал,
увидел бы;	поработал бы
<i>корэйчидиң</i> — ты видал,	<i>ишлэйчидиң</i> — ты работал,
увидел бы;	поработал бы

¹ Х. Данияров, указ. работа, стр. 148; Б. Эгамов, указ. работа.

² Эта форма восходит к более древней форме (*баргучи эдим, ишлагу-и эдим*); аффиксы *-ғчи, -учи* — более поздние.

³ В. Эгамов, указ. работа, стр. 20.

⁴ Термин В. В. Решетова.

⁵ Другая разновидность этой формы наблюдается в кишл. Бадал (*бадал қышлғ^х*) в восточной части в 3—4 км от центра Самарканда (колхоз „Узбекистан“) в форме *-эс, -с*, например, *бэрэстим, ишлэстим* (здесь *р > с*. Ср. с лит. *бормасдим*)

<i>корэйчийдизс</i> — Вы видали, увидели бы;	<i>ишлэйчийдизс</i> — Вы работали, поработали бы
<i>корэйчийде</i> — он видал, уви- дел бы;	<i>ишлэйчийде</i> — он работал, по- работал бы
<i>корэйчийдилэ</i> — он видал, увидел бы;	<i>ишлэйчийдилэ</i> — он работал, поработал бы

Множественное число

<i>корэйчийдик</i> — мы видали, увидели бы;	<i>ишлэйчийдик</i> — мы работали, поработали бы
и т. п.	и т. п.

Эта форма выражает многократное, длительное, повторяющееся действие в плоскости прошедшего времени неопределенного момента, а при наличии другого действия со значением условности выражает то действие, осуществление которого предполагалось или предполагается. В последнем случае иногда передается идея желательности.

Примеры: *йшлигимңэ эттадэң кэчкэчэ шу дэйрдэн нари кэтмэйчидим* — в молодости я с утра до вечера не отходил от этой реки; *мшиңңэ минсэк хэйлийэчэ ойгэ йэт(ив) элэйчидик* — если бы на машине ехали, давно бы были дома; *эллим бэргэ кэлэйчидизс* — вы раньше приходили сюда; *силэда: йш босэм мэнэм оқыйчидим, мэсквлэйэ бэрэйчидим* — если бы я был молодым, как вы, учился бы, поехал бы в такие города, как Москва.

Модальные слова *экэн* и *эмиш*

Употребляясь в сочетании с глагольными формами, слова *экэн* и *эмиш* осложняют модальными оттенками происходившее или происходящее действие. Слова *экэн*, *эмиш* сочетаются лишь с причастиями прошедшего времени на *-гэн* (для всех форм этого времени), настоящего времени на *-(й)эткэн*, будущего времени на *-эр*:

При сочетании *экэн* с причастиями прошедшего и настоящего времени во 2-м и 3-м лице передается известность происходившего либо лично самому говорящему, иногда с оттенком удивления перед неожиданным фактом, либо по источникам, достоверным фактам с оттенком косвенной передачи. Например: *шариплэддикийэ сэмэрқаннам мэ:молла кэйэнэкэн, энчэ гвлэш(ив) оттидик* — к Шарифам, оказывается, приехали гости из Самарканда и мы долго сидели и разговаривали; *бүзэ бэссэк пэйиз энни жонэткэнэкэн* —

когда мы пришли туда, поезд вот-вот отправлялся; *табилчимизэм кэтэтканэкан, мэшинни ичийэ корип қоллим* — наш табельщик тоже уезжал, я его случайно увидел в автобусе; *қарасам, ухлә(в) йэтканэкансиз, иннэмэдим* — смотрю, выспите, не помешал; *сэнэм онинчини питкэзгэнэкансэн-дэ* — ты тоже, оказывается, окончил десятой класс.

В первом лице прошедшего времени выражается действие, о совершении которого говорящий вспомнил позже (промежуток времени может быть длинный и короткий) путем умозаключения, соображения или через другой источник, например, *коргэнэкаммэн* — да, я видел, оказывается (так говорят, когда сначала отказывались, не признавались, а потом вдруг вспомнили или убедились).

В первом лице настоящего времени¹ выражается действие, осуществленное говорящим помимо его воли и ставшее известным после: *козум түнүп, сүвди жэьмийэ қарэп кэтэтканэкаммэн, тэйирмэнчи коруп қоллипто* — у меня потемнело в глазах, и я, оказывается, шел по течению воды и случайно меня заметил мельник; *сэң кэйэ(н) вэх энни ухлэтканэкаммэн* — когда ты пришел, оказывается, я только засыпал.

Слово *эмиш*, сочетаясь с причастием прошедшего времени, выражает действие, о совершении которого сообщил посторонний, но иногда говорящий сомневается, не уверен, удивлен, относится с пренебрежением к предмету речи. Эти оттенки передаются определенной интонацией — ударением. Примеры: *тор эшэр бэччэ кэттэ-мэттэ эпасини ур(ув) йэ:Ғ лэткан^имуш, уни гапийэ қарэйлэ-йэ* — смотрите, что она говорит: четырехлетний мальчик, дескать, ударил свою великовозрастную сестру и довел ее до слез (неверие); *экии мэттэ эпэрэстэ богэн^имуссэн, одэмлэшунно:* дэйэпто — говорят, тебя дважды оперировали (соболезнование); *идэрайэ дув-дув гэпки пэлэнчэ мунчэ пул йүтүптү дэп, мэ(н) зэйүмңэ йигирмэ бэш миң сом йүткэн^имушмэн* — в конторе разгорелся разговор о том, что вот такой-то человек выиграл сколько-то рублей и что это я по облигации выиграл двадцать пять тысяч (удивление);

¹ Эта форма по значению не соответствует настоящему времени, а выражает продолжавшееся незаконченное действие в плоскости прошедшего времени. Мы называем его настоящим временем потому, что оно образуется от причастия настоящего времени: *кэлэтканэкан (келайтган экан)* — когда он шел сюда.

бэчэлэ, бэзэргэ дэрвэс кэгэни муш, бэрэмизс — ребята, говорят, на базаре канатоходцы, пойдем.

Сочетаясь с причастием настоящего времени, *эмиш* выражает то же, что и в прошедшем, но указывает на длительность, несовершенство действия в настоящее время или вообще. А в форме 1-го лица, кроме того, передает факт, совершенный говорящим несознательно и сообщенный об этом посторонним лицом: *ойқысирэп сүппэйэ чигамэн дэп, нэрвэннэн тэмнэ чигьп кэтэсткэни мушмэн* — говорят, спросонья я залезал по лестнице на крышу, принимая ее за супу.

Слова *экэн* и *эмиш*, сочетаясь с причастием на *-эр* (при этом *р* переходит в *й*, а начальный *э* модальных слов выпадает), служат для передачи чужой речи, а иногда выражают действие, о совершении которого сообщено другим лицом (особенно в 1-м и 2-м лице). Слово *экэн* передает оттенок достоверности, а *эмиш* — сомнения. В пословицах, поговорках, народных сказаниях и т. п. часто употребляется *эмиш* (в 3-м л.) Примеры: *эхмэг айгыбдаң қарриймуш* — дурак с ног стареет; *эшә:ди йүки изңңил босә йәтәгэм боләймуш* — букв. „говорят, если у осла легкий груз, он спит на ходу“; *нәни йә: розә түтәймуш, иши йә:нәмзә оқыймуш* — говорят, кому нечего есть, постится, кому нечего делать, тот молится.

Слово *экэн* употребляется в предложениях, выражающих достоверный факт, основанный или на опыте говорящего: *қывләйә қарәгә(н) ой йәмам боләйкән* — дом, обращенный на киблу, оказывается, нехороший; *одәм қо(р)ққан вәққә тили кәлимайә кәмәй қәләйкән* — когда человек пугается, оказывается, даже молитвы забывает, или при пересказе: *хүдә рә:мати дәдәм йәманәм мәрғәм бойәнакәллә, пичә.ди дәмини козлә(в) үрәйкәллә* — мой покойный батюшка, говорят, был очень метким стрелком, даже в лезвие ножа попал.

Модальные слова *экэн, эмиш* в зависимости от контекста и интонации передают разнообразные временные и смысловые оттенки, например, *ишләйкән* может означать: „оказывается, он вообще работает“, „как уже известно, он работает“, „стало известно, что он будет работать“ или *кәтәймушмән: бәддәң кәтәймушмән* — говорят, чтобы я ушел отсюда; *мә:мәңчиликкә кәтәймушмән* — он думает, будто я пойду в гости; *кәтәймүссән* — это правда, что ты уезжаешь? велели, чтобы ты отсюда ушел; говорят, ты уедешь; *кәтәй-*

муш — он сказал, что уедет; говорят, он уедет; неужели он уедет.

В говоре по своему значению *экэн* дифференцировалось на *экэн* и *экин*, которые воспринимаются как раздельно функционирующие элементы. Со словом *экин* выражается сомнение, предположение, в литературном языке это передается через *экэн*. Слово *экин*, сочетаясь с причастиями прошедшего и настоящего времени, употребляется только в третьем лице и только с вопросительной частицей или с вопросительным местоимением. Например: *кэлхэччилэ ишкэ чиққаникимми, йэки хэлйэм эвқэт қьлткэнйикимме* — интересно, а колхозники вышли на работу или еще обедают; *хэзир сүв қэргэ кэгэникин* — интересно, сейчас докуда дошла вода (в арыке). В подобных фразах не задается конкретный вопрос и не касается от какого-либо определенного лица, а скорее всего это совет между собеседниками. Значит, *экин* ослабляет вопросительное значение. В таком значении слово *экин* может употребляться вместе с формой прошедшего категорического времени тоже в третьем лице: *оқувчилэ кэллийикимме* — интересно, пришли ученики? (В вопросительных предложениях с *экэн* и *экин* частиц *-ми* в говоре присоединяется исключительно после аффиксов сказуемости, т. е. в самом конце, тогда как в литературном языке и в других говорах (ташкентском, андижанском и т. п.) может прибавляться прямо к причастной форме: *келганмикин*).

Слово *экин*, сочетаясь с причастной формой будущего времени, употребляется во всех лицах: *қачэм мэнэм оқушкэ бэрэйикиммэн* — интересно, когда же я тоже поеду учиться; *хэлймэ қай вэх кэлэйкин* — интересно, когда придет Халима?; *мэ:мэнизга чүшвэрэ пишиссэм йэйкилламе* — если я приготовлю Вашему гостю пельмени, как Вы думаете, будет ли он есть?; *йолли коссэссэм (<корсэтсэм) бурозиң, кэтэлэйкинсэмме* — если я тебе покажу дорогу, сможешь ли ты один дойти, как думаешь? *хэммэмис сифайкиммизми бу ойгэ* — интересно, поместимся ли мы все в этой комнате?

Как видно, между *экэн* и *экин* существует определенное смысловое отличие. Ср. еще: *дэдэң эсэн эман-йэтиб бэргэнйикимме* — как ты думаешь, доехал ли отец благополучно?; *дэдэң эсэн-эман йэтиб бэргэнэкэмме* — ты видел (или узнал об этом), доехал ли отец благополучно?

Повелительное наклонение

Употребление и образование повелительного наклонения в единственном числе ничем не отличается от литературного языка. Как и в литературном языке, в говоре имеются следующие формы 2-го лица: а) нулевая форма, форма императива: *очи* — открой, *ишлэ* — работай; б) вежливая форма: *эчиң* — откройте, *ишлэң* — работайте; в) фамильярная усиленная форма: *эчкин* — открой же; *ишлэгин¹* — работай же.

Третье лицо образуется с помощью аффикс *-син* || *сун*, например, *эчсин* || *эссун* — пусть откроет; *ишлэсун* — пусть работает. Однако 3-е лицо несколько отличается по своему значению от 2-го лица. В зависимости от контекста она передает скорее пожелание, чем повеление. Видимо, поэтому Е. Д. Поливанов форму третьего лица называет, „пожелательным наклонением“².

Аффикс *-син* || *сун* может употребляться в составе выражений, передающих значение благожелательности или зложелательности: *қолгинаң дәт (<дәрд) қормасун* — чтоб твоим рукам не испытать боли; *эшәккинэйни әйгь синсин* — чтоб сломались ноги твоего осла.

Несколько отличается от литературного языка форма повелительного наклонения во множественном числе с точки зрения как фонетического изменения, так и употребления. Например, 2-е лицо образуется аффиксами *-йла* (<*ңлар* — после гласных основ), *ийла* (<*иңлар* — после согласных), которые соответствуют в литературном языке аффиксам *-нгиз*, *-ингиз*. Сравните:

в говоре	в лит. языке
<i>бэрийлә</i> — пойдите, сходите	<i>борингиз</i>
<i>ишлэйлә</i> — поработайте!	<i>ишлангиз</i>

Эта же форма может употребляться в трех различных значениях: а) как форма обращения для множества лиц без оттенка вежливости: *бәчәлә, кэтийлә бәддән, ҳә аққа ойнайлә* — ребята, отойдите отсюда, играйте вон там; б) как форма вежливости для множества лиц: *әнни сийлә бизәддикийә бэрийлә* — а теперь вы приходите к нам; в) в Шах-

¹ В Самарканде в речи *эрзи*, тюрков — выходцев из иранского Азербайджана, к аффиксу *-гин* прибавляется показатель 2-го лица: *бэргинәң* — сходи же, *ишлэгинәң* — работай же.

² См. Е. Д. Поливанов, Введение в изучение узбекского языка, Ташкент, 1925.

рясьбзе имеется тенденция употреблять эту форму по отношению к одному лицу (в кругу семьи) в знак уважения и вежливости: *тэ'рэқ, қайтийлә, оғлум, кэчкэ қэмэйлә* — побыстрее возвращайтесь, сынок, не оставайтесь до поздна.

В единственном и во множественном числе 3-е лицо имеет одинаковую форму. Показатель числа прибавляется лишь к подлежащему, например: *у бэччэ кэсүн* — пусть придет тот мальчик и *бэчэлэ кэсүн* — пусть ребята придут.

В случае прибавления *-лә(р)* к глаголу образуется вежливая форма 3-го лица: *кэттэмңэ айткин, йэхшилэп эш пйширип қойсүллэ* — передай бабушке (моей), чтобы она нам как следует приготовила плов; *үкэм мәгэзиңңэ бэрип кэсуллэме* — сходить ли моему (младшему) брату в магазин? Эта форма может относиться ко 2-му лицу со значением уважения, товарищеского отношения или доброй иронии (особенно в языке интеллигенции): *эээ, кэсуллэ, кэсуллэ* — о, заходите же, заходите.

В говоре редко встречается безударная частица *-чи* в сочетании с формой повелительного наклонения 2-го лица широко распространенная в литературном языке и в других узбекских говорах (ташкентской и ферганской группы), пы), как *эйт-чи* — скажи-ка. Ее заменяет часто слово *қане*, передающее аналогичное значение — *эйт қане*, например: *мүннэнэм йэп кориң қане, қаннэғакэн* — попробуйте-ка этого (винограда) тоже, каков он.

Частица *-чи* нередко употребляется вместе с условной глагольной формой, сочетание которых принимает характер повеления, выражая оттенок просьбы, совета: *биттэ мәтэл айтиб бэссэйиччи* — расскажите же нам какую-нибудь сказку.

В говоре может употребляться форма настоящего-будущего времени 2-го лица в значении повеления с оттенком настоятельной просьбы. В таком случае эта форма сопровождается особой интонацией повеления, приказания, настояния, до некоторой степени оттенок долженствования. Например: *шү бугүннэң қэмэй жонэйсэн — бугүн кэтэммий-мэн, — йэгх, ҳэзир кэтэсэн, сәңңэ тэпшүрүх шу* — сегодня же отправляйся (ты должен сегодня же отправиться), — я сегодня не смогу уехать, — нет, ты сейчас же уезжай, вот тебе поручение.

Наблюдается обратный случай: для живого, наглядного выражения действия, происходившего в прошлом, для передачи удивления, изумления и т. д. перед неожиданно совершившимся действием употребляется форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа в значении прошедшего

категорического времени 3-го лица ед. числа. Например, в соседний дом пришла поссорившаяся с мужем женщина и сидит вместе с соседями, а в это время совершенно неожиданно появляется ее муж и спокойно берет ее за руку и ведет к себе. Об этой картине удивленно говорит один из очевидцев: *биэз гавләшив оттисэк, бир вах иннэмэй ой-гэ киру, колидэ(н) ушлә(в) эл-кэт* вместо *элип қэтте* (или *элди-кэтте*).

Желательное наклонение

В единственном числе желательная форма образуется, как и в литературном языке, путем присоединения к основе глагола аффиксов *-й*, *-эй*, а в случае усиления значения прибавляется к нему частица *-ин*: *бэрэй, бэрэйн* — пойдуча я, *ишлэй, ишлэйн* — поработаю-ка я. Отличие в том, что во множественном числе наряду с *-ик*, *-йик* преимущественно употребляется в говоре аффикс *-дик* || *-дук*, а *-лик* почти не встречается. Таким образом, *-дик* образует две омонимические пары, например: *ишлэйдик*, означает: 1 (соответствует литературной форме *ишлар эдик*) — мы (по)работали (бы), 2 (соответствует литературной форме *ишлай(л)ик*) — давайте поработаем. Значение этой формы различается в контексте — по смыслу общей фразы и окружающих лексических единиц, а по ударению не различается, в обоих случаях оно падает на предпоследний слог.

Примеры: *бэрип корэйдук қане, мэшиң кэлиптиме* — давайте пойдём, посмотрим, пришел ли автобус; *чэйди ичэйдук, кэйим бэрэмиз* — попьём чаю, потом пойдём; *қани, сиз мичнэм тэңишип қойэйдук* — ну давайте, и с вами познакомимся; *кэтэйтигэм босэк, кэтэйти: тэзроғх* — уж если уходить, то давайте уйдём побыстрей.

Иногда интеллигенция и молодежь употребляют *-(й)ик*, например: *мэйлискэ бэрэйик кэч болле* — давайте, пойдём на собрание, уже пора.

Форма желательного наклонения, образующаяся аффиксом *-гэй* и обычно употребляющаяся в староузбекском языке и в современной стилизованной речи, нередко встречается в шахрисябзском говоре (и только в переносном значении) в речи представителей старого поколения, а также в устойчивых сочетаниях, как *ким қь(л)мэгэй, ким тэммэгэй, ҳэр ким қьлмишийэ йэршэ тэпэде* — каждый получит по заслугам. Встречается также в песнях, в поэтической речи: *хэр қьлип қоймэгэй* — не даст впасть мне в нужду.

Форма на *-гэй* употребляется для живого, наглядного обрисовывания какого-либо действия, происходившего совершенно неожиданно в плоскости прошедшего времени с оттенком изумления.

Например, когда в саду сидели и пили чай несколько людей, совершенно неожиданно (в безветренную погоду) отломилась одна из больших ветвей урюкового дерева. Спустя несколько времени кто-то из очевидцев рассказывает об этом так: *бизэйэм билмай қаллук, қьсир-қьсир, қьсир-қьсир қьлип түйүхсүннән йиқьлип чүшгэй*.

Употребление *-гэй* отмечено также в составе такого типа предложений: *гэрэв ми^инән рэйэңгэ той бомгэйки у бирэнтэ ми^инән элишмэгэй || элишмэсун* — в районе не было свадьбы, на которой он не устроил бы драки; *шү чэқьдди, шү чэқьдди, нэ богэйки бир бэқип қарэсэң* — так она звала, так звала, ты бы хоть раз оглянулся.

В говоре широко употребляется форма желания, намерения: на *-мэхчи* (<*-мэқчи*): *кэмэсэйдиз, энни озум бэм-мэхчи болэтувдум* — если Вы не пришли бы, то только что я сам собирался пойти (за Вами); *жэббэрэм боммэхчийди-ко* — ведь Джаббар тоже собирался поехать; *қаннэққа мэ:мэнсис бир қэмэхчи болэсис, бир кэтмэхчи болэсис* — какой вы (интересный) гость, то соглашаетесь остаться, то собираетесь уйти.

Также во всех возможных глагольных формах времени, лица и числа употребляется сочетание типа *коргим кэлле* — мне захотелось увидеть. И та, и другая форма по образованию, употреблению и значению совершенно аналогичны с теми же формами в литературном языке. Наряду с формой *-мэхчи* в говоре встречается также форма *-эси*, которая употребляется вместе с глаголом *бол*: *мэм бир қеп галлә бэрэси боллим, у маңгэ эвл биттэ инэгини, сэгүң госалэсини йэм қошиб бэрэси болле* — мы так договорились: я хотел дать (ему) мешок зерна, а он мне сначала одну корову, а потом ее вместе с теленком; *бир бэрэси, бир бэм-мэси бол(ув) оттуру:дум, сис кэлип қэллизэ* — когда я размышлял, пойти туда или нет, (вдруг) вы пришли; ср. также: *олэси болуп кэлтэ:йэде* — его избили до полусмерти.

Эта форма тоже передает намерение, желание. Но по сравнению с *-мэхчи* она несет оттенок более твердого решения совершить предстоящее действие.

В сочетании с вспомогательным глаголом *бол-* в этом

же значении употребляется причастная форма глагола настоящего-будущего времени на *-тигэн* (<*дигэн*): *қане, ким маммнэң кэтэйтигэм болле* — ну-ка, кто со мной решил ехать? (см. раздел „Причастие“).

Условное наклонение

Настоящее-будущее время условного наклонения образуется, как и в литературном языке, путем прибавления к основе глагола аффикса *-сэ* + показатель лица: *коссэм* (<*корсэм*) — если я (у)вижу, *ишлэсэң* — если ты (по)работаешь; *кэ(л)мэсэ* — если он не придет; *бэрэмсэк* — если мы не (с)можем пойти и т. д. Отличие в том, что в форме условного наклонения прошедшего времени (условно-сослагательная форма) грамматические показатели (аффиксы лица и числа) прибавляются не к аффиксу *-сэ* и перед неполным глаголом *эди*, как в литературном языке (*ишласам эди*), а в конце, к неполному глаголу. Вследствие слитного произношения этих двух компонентов и стечения двух гласных (*э + э*) последнее заменяет *й* (*ј*):

	Единственное число	Множественное число
1л.	<i>ишлэсэ + й + дим</i> — если бы я поработал;	<i>ишлэ + сэ + й + дик</i> — если бы мы поработали
2л.	<i>ишлэ + сэ + й + диң</i> — если бы ты поработал;	<i>ишлэ + сэ + й + дизлэ</i> <i>дийлэ</i> — если бы вы поработали
	<i>ишлэ + сэ + й + дизсэ</i> — если бы вы поработали;	
3л.	<i>ишлэ + сэ + йде</i> <i>ишлэ + сэ — йди-лэ</i>	<i>ишлэ + сэ + йде</i> — если бы они поработали

Эта форма иногда употребляется в значении пожелания, может быть неосуществимого; в таком случае обычно прибавляется слово *бир*, например: *шүбүгүн бир йэ.мур йэх-зэйте* — эх, пошел бы сегодня дождь; *қавунимис қачэн пишэди, бир пишсэйте* — когда же созреют наши дыни, эх, созрели бы.

В говоре употребляется также условное наклонение (часто в 1-м лице) настоящего времени, которое не выражает

условность, а соответствует скорее всего по своему значению изъявительному наклонению¹. Оно передает незаконченное, продолжающееся действие, происходившее в прошлом, на фоне которого совершается другое неожиданное для говорящего действие. Примеры: *мэ(н) иннэмэй оттириб дэ(р)с тэйлэллссэм, дэптаримңэ чизип қашти қалэм миңэн* — в то время, когда я сидела и спокойно готовилась, он черкнул в моей тетради карандашом и убежал; *магазинни элли дэ(н) отип кэтэссэм бир киши чақб раде, қарасэм эвт* — (в то время), когда я шел мимо магазина, кто-то вызывает (меня), смотрю Ибад.

Некоторые замечания по условной модальности

1. Форма условного значения типа *келганда эди*, встречающаяся в литературном языке, в говоре не употребляется, а ее значение может передаваться формой прошедшего времени условного наклонения: *кэ(л)сэйде*. Например, *тэмир кэсэйди билэ бэрэйчидик* — пришел бы Тимур, мы бы пошли вместе.

2. Также не употребляется слово *эса*, вместо которого применяется *босэ (<болсэ)*: *мэн хич бэммэхчи йэмэсидим, сэм босэң пәқат ошәққа бэрәйдуг дэб гәрәң кьллиң* — мне никак не хотелось идти, а ты настоял пойти туда.

3. Присоединением вопросительной частицы *-ми* к форме настоящего-будущего времени условного наклонения выражается оттенок нерешительности при обращении говорящего за советом к слушающему, поэтому эта форма употребляется только в 1-м лице: *бэссэмме, бэммэссэмме* — пойди мне или нет. А в сочетании со словом *довдум (<дэб эдим)* она осложняется оттенком нерешительного желания говорящего в совершении или несвершении действия в будущем: *мэн шү кинэни бир коссэмми довдум* — мне что-то захотелось посмотреть эту кинокартину.

4. В говоре широко употребляется условно-модальная конструкция *-сә кэрәк* и встречается во всех лицах в трех временных формах: в форме прошедшего времени (*-гэм + босә + кэрәк*): *чэссини йэм тэмир сәлдиргэм босә кэрәк* — Чорсу тоже, должно быть, построено Тимуром; в форме настоящего времени данного (определенного) момента (*-эт-*

¹ Настоящим временем называем формально, так как оно образуется от деепричастия настоящего времени: *бэрә + йэт + сә > бэрэссә*.

кэн + босэ + кэрэк): *хэлэм хэлийэм этилгэ ишлэткэм босала кэрэк* — моя тетка все еще работает, вероятно, в артели; в форме настоящего-будущего времени (*-сэ кэрэк*): *сис хэл(и)вэри кэтмэсэйис кэрэк* — вы, наверное, еще не скоро уедете.

Эта конструкция выражает предположение, возможность, а в первом лице (хотя употребляется относительно реже) — часто оттенок неуверенности: *сизди шункэ:лигьзди илгари билмэгэм босэм кэрэк* — видимо, я раньше не знал, что вы такой (человек).

Причастие

Причастия в шахрисябзском говоре подчинены характерным для него фонетическим изменениям.

1. Причастие прошедшего времени образуется при помощи аффикса *-гэн*. На его фонетических вариантах останавливались при рассмотрении глагольной формы прошедшего причастного времени.

2. Причастие настоящего времени образуется присоединением к глагольной основе аффикса *-йэткэн* (<*йэтган* (после основ на *и, э*, например: *тоқь-* — ткать — *тоқьйэткэн*; *йэ-* — есть — *йэйэткэн*) и аффикса *эткэн* (после согласных основ: *кий-* — надеть — *кийэткэн*), *-ткэн* (после основ на *э*, который тоже переходит в *э* и получается аналогичная форма с *-эткэн*, например: *ишлэ-* — работать — *ишлэткэн*). Отрицательная форма образуется обычно по образцу *кэт-* — уходить — *кэтмэ* и *кэтмэйткэн* с той разницей, что *э* предпоследнего слога произносится чуть протяжнее обычного. Но иногда наблюдается параллельное употребление полной формы: *кэтмэйэйткэн*.

3. Причастие настоящего-будущего времени образуется от деепричастия настоящего времени путем присоединения аффикса *-тигэн* (<*дигэн*): *бэрэйтигэн*¹ — тот, который ходит || пойдет, *ишлэйтигэн* — работающий; тот, который будет работать. В самаркандском говоре этот аффикс выступает в форме *-тикэн* (*бэрэйтикэн*, *ишлэйтикэн*), встречающейся и в шахрисябзском говоре.

Иногда данное причастие в говоре подвергающейся сокращению (*бэрэйткэн*, *ишлэйткэн*), а это отличается от причастия на *-эйтган* настоящего времени лишь наличием в сред-

¹ В литературном языке (*борадиган*) *-диган* присоединяется к деепричастию настоящего времени на *-а*, образованному от согласной основы. А в шахрисябзском говоре независимо от гласной и согласной основы перед присоединением *-тигэн* деепричастие принимает форму *-эй*.

нем слоге гласного *э* вместо *э*. Однако нередко наблюдается употребление *э* и в том и в другом случае, тогда значение форм различается только в контексте. Например: *мэ:тэптэн кэлэжкэн* (лит. *келаётган*) *бэчэлэдэн сорэдим* — я спросил у возвращающихся из школы ребят и *кэлэжкэн* (лит. *келадиган*) *босэ эттарэх кээүн* — если он хочет прийти, пусть идет пораньше.

Примечание. Такое соответствие не встречается в причастиях, образованных от гласных основ на *и*, *э*. Например: *тэнийтигэн* || *тэнийтикэн* (лит. *танийдиган*) и *тэнийэжкэн* (лит. *танийэган*).

В речи старших отмечено употребление *дэйтигэн* (форма настоящего-будущего времени) вместо *дэгэн* (форма прошедшего времени), например: *илгари чит дэйтигэн нэссэ бомэгэн* — раньше не было так называемого ситца; *шү гүзэр-*

га шарип қассэл дэйтигэ(н) одэм турэйчийде — в этом квартале проживал человек по имени Шариф-мясник.

4. Причастие будущего времени образуется от глагольной основы посредством аффикса *-(э)р*; например: *тэспишэр үзүм* — скороспелый виноград; *корэр козүмсэн, айтэр созүмсэн* — ласка, которую очень приблизительно можно передать дословным переводом: „ты мои видящие глаза, произносящие слова“.

В качестве сказуемого оно выражает, как отметили, предположение, вероятность действия, которое произойдет в будущем и, кроме того, она может употребляться:

а) в значение обычного, традиционного времени, чаще в пословицах, поговорках. Например: *экки күннэш эш пиширэр, истизэдэң хэм пиширэр* — (если) две соперницы готовят обед, (обычно) назло не доварят; *эшэ: миңңәнни айғь тиммэс, экки хэтиллиди қулғь* — нет покоя ногам едущего на осле, а ушам человека имеющего двух жен;

б) для выражения неоднократно повторяющегося продолжительного действия. При этом причастная форма будущего времени употребляется вместе с вспомогательным глаголом *вэр* (<*бэр*) и обычно повторяется, при повторе второй компонент может быть его синонимом или антонимом. Например: *хич муңғэ тиним йэғх, кирэ:вэрэр, чигэ:вэрэр* — нет ему покоя; заходит и выходит без конца; *колийэ китэл чүшүп қосэ, оқыйвэрэр, оқыйвэрэр, хиштимэйэ қарэмэйде* — как только попадет ему в руки книга, он читает

и читает, ни на что не обращает внимания; *биннэссэдэ(н) аччиғь чихсэ сәннэйвэрэр, жәншийвэрэр* — если она разозлится на что-либо, без конца ворчит, ругается.

В качестве определения она встречается реже формы настоящего-будущего времени на *-тигэн* || *-тикэн*, которая в этой функции вытеснила первую. Хотя отрицательная форма в сочетании с вспомогательным глаголом *бол-* употребляется часто и указывает на действующее лицо с качеством отрицательного намерения, как: *кэтмас болле* (букв. „он стал не уезжающим“) — он решил не ехать, *шү-йү шү мам жинәң гапирмас болле* — и на этом он (букв. „стал неговорящим“) перестал разговаривать со мной.

Форма на *-миш* в говоре употребляется только в составе отдельных устойчивых сочетаний, встречающихся большей частью в речи пожилых людей, как: *қълмишиңә йәрәшә, бәләм* — (это) по твоим заслугам, мой мальчик; *уни тур-гән-турмуши лоттивзлик* — сплошь и рядом его занятие — жульничество.

В составе некоторых неустойчивых сочетаний, обозначающих разные обряды, старые обычаи, встречается своеобразная форма, образованная с помощью аффикса *-ди*¹. Например: *кәлиң кодди* (*корди*) — посещение, устраивающееся после свадьбы для знакомства родни жениха с невесткой; *кийәв чәлләди* (*чәрлә + ди*) — приглашение жениха в гости в дом родителей невесты после свадьбы и сама церемония приема; *кән тәпти* (букв. „тот, кто топчет хлеб“) — неблагодарный (человек).

Итак, в говоре чаще всего встречаются причастные формы на *-гән*, *-(й) эткән*, *-тигән* || *-тикән* и (реже) на *-(ә)р*, которые также служат для образования ряда временных и модальных форм глагола изъявительного наклонения (см. „Изъявительное наклонение“). Как и в литературном языке, причастия могут субстантивироваться и употребляться в качестве любого члена предложения.

Деепричастие

В речевом потоке окончание деепричастия на *-(и)б* подвергается следующим фонетическим изменениям.

1. Если после деепричастия на *-б* следует слово с начальным гласным, то *б* в интервокальном положении спирантизируется. Однако это заместительное *в* артикулируется очень слабо, а иногда даже не замечается: *ишлә(в) отте* (*ишлаб ўтир*) — сиди занимайся.

¹ Известно, что в староузбекском языке этот аффикс является более продуктивным. См. Махмуд Қошғарий, Девону луғотит турк, т. I, Ташкент, 1960, стр. 158.

2. В этой позиции окончание деепричастия на *-иб¹* сильно редуцируется — звук *и* (или *у*) совершенно исчезает, а вместо *б* произносится слабо артикулирующий звук, нечто вроде *w*, напоминающий французский спирант в слове *trois* (*trwa*) — три, например: *бэр(и) вэйт* (*бориб айт*) — иди и скажи, *бил(и)вэллим* (*билиб олдим*) — я уже понял, выучил, научился; *қуй(у)вич* (*қуйиб ич*) — наливай и пей.

Примечание. Если в корне глагола удвоенный согласный (только в двухсложных деепричастиях), то гласный *и* || *у* перед *б* || *в* не редуцируется, а служит как бы связкой второго слова: *эттивэши(ив) йэтипто* (*ортиб ошиб ётипти*) — обильно, слишком много.

3. Если следующее слово с начальным среднеязычным *й*, то окончание деепричастия на *-б* и на *-иб* произносится еще слабее — доходит до нуля: *ойнэ(в) йүрүпто* (*ййнаб юрипти*) — играет, гуляет (в данный момент), *ишлэ(в)йэтипто* (*ишлаб ётипти*) — работает (в данный момент); *нимэ қыл(ив) йүрүпто* (*нима қилиб юрипти*) — чем он занимается; *жэҗйиңнэ от(ив) йэтийме?* (*..үтиб ётдингми?*) — ты лег на свою постель? Аналогично произносится глагольный корень, оканчивающийся на *и*, например: *оқ(ив) йүрүпто* (*ўқиб юрипти*) — он учится || читает (в данный момент), *ис(ив) йэтипто* (*исиб ётипти*) — подогревается (в данный момент).

4. В зависимости от звонкости и глухости начального согласного следующего слова (при *sandhi*) исходный звук деепричастия на *-б* по закону ассимиляции то оглушается, то восстанавливает свою звонкость, а именно в сочетаниях *б+б*, *б+д*, *б+г*, *б+з*, *б+г*, *б+р*, *б+ж* сохраняется звонкость: *элиб бэ(р)* — подай; *күлүб гәпидде* — говорил (рассказал) смеясь; *бэриб зәйнәпкә айт* — иди передай Зайнаб. Перед глухими согласными *б* оглушается: *әйтип кә(л)* — позови; *элип чиг^x* — выведи, вытащи; *эчип қарә* — открой и посмотри; *кәсип тәшләде* — он отрубил (совсем). Перед носовыми согласными *б* переходит в *м*: *ирғым минне* (*ирғиб минди*) — он вскочил (на лошадь).

5. Упрощаются и сокращаются также деепричастия на *-ә* при употреблении их вместе с вспомогательным глаголом *бэр > вэ(р)*. Здесь показатель деепричастия *-ә* произносится как редуцированный *и* || *у*, иногда *ә*, при этом второй компонент в форме повелительного наклонения теряет исходный *р* и выступает в форме *вэ* || *во*; например: *бэр(и)вэ* ||

¹ По закону губной гармонии, к глагольным корням, имеющим губные гласные, показатель деепричастия присоединяется в форме *уб > ув*.

бэр(у)во — иди (продолжай дальше итти) вместо *бэрэбэр* || *бэрэвэр*; *ойнэт(у)во* (<*ойнэтэвэр*) — продолжай забавлять, развлекать; *кэл(э)вэдде* (<*кэлэварди*) — он продолжал приходить.

6. Значение деепричастий на *-гэч*, *-кэч*, *-қач* передается в говоре описательно, конструкцией *-гәннән кэйин* || *сэгун*; например: *оқыгәннән кэйин* — после того как он прочел (прочтет), *чиққаннән кэйин* || *сэгун* — после того, как он вышел (выйдет). Такое же значение может выражаться в зависимости от контекста просто деепричастной формой данного глагола: *эдилләддикидән чиққаннән кэйин* (или *чықьб*), *бизәддикийә кириң* — после того, как выйдете из (дома) Адила, зайдите к нам.

7. В значении настоящего времени может употребляться деепричастие, образованное сочетанием деепричастия на *-(ә)й* основного глагола и *-иб* вспомогательного глагола (*й*)*э*: *қышлққа кәтәйәтип* || *кәтә: тип сәникийә йәм бйр кир(и)в отәй дәдим* — я шел в кишлак, (попутно) зашел и к тебе; *зинәдән чүшә: тип (й)иқылип кәтте* — он упал, спускаясь по лестнице.

Неопределенное наклонение глагола (инфинитив)

В говоре, как и в современном литературном языке, имеются аффиксы *-мәғ* < *мәқ*, *-(у)в*, *-у(в)*, *-(и)ш*. Сфера употребления этих аффиксов не одинакова: больше всего встречается *-(и)ш*, реже *-(у)в*, *-мәғ*. Все эти аффиксы образуют название действия, состояния и часто субстантивируются, склоняются по падежам.

Примеры: *йәйиштән-ичиштән кәми йәғ-у*, *ҳис сәмир-мәйде* — нет недостатка в питании, однако она никак не поправляется; *бизди әтти йүрүши йәхи* — у моего коня хороший ход; *әтиз чәпишкә йәрәмәсә кәрәк* — ваш конь, должно быть, не годен к бегу; *пәхтә миңәм болуп шү күллә мәлләгәйәм қарәв кам* — в связи с тем, что все внимание обращено на хлопчатник, в эти дни мало ухаживают за скотом; *пәхтә нимигдәр ишләвди тәләп қыләде* — хлопчатник требует нормального (достаточного) ухода; *эмәғди бәммәғь бә, дәгәллә* — говорят, долг платежом красен; *сән кәлип-кәтмәғ миңә(н) әвэрә* — а ты занят лишь посещениями.

В шахрисябзском говоре вместо инфинитива на *-иш* (имени действия) может употребляться основа глагола *†-(ә)ри* в такого типа фразах, как *әнни мүннәм бәх әттә-*

минам бэрвэх' турари (тур+ар+и) қълэмизс — теперь давайте договоримся вставать рано утром; *урарими, мэнэ, урари босэ урари-дэ* — если уж драться, то получай, драться так драться; *шү дэйрэдэм молту(в) отари қълэмизс* — давайте договоримся переплыть эту реку.

Сложные глаголы

Образование сложных глаголов, значение и употребление вспомогательных глаголов принципиально не отличаются от норм литературного языка¹.

Сложные глаголы в современном узбекском языке делятся на два типа: I тип состоит из имени и глагола, II тип — сочетание двух, трех, (реже) четырех глаголов, где первый компонент всегда является основным и значимым, а остальные вспомогательными. В качестве вспомогательных выступает группа глаголов, которая может самостоятельно употребляться в собственном (конкретном) значении. В говоре насчитывается более двадцати таких слов. При сочетании с основным глаголом каждое вносит в значение основного глагола определенный дополнительный оттенок, который зависит:

1) от тесной связи между компонентами, образующими сложный глагол в полном смысле этого слова. Глаголы могут сочетаться как однородные члены предложения, указывающие на два (или больше) самостоятельных действия. В таком случае сложный глагол можно отличить от глаголов — однородных членов предложения в общем контексте. Например, одно и то же сочетание, допустим, *йэглэп қолле*, в зависимости от контекста может быть сложным глаголом и может не быть им. Ср.: *уни үстийэ кэлэвткэ ухлэ(в) йэткэн укэмэм йэглэп қолле* — к тому же вдруг заплакал мой младший брат, который спал на кровати (сложный глагол с оттенком неожиданности), *үкэм, мэнэм бэрэй дэн, арқамиздэ(н) йэглэп қолле* — младший брат, желая пойти с нами, остался в слезах (букв. остался плача) (компоненты выступают самостоятельно);

2) от конкретного лексического значения основного и вспомогательного глаголов, ибо дополнительный оттенок возникает на основе первоначального материального значе-

¹ Об этом см., например: Б. Жўр'аёв; Ҳозирги замон ўзбек тилида кўмакчи фельларнинг қўлланиши ва маъноси, в кн. „Ўзбек тили грамматикаси ва пунктуацияси масалалари“, Ташкент, 1959, стр. 255—266.

ния вспомогательного глагола; чтобы передавалось сложным глаголом единое спаянное (целое) значение с дополнительным оттенком, первый компонент должен быть способным как бы откликнуться, созвучаться, воспринять в себе и поглотить основное значение вспомогательного глагола, например, не является сложным глаголом сочетание *билип тэйладе*, где два самостоятельных действия: *билип* — узнав, зная, *тэйладе* — (вы)бросил; а возможно: *дарэхти тэйидэң кэсип тэйладе* — он с корня срубил дерево (сложный глагол с оттенком полного и быстрого завершения действия), или же сочетание *ухлэ(в) йүвэдди (юборди)* вообще невозможно, а сочетается: *ухлэп қәлле, ухлэвәлле* и т. п. с различными дополнительными оттенками. Ясно, что в сложном глаголе любой из вспомогательных глаголов не может сочетаться со всяким основным глаголом, хотя некоторые из них (*қәл-, қой-, бол-*) имеют большой круг употребления и сочетаются почти со всяким глаголом;

3) дополнительный оттенок зависит также от грамматического оформления всего сочетания с точки зрения времени, наклонения и наличия залоговых показателей как в основном, так и во вспомогательном глаголе;

4) от переходности и непереходности основного глагола. Этот фактор влияет как на связь между компонентами, так и на передаваемый ими дополнительный оттенок;

5) от логического ударения. Сложный глагол находится всегда под одним логическим ударением как одна целая лексическая единица, в противном случае эти глаголы могут оказаться однородными сказуемыми в предложении, каждое со своим логическим ударением.

В зависимости от этих факторов и условий вспомогательный глагол придает основному глаголу такие дополнительные смысловые и видовые оттенки, как полная завершенность, длительность, начинательность, продолжительность, повторяемость, однократность, смежность двух или нескольких действий, указывает на внезапность, интенсивность, поспешность, случайность, заблаговременное выполнение действий и т. п.

По нашим наблюдениям, вспомогательные глаголы данного типа широко употребляются в художественной литературе и в живом разговорном языке и, разумеется, в говорах. Иногда в говоре наблюдаются некоторые отклонения от литературного языка — местная специфика, свойственная любому говору (фонетические особенности рассмотрены в разделе „Деепричастие“).

1. В шахрисябзском говоре не употребляется в качестве вспомогательного компонента глагол *бил-*, как в литературном языке (*ёза+билмоқ* — уметь (на)писать), также весьма редко встречается в составе сложного глагольного сочетания глагол *бэшлэ-*, значение которого часто передается другим вспомогательным глаголом *бэр>вэр* || *вур>вур*, хотя между ними имеется определенный оттенок: *мэни коруп дастэхэнни йэзүвудде* (вместо *ёзабошлади*) — увидев меня (как только увидела меня), она начала расстилать скатерть.

2. Вспомогательный глагол *чиқ-* (в самостоятельном употреблении „выходить“), употребляясь обычно в сочетании со словами, обозначающими ночь, передает дополнительный оттенок совершенности действия, в течение ночи (с вечера до утра). Например: *кэчэси миñе(н) йэзип чигде* — он всю ночь писал; он всю ночь занимался писанием; *шу кэчэ ухлэммэй чигдим* — эту ночь я провел без сна. Также он может выражать в составе сложного глагола дистрибутивное (распределительное) значение: *хаммэйэ бир ҳавуштэм майиз бэрип чигдиң, маңча нима бэрэсэн* — ты всем раздал по горсти изюма, а мне что дашь?

3. В говоре не употребляются сочетания *туратур*, *элкэ(л)*, как в ташкентском говоре, *элгэч кэ(л)*, как в ошском говоре, а их заменяет форма *элип кэ(л)* или *элкэ(л)* — принеси. Но встречается сочетание *тур(э)ке* — в значении „вставай!“ Во всех других случаях *кэ(л)* в качестве вспомогательного глагола сочетается с деепричастием на *-(и)б*.

4. Функцию вспомогательного глагола может выполнять глагол *сэ(л)*- — букв. „положить, класть“, чаще с основными глаголами *бэр-*, *кэл-*, которым придает оттенок быстроты, интенсивности действия. Например: *бэрэсеп* || *бэрэслип қайттим* — я пришел и тут же (немедленно) вернулся; *кэлэсеп* || *кэлэслип озини кэлэвткэ тайләде* — войдя (в комнату), тут же он бросился на кровать.

5. Усеченная форма вспомогательного глагола *қэ-<қэл-* (в самостоятельном употреблении — „оставаться“), сочетается с деепричастием на *-(э)й* всякого глагола, употребляется как бы в фамильярной форме повелительного наклонения и выражает просьбу, совет, уговор, иронически-небрежное, покровительственное отношение говорящего к предмету речи или же быстрое разрешение в осуществлении действия, а также может как бы смягчить значение (резкого) приказа, повеления.

В этом отношении она выполняет роль своего рода аффикса повелительного наклонения, передающего определен-

ные субъективные оттенки, наподобие аффикса *-гин*. Ср., например: *оқыйқо* — ну, читай же; читай (тебе никто не запрещает) и *оқыгин* — читай же (категорический приказ). Ср. еще: *ойқыс кэйэм босэ, ойгэ кир(ив) йтэқэлиң* — если вам хочется спать, войдите в комнату и ложитесь (оттенок совета); *бу рочкэ биздикийэ охшэйди-йэ, — биздики дэйқэ-лиң* — интересно, эта ручка похожа на мою ручку — лучше скажите, что это моя (ирония). Вспомогательный элемент *қэ(л)*- может сочетаться с деепричастием этого же глагола, который имеет самостоятельное значение: *бизэддикийэ қэ-лэқэлиң бу кэчэ* — лучше оставайтесь у нас в эту ночь.

Сложные глаголы первого типа отличаются от литературного языка тем, что большинство из имен, употребляющихся в качестве первого компонента, представляют собою заимствования из фарсидского (таджикского), арабского языков или специфические для данного говора слова. Второй компонент, являясь, как обычно, вспомогательным глаголом, играет как бы глаголообразующую роль. В говоре многие эти имена самостоятельно не употребляются, а встречаются лишь в составе сложных глаголов. Приведем несколько примеров: *қанти қь(л)*- — делать очную ставку; *пиң бо(л)*- — быть не в приятном настроении; *сүт қь(л)*- — воздействовать, оказать влияние (*шунчэ гәп уңчэ ҳис сүт* || *қьмәйде* — столько замечаний все равно на него ничуть не влияет); *мә: тәл бо(л)*- — ожидать (во времени); *пәннийэт бо(л)*- — быть поучительным (от *панд* — совет, нотация и *йэт* (ёд) — память); *қайт бо(л)*- — охладеть, разочаровываться; *қайт қь(л)*- — тошнить, рвать; *жэнсәрә: бо(л)*- — бадоваться.

Кроме того, в говоре имеется масса таких сложных глаголов, которые и образуются и употребляются, как в литературном языке. Однако собственно вспомогательные глаголы *эт-, әйлә-* — делать, употребляющиеся в литературном языке как синоним глагола *қил-*, в говоре отсутствуют, их постоянно заменяет глагол *қь(л)*, например: *тәк-лип қь(л)*- — предлагать, приглашать; *рә:ҳи || рәйим қь(л)*- — проявить милосердие.

Для образования подобных сложных глаголов в качестве вспомогательного глагола употребляются не только *бо(л)*- (со значением непереходности) и *қь(л)*- (со значением переходности), но и такие, которые являются как бы созвучными по значению первому компоненту, например: *нә:(х) ур-* — унижать, недооценивать; *шәпәлтәң йэ-* — терпеть неудачу; *жорә кир-* — сдружиться; *сәңңә кир-* — стать аккуратным, порядочным человеком; *сэм тәг-* — иметь вес, повышаться

в должности (с оттенком намека); *парэх-парэх кэт* — постепенно ухудшается (о состоянии больного).

По своим морфологическим особенностям (совпадение показателей дательного-местного падежа, употребление формы настоящего конкретного времени на *-эн*, и личие ряда таджикских элементов и оборотов в частях речи) шахри-сбзский говор наиболее близок к говорам самаркандско-бухарской группы, но он имеет и немало общего с морфологическими явлениями прочих говоров узбекского языка, что именно составляет его специфику, отличает от характеризующихся двуязычием говоров Самарканда, Бухары.

К числу таких наиболее отличительных особенностей относятся:

1) наличие отрицательной формы настоящего-будущего времени *-мий* наряду с *-май*, например: *ишлэ+мий+мэн*, которое характерно для ташкентского говора;

2) под влиянием ассимиляции по линии звонкости, глухости, назализации и чередования $л+n > лл$, $л+d > лл$ образуется несколько фонетических вариантов показателей падежа, как *-ни*, *-ди*, *-ти*, *-ли* для родительного-винительного; *-гэ*, *-йэ*, *-кэ*, *-қа*, *-ңэ*, *-э* для дательного-местного; *-дэн*, *-тэн*, *-нэн*, *лэн* для исходного падежа. Такое явление в ташкентском говоре имеет несколько другой характер. В родительном-винительном падеже, „в результате действия прогрессивной ассимиляции начальный звук указанного показателя (т. е. *ни* — *Б. Дж.*) полностью уподобляется согласному корня“¹ (за исключением звуков *н*, *й*, *в*, *ғ*), таким образом, получается столько фонетических вариантов, сколько имеется подвергающихся ассимиляции звуков;

3) наличие неопределенного имперфекса (многократно-длительного времени) в форме *ишлэйчийди*, характерной для говоров кыпчакского типа — бахмальского, галляаральского и пр.

В отличие от литературного языка значение форм настоящего времени *-яп*, *-ёттир*, *-моқда* в говоре выражается лишь одним аффиксом *-(й)эн*. Вообще не употребляется форма прошедшего длительного времени на *-моқда эди*.

Многие грамматические формы подвергаются фонетическим изменениям, широко действует закон ассимиляции согласных, чередование звуков и опрощение. Однако все

¹ Я. Г. Гулямов, Из наблюдений над морфологией ташкентского говора, в кн. „Узбек диалектологиясидан материаллар“, т. I, Ташкент, 1957, стр. 174.

эти особенности нужно рассматривать дифференцированно — с точки зрения возраста и профессии представителей говора. В отдельных случаях язык старшего поколения, особенно старух, резко отличается от произношения интеллигенции, молодежи. В речи старшего поколения гораздо больше фонетических особенностей, употребление своеобразных форм, как *бэрэ:тумман* вместо *бэрэмман* или *бэрип турумман*, в то время как речь интеллигенции и молодежи (учащихся) более литературна. Поэтому в говоре возникло параллельное употребление отдельных форм, как *бэрэйдим* (*борардим*) и *бэрэйчидим*; *ишлэмэйман* и *ишлэмийман*. Употребляется форма местного падежа *-дэ*, хотя не систематически, а иногда вместо дательного падежа, как *ойдэ йуриң* вместо *ойгэ йуриң* — пойдёмте ко мне домой. Все это происходит, конечно, благодаря повседневному и регулярному влиянию литературного языка через печать, радио, школу.

Приложение 1

Соответствие и распространение гласных *э* и *ә* (*a*) по слогам в шахрисябзском говоре в сравнении с самаркандским, ташкентским говорами и литературным языком.

А. Литературному *о* (*o*) в шахрисябзском говоре соответствует *ә* (*a*)

1) в односложных словах типа ОС¹ и СОС

1	2	3	4	5 ^а
о				
әв	әв	эв	ов	охота
йәв	йәв	йэв	ёв	противник, враг
йақ	йақ	йэ:	ёқ	сторона
чәт	чәт	чэт	чот	промежность

2) в первом слоге двусложных слов

а) типа ОСА и СОСА

әлә	әлэ ^а	элэ	ола	пестрый
эрә	эрэ	эрэ	ора	промежуток
әпә	әпә	эпә	опа	старшая сестра
но: әкә	әкә	экә	ака	старший брат
қара	қарэ	қэрэ	қора	черный
йәқа	йәқа	йэқа	ёқа	воротник
бәлә	бәлә	бэлә	бола	дитя, ребенок
шәддә	шәддә	—	шода	связка (о нанизанных предметах)
но: хәле	хәли	хэль	хали	еще, пока что

б) типа ОСОС и СОСОС

әман	әмән	эмән	омон	имя (мужское)
әвзэ ^с	әвзэ	эвзэ	овоз	голос

¹ С — означает согласный звук, а второстепенный гласный обозначаем буквой Г

² Цифры означают: 1—в шахрисябзском говоре, 2—в самаркандском говоре, 3—в ташкентском говоре, 4—в литературном языке (не транскрибировано), 5—перевод.

³ Звук *э* имеет некоторые оттенки позиционного характера и определенные оттенки, вытекающие из специфики каждого говора

эмач	эмэч	эмэч	омоч	соха
эдэҫ ^х	эдэқ	эдэ :	одоқ	конец
эйэҫ ^х	эйэқ	эйэ :	оёқ	нога, ноги
эрэл	эрэл	эрэл	орол	остров
эвэт	эвэт	эвэт	обод	благоустроенный, многолюдный
элэв	элэв	элэв	олов	огонь
эдэт	эдэт	эдэт эдэт	одат	обычай, привычка
(бэзэр-) очэр	(бэзэр-) очэр	(бэзэр-) очэр	(бозор-) -ўчар	базар и все, что с ним связано
йэман	йэмэн	йэмэн	ёмон	дурной, плохой
тэвэн	тэвэн	тэвэн	товон	пятка; возмещение убытков
қазэҫ ^х	қазэқ	қазэ :	қозоқ	казах
кэсэв	касэв	кэсэв	косов	кочерга
пэхэл	пэхэл	пэхэл	похол	солома
қалэҫ ^х	қалэқ	қалэ :	қолоқ	отстающий
қазэн	қазэн	қазэн	қозон	котёл
тэмэн	темэн	тэмэн	томон	сторона
қавэҫ ^х	қавэқ	қавэ :	қовоқ	веко, веки
тэвэҫ ^х	тэвэқ	тэвэ :	товоқ	блюдо
сэпэл	сэпэл	сэпэл	сопол	глиняный
мэзэр	мэзэр	мэзэр	мозор	кладбище
тэмэҫ ^х	тэмэқ	тэмэ :	томоқ	горло
сэқэв	сақав	сэқэв	соқов	немой, косноязыч- ный
мэғэр	мэғэр	мэғэл	моғор	плесень
мэхэв	мэхэв	мэхэв	мохов	проказа

Ср.

еще: нэвэй	наввэй	нэввэй	новвой	хлебопек
но: нэмэз ^с	нэмэз ^с	нэмэз ^с	намоз	намаз
сэққэл	саққэл	сэқэл	соқол	борода
бэзэр	бэзэр	бэзэр	бозор	базар

в) типа ОССА и СОССА

элмэ	элмэ	элмэ	олма	яблоко
эрқа	эрқа	эрқа	орқа	зад, задняя часть
элқа-	элқа-	элқа-	олқа-	желать добра
сэвғэ	сэвғэ	сэвға	совға	подарок
жэврэ-	жэврэ-	жэврэ-	жовра-	дрожать, болтать
бэшқа	бэшқа	бэшқа	бошқа	другой, иной
нэ вде	нэвде	нэвда	новда	побег, ветка
сэм(э)сэ	самбосэ	сэмсэ	сомса	самса (пирожок)
нэвчэ	нэвчэ	нэвчэ	новча	высокий, рослый
кэвлэ-	кэвлэ-	кэвлэ-	ковла-	рыть, копать

жәвлук
тәвлә-

—
тәвлә-

—
тәвлә-

жовлик
товла-

целиком, оптом
скручивать, согреть

Ср.

еще: хәвле
зәвчи

хәвли
зәвчи

хәвлъ
сәвчъ

хөвли
сөвчи

двор, дом
сват, сваха

г) типа ОССАС и ОССГС

әвқәт
әлмәс
әвсәр
әвсүн
әврөй
әвләғ^х
әммәр
әммүр

әвқәт
әлмәс
әвсәр
әвсүн
әвро(й)
әвләқ
әмбәр
әмбөр

әвқәт
әлмәс
әвсәр
әвсин
әврә
әвлә:
әмбәр
әмбър

овқат
олмас
овсар
овсин
обруй
овлоқ¹
омбор
омбур

пища, еда
алмаз
глуповатый
невестка
авторитет
уединенное место
амбар, склад
щипцы, клещи

әппәғ^х ||

әппәғ^х
әйнәк

әппәқ
әйнәк

әппә:
(коз)әйнәй

оппоқ
(коз)ойнак

совершенно белый
очки

д) типа СОВУС и ОСГС

сәвун
тәвус
қавун
хәвүч
тәвүғ^х
тәвүт
сәвүғ^х
зәвүр
йәвүғ^х
хәвуз^с
дәвуш
қавур-
дәвур
нәвүт
қавуш-
қавүғ^х

сәвун
тәвус
қавун
хәвуч
тәвуқ
тәвүт
сәвуқ
зәвүр
—
хәвуз
дәвуш
қавур-
дәвур
нәвүт
қавуш-

сәвун
тәвус
қәвун
хәвүч
тәву:
тәвүт
сову:
зәвүр
йәву:
хәвуз^с
дәвуш
қәвур
дәвур
нәвүт
қәвуш-

совун
товус
қовун
хөвүч²
товуқ
товут
совуқ
зовур
ёвуқ
хөвуз
товуш
қовур-
довур
нобуд бұл-
қовуш-
қобиқ

мыло
павлин
дыня
пригоршня
курица
гроб
холодно
дренажная канава
близкий
хауз, бассейн
голос
жарить
до, вплоть до
пропадать зря
соединяться
кора, конура

¹ Ср.: в древнетюркском языке аҗлақ.

² Ср.: в древнетюркском языке абус.

³ Ср.: в древнетюркском языке јаҗиқ.

Ср. еще				
хамут	хамут	хэмут	хомут	хомут
сэчэг ^X	сэчэқ	чэчу :	сочиқ	полотенце
ә : әк	эҳәк	әҳэв	оҳак	известь
өлэй-	өлэй-	эл'й-	элай-	вытаращиваться
эвут-	эвут-	эв'т-	овут ¹ -	успокаивать, утешать
эрруғ ^X	эрр'қ	эру :	ориқ	тоший, худой

е) типа СОССОС и СОССГС

йәлғән	йәлғән	йәдғән	ёлғон	неправда, ложь
чәрвәғ ^X	чәрвәқ	чәрвә :	чорбоғ	сад, дача, парк
йәннәғ ^X	йәнғәқ	йәннә :	ёнғоқ	орех
тәлқән	тәлқән	тәлқән	толқон	толокно
қапқәғ ^X	қапқәқ	қәпқә :	қопқоқ	крышка
қапқән	қапқән	қәпқән	қопқон	капкан, мышеловка
йәвғән	йәвғән	йәвғән	ёвғон	постный
шәлғам	шәлғам	шәлғәм	шолғом	репа
пәймәл	пәймәл	—	поймол	растоптанный
бәдрәк	бәдрәк	бәдрә :	бодроқ	жареная кукуруза
гәврән	гәврән	гәврән	говрон	хворостина
йәлғьз ^C				
йәлғуз ^C	йәлғуз	йәлғьз ^C	ёлғиз	один, одинокий
сәвлүғ ^X	сәвлүқ	сәвлү :	совлиқ	овца
йәстуғ ^X	йәстуқ	йәсту :	ёстиқ	подушка
шәвқун	шәвқун	шәвқ'н	шовқин	шум
пәйгир	пәйгир	пәйг'р	пойгир	закваска для теста
қапчү ^X	қапчуқ ^A	—	қопчиқ	мешочек
йәннәш-	йәнләш-	йәннәш-	ёндаш-	подходить
но рә:бәр	рә(х)бәр	рәх'бәр	раҳбар	руководитель

3) в первом слогe трехсложных слов

бәшмәлләғ ^X	бәшмәлдәқ	бәшмәлдәқ	бошмалдоқ	большой палец
тәвүстән	тәв'стән	—	—	лето
бәх'ә ; (вә)р	бәхә : р	бәхәвәр	бохабар	осведомленный
әвзәрә	әвзәрә	әвзәрә	овора	утруженный
жән(ә)вәр	жән'вәр	жәнвәр	жонивор	живое существо
тәннәтте	тәнгатти	тәннәт'тә	тонготди	рассвело
әвунчәғ ^X	әвунчәқ	әвунчә :	овунчоқ ^B	утешение, забава
қавурға	қавурға	қәвурға	қовурға	ребро

¹ Ср.: в древнетюркском языке abut-

² В шахрисябзском и самаркандском говорах означает „бумажник“, „кошелек“.

³ Ср.: в древнетюркском языке abunsi.

қавурд ^о ғ ^х қаронне йэв ^о йе элқуне	қавурд ^о қ қаронгу йэв ^о зйи элқунди	қэвурд ^о : қэронгъ йэв ^о зйъ элқъндъ	қовурдоқ қоронғи ёввойи олқинди	жареное мясо темный, мрачный дикий обмылок
қаравул ^о	қалавур	қэр ^о вул	қоровул	охранник
қажира- тэшв ^о ққа но: вэй ^и мэ	қажжъ ^э - тэшв ^о ққа вэқимэ	қэвжъ ^э - тэшв ^о қа вэқмэ	қовжира- тошбақа вақима	сохнуть, вянуть черепаша паника

4) во втором слоге двусложных слов
а) типа ГСОС и СГСОС

эйэл эсэн	эйэл эсэн	эйэл эсэн	аёл эсон	женщина здоровый
қачэн қанэт	қачэн қанэт қанэт	қачэн қанэт	қачон қанот	когда крыло
йоқат- қопэл қопэр- кэнэп но: хорэк	йоқэт- қопэл қопэр- кэнэп хорэк	йоқэт- қопэл қопэр- кэнэп хорэ :	йўқот- қўпол қўпор- каноп хўрок	терять грубый выкорчевывать кенаф, конопля пища, еда

б) типа ГССОС и СГССОС

эхшэм ойған- кетмэн хърмэн сэксэн сэ : сэн тохсэн чэ : мэн сэ: F лэм	эхшэм ойған- кетмэн хърмэн сэксэн тохсэн чекмэн сэғлэм	эхшэм уйғэн- кетмэн хърмэн сэксэн тохсэн чэкмэн сэғлэм	оқшом уйғон- кетмон хирмон саксон тўқсон чакмон соғлом	сумерки просыпаться кетмень хирман восемьдесят девяносто чекмень здоровый
---	---	---	---	--

5) во втором слоге трехсложных слов

элэқа пэлэкэт бэкэвул пэрэсэт қайэллэ-	элэқа фэлэкэт бэкэвул фэрэсэт қайэллэ-	элэқа пэлэкэт бэкэвул пэрэсэт қайэллэ-	алоқа фалокат баковуд фаросат қайелла-	связь беда повар смышленность задерживаться, опаздывать арба
но: эрэвэ	эрэвэ эрэвэ	эрэвэ	арава	

Ср.

еще: топэлэн элэмэн истизэ	тонэлэнГ элэмэн исте : зэ	топэлэн элэмэн —	тўполон оломон истехзо	суматоха, скандал толпа ирония
----------------------------------	---------------------------------	------------------------	------------------------------	--------------------------------------

Б: Литературному а в шахриябзском говоре соответствует э
 1) в первом слоге двусложных слов
 а) типа САСГ и САСГС

қэз- қши-	қэз- қши-	қаз(и)- қши-	қазн- қши-	рыть, копать чесать
Ср. еще пәке йәшир- жә : эн дәнәк нә : әр шәғәл хәриш бә : әр	пәку йәшир- жәхән дәнәк нәғәл шағәл хәриш бәхәр	пәккә йәшир- жәхән дәнәй нәх'әр — хәриш бәх'әр	пакки яшир- жахон данак нахәр — хәриш бахәр	перочинный нож ¹ прятать мир, вселенная косточка утро, рассвет шакал чесотка весна

б) типа АССГС, САССГ и САССГС

әддәп әғ'дәр-	әрдәб әғдәр-	әрдәп ағдәр-	ардоб ағдар-	мучная похлебка переворачивать, сваливать искать папка банк; банка ломить; трястись большой поднош лестница караван
әхтәр- пәпкә бәнкә қәшкә- но:кәттә бәркәш нәрвән кәрвән	әхтәр- пәпкә бәнкә қәшкә- кәттә бәркәш нәрвән кәрвән	ахтәр- пәпкә бәнкә қәқшә- кәттә бәркәш нәрвән кәрвән	ахтар- папка банка қәқша- кәтта баркаш нарвон карвон	

2) в первом слоге трехсложных слов

шәптәлә қәтирмә	шәфтәлә қәтурмә	шәптәлә қәтәрмә	шафтоли қәтирма	персик лепешка из прес- ного теста самка сплетник повод допотопный богатырь население
мәк ^и йән чәқымчи бә : әнә дәқ ^ь йүнүс бә : әдир әхлә	мәкийән чәқымчи бә : әнә дәқийнүс бәхәдур әхләи	мәкийән чәқымчә бәх'әнә дәқ ^ь йүнүс бәхәдир әхлә	макиён чақимчи бақона дақенүс бақодир ақоли	

3) во втором слоге двусложных слов
 а) типа СГСА и СГССА

мәмә бәжә жудә	мәмә бәжә жудә	— бәжә жудә жә:	мома божа жуда	бабушка свояк очень, весьма наем дядя по матери степной мак сват, сватья хна
к ^и рә тәғә ләлә қудә хинә	кирә тәғә ләлә қудә хинә	кәрә тәғә ләлә қудә хәнә	кира тоға лола қуда хина	

¹ В шахриябзском, самаркандском говорах — бритва.

Ср.

еще: ээ	ээ	ээ	аза	траур
шорвэ	шорвэ	шорвэ	шўрва	шурпа
сэққэ	саққэ	сэққэ	соққэ	шарик
хэлвэ	хэлвэ	хэлвэ	хөлва	халва
торвэ	торвэ	торвэ	тўрва	торба (мешок)
чэrvэ	чэrvэ	чэrvэ	чорва	скот
пэшнэ	пэшнэ	пэшнэ	пэшна	каблук
сэвғэ	сэвғэ	сэвғэ	совғэ	подарок
бойрэ	бойрэ бойрэ	бойрэ	бўйра	циновка
пэччэ	пэччэ	пэччэ	пэчча	зять
тиллэ	тиллэ	т'эллэ	тилла	золото
сиркэ	сиркэ	с'эркэ	сирка	уксус; гнида
пуррэ	пуррэ	—	—	полный, целый
дэйрэ	дэйрэ	—	доира	бубен

Ср.

еще: эшнэ	эшнэ	эшнэ	ошна	знакомый; приятель
ўстэ	устэ	устэ	уста	мастер

б) типа ГСАС и СГСАС

эрэс ^с	эрэз	эрэз	араз	размоловка
уйэт	уйэт	уйэт	уят	стыд
эвлэ	эvvэл эvvэл	эvvэл	аввал	сначала
ээт (котэр-)	—	ээт(котэр-)	—	свободно (поднимать)
тикэн	тикэн	т'экэн	тикан	заноза, шип
тэлэш-	тэлэш-	тэлэш-	талаш-	расхватывать; ссориться
чигэр-	чигэр-	ч'экар-	чиқар-	вывозить, вынести
пэчэг ^х	пэчэқ	пэчэ :	пачақ	измятый
мэзэг ^х	мэзэқ	мэзэ :	мазах	шутка, издёвка
кэвэк	кэвэк	кэвэй	кавак	дупло, выемка
шикэп	шикэф	ш'экэп	шкаф	шкаф
кэнэл	кэнэл	кэнэл	канал	канал
п'лэн	пилэн	п'лэн	план	план
мэжэг ^х	мэжэқ	мэжэ :	мажақ	измятый
луғэт	луғат	луғэт	луғат	словарь
но: гэрэв	гэрэв	гэрэв	гаров	залог, заклад
Ср. еще:				
эх'лэт	ахлэт	ахлэт	ахлат	отбросы, мусор

в) типа СГССАС

жэнжэл	жэнжэл	жэнжэл	жанжал	скандал
кэлхэт	кэлхэт	кэлх'эт	калхат	коршун, орёл
зүл(ум)мэт	зулмэт	зулмэт	зулмат	мрак, темнота
но: дэррэв	дэррэв	дэррэв	дарров	немедленно

4) Во втором слоге трехсложных слов

әннэвэ	эндэвэ	эндэвэ	андава	мастерок
ижэрэ	ижэрэ	ъжэрэ	ижара	наем, аренда
пэчэвэ	пэчэвэ	пэчэвэ	пачава	(дело) плохо
пэшэнэ	пэшэнэ	пэшэнэ	пешана	лоб
тэмэке	тэмэку	тэмэкъ	тамаки	табак
әннэзэ	эндэзэ	эндэзэ	андаза	мера, мерка
къзэмуғ ^х	къзэмиқ	къзэму :	қизамиқ	корь
кэмзлэк	кэмзлэк	кэмэлэй	камалак	лук, радуга
эгэйне	эгэйни	эгайнъ	огайни	друг, приятель
ситэрэ				
истэрэ	ситэрэ	истэрэ	ситора	(букв. звезда); привлекательность, симпатия
хэпсэлэ				
хэпсэлэ	хэфсэлэ	хэпсэлэ	хафсала	охота, желание
ғунэжин	ғунэжин	ғунэжин	ғунажин	телка, нетель
қайнэнэ				
қайнэнэ	қайнэнэ	қайнэнэ	қайнана	теща, свекровь
қайнэиэ				
қайнэтэ	қайнэтэ	қайнэтэ	қайната	тесть, свекор
қайнэтэ				
бэчкэнэ	бэчкэнэ	бэчкэнэ	бачкана	детский
жэмзлэк	жэмзлэк	жэмэлэй	жамалак	нитки, влетаемые в косички
пәншэх'э	пәншэха	пәйшэх'э	паншаха	вилы
сэлэвэ	сэлэвэ	сэлэвэ	селава	сок, вытекающий из засоленного мяса
дэнкэсэ	дэнкэсэ	дэнгэсэ	дангаса	лентяй
мағзэвэ	мағзэвэ	мағзэвэ	мағзава	мыльная вода
тэлвэсэ	тэлбэсэ	тэлвэсэ	талваса	сильное беспокойство
шэббэдэ	шэббэдэ	шэбэдэ	шабада	зефир
тэшвэққа	тэшвэққа	тэшвэқа	ташбақа	черепеха

5) в первом и втором слогах двух- трехсложных слов

жәйдэре	жәйдэри	жәйдэръ	жайдари	местный
нәшвэте	нәшпоту	нәшвэть	нашвати	китайская груша
лэвлэве				
лэвлэве	лэвлэву	лэвлагъ	лавлаги	свекла
эгнэ-тэтэр	эгнэ-тэтэр	ағана-тэтэр	ағана-татар	валяться татарин
эддэш	эдэш	эдэш	адаш	тезка

6) В третьем слоге трехсложных слов

тэмэшэ	тэмэшэ	тэмэшшэ	томаша	зрелище, гуляние
ғунәпшә(н)	ғунәфшә	ғунәпшә	бинафша	фиалка
мурәсә	мурәсә	мирәсә	муроса	примирение
нишәллә	нишәллә	нишәлдә	нишәлда	нишалда
харажәт	харажәт	харажат	харажат	расход
дәмуллә	дәмуллә	дәмлә	домла	домулла
искәләт	искәләт	искәләт	склад	склад
бәсәғә	бәсәғә	бәсәғә	бүсаға	порог дверей

Ср. еще:

әләмзәдә	әләмзәдә	әләмәдә	аламзада	обиженный
----------	----------	---------	----------	-----------

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ВОЗМОЖНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ И КОМБИНАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ В ШАХРСИЯБЗСКОМ ГОВОРЕ В СРАВНЕНИИ С ГЛАСНЫМИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

- и~у*—үчөк (ичак) — кишки, эрруғ^X (орик) — тоший, худой;
и~э—хэл (хил) — род, сорт, вид, экке (икки) — два;
и~э—чозэғ^X (чүзик) — протяжный, продолговатый, сэчэғ^X (сочик) — полтенце;
и~e¹—кэде (кади) — тыква, кэлле (келди) — он пришел;
и~o²—кэтэпто (кетяпти) — он уходит, оттурупто (үтирипти) — он сидит;
и~o—жүвэлдос (жуволдиз) — игла для сшивания мешков;
и~ү—кэлэптүме (келяптими?) — он идет, подходит, йстүптүлэ (ётибдилар) — он лежит (вежливая форма 3 лица);
и~э—йэ:лэмэ (ййглама) — не плачь, чэвүркэ (чигиртка) — саранча; пэмэ-дур — помидор, зэммэр (замбил) — носилки, эрэвэ г^Илэм (араби гилам) — арабский ковер;
у~o—ой (уй) — дом, двор, койде (куйди) — сгорел, рочкэ — ручка;
у~и—бирин (бурун) — нос, ср. еще: сиптэ (тадж. суфта) — гладкий;
у~é—ойкэ (уйку) — сон, қайге (қайгу) — горе;
e~и—ист^Имэл (истеъмол) — продовольствие, шикэсрихт (шикаст рехт) — повреждения, митир — метр;
э~й—кэттэйкэн (катта экан) — оказывается большой, қарэйде (қора эди) — был черный;
э~нуль—йэвде (еб эди) — он ел, кэлэйде (келар эди) — приходил бы;
э~э—бэрэкэн (бор экан) — оказывается есть, имеется, онэкке<он экке—двенадцать;
e~э—чэлэк (челак) — посуда для жидкостей, кэндил (кендир) — кендырь;
e~o—бодэнэ — перепелка, соррэймэ (серрайма) — не стой столбом;
у~э—йэ : || йэғ (йүк) — нет, не имеется, сэгун (сүнг) — потом, затем;
ү~э—жэвүттэ (жүрттага) — нарочно, умышленно;
ү~а—қавуччэғ^X (қүғирчок) — кукла, мүддэшэ (мурдашүй) — человек, который обмывает покойников;
o~э(а)—эрқа (орқа) — задняя часть, қазэн (қозон) котел³;

¹ *e* — промежуточный звук между *и* и *э*, т. е. чуть открытее *и* и более закрыт, чем *э*, но не напряженный и не краткий.

² *o* — звук средний между *о* и *у*, но краткий, слегка лабиализованный.

³ См. подробнее в Приложении 1, пункт А.

o~o—онэ (она) — мать, отэ (ота) — отец;
o~и—исрип (исроф) — бесполезная трата, ҳисип (ҳисоб) — счет;
a~э—дэнэк (данак) — косточка, жүдэ — очень, весьма, лэбир — лагерь¹;
a~и—чийэн (чаён) — скорпион, нэччи (неча) — сколько, кинник (кин-
дак) — пуп;
a~э—нэвэрэ (навара) — внук, внучка;
a~у—жүвэл (жавоб) — ответ, разрешение;
a~o—рошэн (равшан) — светлый, яркий, хороший (о зрении);
a~o—шо:лэ (шавла) — каша;
a~у—дүрра (дарра) — кожаная плеть или плеть из поясного платка для
игры.

¹ См. подробнее в Приложении 2, пункт Б.

**ВОЗМОЖНЫЕ СЛУЧАИ ОБРАЗОВАНИЯ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ
В ШАХРИСЯБЗСКОМ ГОВОРЕ
(СРАВНЕНИЕ С ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ)**

- и: (вместо *-ик-*) — эйли: ди эллим (ойликни олдим) — я получил зарплату;
 у: (вм. *-ук-*) — туйну: дэн (туйнукдан) — через отверстие;
 у: (вм. *-вибэ-*) — йү: дүм (ювиб эдим) — я помыл;
 у: (вм. *-ибэ-*) — кору: де (күриб эди) — он видел;
 у: (вм. *-аве-*) — бэру: рэмиз^с (бораверамиз) — мы ходим, мы пойдем, будем ходить;
 у: (вм. *-увиб-*) — ку: йэтэммадим (кувиб етолмадим) — я не догнал;
 э: (вм. *-эх-*) — мэ: ривэн (мехрибон) — любящий; добрый; любезный;
 э: (вм. *-эк-*) — дэ: тэр || гэ: тэр — гектар;
 э: (вм. *-эг-*) — тэ: мэ (тегма) — не трогай;
 э: (вм. *-э-*) нэ: мэжжэн (неъматжон) — имя собственное;
 о: (вм. *-ух-*) — то: мэт (тухмат) — клевета;
 о: (вм. *-ук-*) — шүлло: ме? (зудукми?) — пивка ли;
 о: (вм. *-ик-*) — үч күлло: йол (уч кунлик йүл) — трехдневный путь;
 о: (вм. *-үйк-*) — ко: нэр (күкнор) — мак; кукнар;
 о: (вм. *-үнг-*) — ко: ним (күнглим) — мое сердце; мое желание;
 о: (вм. *-ав-*) — шо: лэ (шавла) — каша;
 о: (вм. *-э-*) — но: мэнжэн (нуъмонжон) — имя собственное;
 э: (вм. *-ох-*) — никэ: дэн (никоҳдан) — от бракосочетания;
 э: (вм. *-оғ-*) — тэ: луғ жэй (тоғлик жой) — гористая местность;
 э: (вм. *-оқ-*) — эйэ: йэлэн (оёқ яланг) — босиком;
 э: (вм. *-аҳо-*) — тэ: рэт (тахорат) — ритуальное омовение;
 э: (вм. *-он-*) — қэ: хор (қонхўр) — кровопийца;
 э: (вм. *-оға-*) — тэ: млэддики (тоғамларцики) — у моего дяди (вежливая форма);
 э: (вм. *-об-*) — эптэ: рэйэ (офтобрўя) — солнечная сторона;
 э: (вм. *-оғи-*) — эйэ: мнэ кэттэйкэн (оёғимга катта экан) — они, оказывается, мне велики (об обуви);
 э: (вм. *-аҳ-*) — бэ: рэм (бахром) — мужское имя;
 э: (вм. *-ак-*) — йэ: лух (тадж. яклухт) — целиком; оптом;
 э: (вм. *-ағ-*) — дэ: дэға (дағдаға) — крик, угроза;
 э: (вм. *-аэ-*) — тэ: дэн (тагдан) — снизу;
 э: (вм. *-ақ-*) — эрэ: ме (арақми?) — водка ли;
 э: (вм. *-анг-*) — экэ: нике (акангники) — (вещь) твоего старшего брата;
 э: (вм. *-уҳа-*) — мэ: бэт (муҳаббат) — имя собственное;
 э: (вм. *-уаз-*) — мэ: зэм (муаззам) — имя собственное;

- ә: (вм. -акә-) — кэрә:кән (керак экан) -- оказывается, надо;
- ә: (вм. -убо-) — эйт^и йә:рипто (айтиб юборипти) — он приглашал;
- ә: (вм. -оҳа-) — бә:лвәт (*тадж.* боҳаловат) — спокойно; приятно;
- ә: (вм. -аҳу-) — бә:зүр (*тадж.* баҳузур) — без стеснения; вполне;
- ә: (вм. -анга-) — йә:бийе (янгабие) — обращение к жене брата или дяди;
- ә: (вм. -ага-) — кормә:нУ муш (кўрмаган эмиш) — будто он не видел; говорят, что он не видел;
- ә: (вм. -ава-) — бәх'ә:р бо (бохабар бўл) — „будь осторожным“;
- ә: (вм. -ә-) — тә:нә (таъна) — упрек;
- ә: (вм. -ақт-) — бәрвә:рәг^х (барвақтроқ) — чуть раньше.
-

**ВОЗМОЖНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ И КОМБИНАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
СОГЛАСНЫХ В ОСНОВАХ, АФФИКСАХ И В УСЛОВИЯХ SANDHI
В ШАХРИСЯБЗСКОМ ГОВОРЕ (СРАВНЕНИЕ С СОГЛАСНЫМИ
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА)**

- б~п — пухэр халкъ — люди Бухары; полкэ нэн — булка, хлеб;
 п~б — бичэрг^х || пичэрг^х — нож, биште || пиште — сварилось, готово;
 п~м — х'имчэ — веточка; обладающий тонкой талией;
 в~п — х'эспэк (хасва) — черепашка, эктип — актив;
 в~р^х — тумэрг^х (тумов) — насморк;
 в~м — х'имич (хивич) — ветка, хэжим (хажв) — насмешка;
 ф~п — регулярно;
 ф~в(в) — лэвиз (лафз) — честь, слово, эвгэн — афганец;
 ф~б || в — эбээл || эвээл — лучший, превосходный;
 т~д — дэвуш — голос;
 с~ш — шүпүрге — веник, шүвэдим — заштукатурил;
 с~ч — чичқэн (сичқон) — мышь;
 с~з — зэвчи (совчи) — сват, сваха;
 ж~ж — инжинир — инженер;
 ш~ч — чуғүллэнэде — он занимается;
 ч~с — сэчэрг^х (чочиқ) — полотенце;
 ч~ж — жәннэлзэр — заросли колючих кустарников, жимир- (чимир-) —
 хмурить, сдвигать (брови); насторожить (уши);
 х~х — хинэ — хна, кэлхэт — орел;
 х~х' — х'эчир — мул, х'эйрийэг — хорошо, что;
 х(с)~х — лахым (рәл) — мякоть, перен. удача; удачная работа;
 х~нуль — пэйгэ — (пойгах) — место у дверей в комнате (не почетное);
 х~к — мәнэк (тадж. монах) — подбородок, нижняя челюсть;
 м~н — нэвэдэ (мабодо) — в случае, если;
 г~г — гьрэм — грамм, вэгэн — вагон;
 г~д — диктэр — гектар;
 н~р — жүвэрмэк (жувонмарг) — умерший в молодости;
 н~ң — топэлэн (түполон) — суматоха, шум;
 н~л — лэддэн (нордон) — кислосладкий;
 нг~гн — эғнәмәдим (онгламадим) — не понял;
 нг~г — сэгрэ (сүнгра) — потом, затем;
 л~нуль — ке (кел) — давай; приходи, эмә (олма) — не бери;
 л~н — нэкин || нэкилик (лекин) — но, однако; а то;
 л~р — зэммэр (замбил) — носилки, мүсүрмэн — мусульманин;

p~нуль—бе (бер) — отдай; бэгин (боргин) — иди же, этил — артедь;
p~л—қалмэҕ^х — удочка, сэлимсэҕ^х — чеснок;
p~лл—қалт^н лләмэ (қалтирама) — не дрожи;
p~н—номэл — платок, сәвсэн (сапсар) — фиолетовый;
p~й—сийпәнчүҕ^х (сирпанчик) — скользкий, бэрайкән > бэрэркән (ср.
ташк. — бэрә:кән) — он пойдет;
p~:—бэ: (бор) — есть, имеется, бэ:гә кә (<бэргә<бу ерга) — иди сюда;
нг~нуль—козиз <козиниз — ваши глаза, эштиз <эштиниз — вы от-
крыли;
нг~й—тәпсәйиз <тәпсәниз — если вы найдете, сийним (синглим) — моя
младшая сестра; сестренка, бэрийлә <бэринлә — идите;
н~ң—оң к^н ши <он к^н ши — десять человек;
х~й—рәйим (раҳим) — имя собственное, сийзәдән (сиёхдон) — черниль-
ница;
п~б—гәбдән <гәпдән — красноречивый, умеющий хорошо говорить, но
гәптән — от разговора;
д~й—сийрип тәйлә (сидирик ташла) — вытирай, сотри;
з~й—сойлә (сүзлә) — говори, рассказывай;
ш~й—тәйлә (ташла) — бросай, кинь;
ш~ч—шириш (сирач) — сапожный клей, қариш (қарич) — пядь;
б~й—сәл^н мәбийе (Салима биби) — имя собственное;
би~й—бийшәшәмме (Биби Сешанба) — „Госпожа Вторник“;
б~в (регулярно в интервокальном положении) — зәрвә (зарба) — удар;
б~м—мүнчә м^н нән (бунча билан) — имея столько...;
л~д—бэрәйдүк (борайлик) — а ну-ка пойдем, сохдим;
п~в—гәвләштим <гәпләштим — поговорил, договорился;
в~в — сәвғә (совға) — подарок, элзв (олов) — огонь;
в~нуль—йүдүм <йүвдим — вымыл, мэрәк < мувэрәк < мубэрәк — позд-
равление;
ав~о:—шо:лә (шавла) — каша;
д~нуль—бәлән (баланд) — высокий, х’үссән (хурсанд) — веселый;
д~т—дәт (дард) — боль; родовые схватки; тәштән < тәшдән — из камня,
но: тәшдур — вероятно, камень;
нгд~ңн—чәннән <чәндән — от пыли;
нд~нн—сәннән <сәндән — от тебя, кинник (киндак) — пуп, пупок;
чд~шт—қәште <қәчди — он убежал, сәштән <сәчдән — от волос;
лд~лл — эллин < элдин — сперва, сначала, чәлдән <чәлдән — от старика;
дж~жәж—сәмәжжән <сәмәджән — имя собственное;
рд~тт — кәкиттәк <кәкирдәк — кадык;
т~нуль — жүп (жуфт) — пара, чәвүркә (чигиртка) — саранча;
тд~дд—әддәш <әтдәш — одноименный, тезка;
тч~чч—әччот — отчет, дәччил <дә(р)тчил — восприимчивый к болезням;
тл~лл—хәллә <хәтлә — прыгай, қуллуҕ^х <қутлуҕ^х <спасибо, благо-
дарю;
тс~сс—шүннәғ оссәйиз <шүндәқ отсәниз — если так придете;
ж~ч—кочә (гүжа) — вид кушанья;
ж~ш—хәшләдим <хә(р)жләдим — израсходовал, купил;
ж~й—мәйлис (мажлис) — собрание;
й~нуль—игиччә <йигитчә — парень, молодой человек, үч ил <үч йил—
три года;
д~й—бәйимжән (*тадж.* бодимчон || бодинчон) — баклажан;
з~в—чәвүркә (чигиртка) — саранча;

й~ч—чэчип қой (ечиб қўй) — сними (об одежде);
г~й—дәрәхти тәйи йә бәрийлә—идите под дерево, кийи з — войлок;
к~:—ко:рәк (кўкрак) — грудь, эркә:ме (эркакми) — мужчина ли?
к~г—горә (кўра) — жаровня, тәгин — бесплатно;
ғ~в—қавурмәч (қўғирмоч) — жареная пшеница;
х~қ—қубба (хутба) — молитва, читаемая при заключении брака; мәсқа-
 равәс — клоун, шутник, шу ваққачә — до сих пор;
т~ч—чүшүннүм — я понял, чиш—зубы;
чс~сс—үссом < уч сом — три рубля, иссүн < ичсин — пусть он выпьет;
зч~чч—қоннүччә < қўнғизча — жучок, но: у сисчәлиг әмәс — он не таков,
 как вы;
зс~сс—йүссом < йүз сом — сто рублей, түссә < түз сә — посолы;
з—нуль—бә (боз) — еще, опять, с^и лә < сизлә — вы;
зт~тт—тәттәз йүр < тәз-тәз йүр — ходи побыстрее;
зч~чч—орүччә — орусчә — по-русски;
шт~шт—бәхтәштәвәккәл (< бахт аз таваккал) — действовать на авось;
с~ш—шәмши < шәмси — имя собственное;
с~й—кәмәймуш < кәмәсмүш — он, оказывается, не придет;
шч~чч — иччи < ишчи — служащий;
ч~ш—чүшвәрә < чүчвәрә — пельмени, үштә < үчтә — три штуки;
к~г—әллигәлтә < әллик әлтә — пятьдесят шесть;
к~х—тәхчә (точка) — ниша у стены комнаты, чирәйлих хәтин < чирәй-
 лик хәтин — красивая женщина;
к~ғ— би р күллүғ ғайрат < би р кунлик ғайрат — однодневный труд;
к~қ—әшәқ қанә < әшәк қанә — где осел?, кушхәнә (кушхона < кушиш-
 хона) — бойня;
қ~ғ^х (в исходном положении в, многосложных словах — регулярно):
 қулғ^х — ухо, уши; йәғ^х — (йўқ) — нет, не имеется;
қ~ғ—чиғьп кәтте — он вышел;
ғ~х—ихвәл (иқбол) — счастье, хаппәй- (қаппай-) — разбухать;
ғ~х—зәхчә (загча) — галка, тәх сәри — сторона, обращенная к горе;
нғ~ңң—йәнноғ^х (ёнғоқ) — орех;
хк~кк—мәккәм (маҳкам) — плотный, закрытый, дәмгәкк^и нәйә (дамгаҳки-
 нага) — в переднюю часть (двора, дома);
хд~дд—жәддү-жәдәл (жаҳт-жадал) — усердие, старание;
мг~мң—хәкимнә < хәкимгә — Хакиму;
нг~ңң—хәсәннә < хәсәнгә — Хасану;
нгг~ңң—чәңнә < чәңгә — в пыль;
мд~мн—қолүмнән < қолимдән — из моих рук;
мб~мм—әммәр (омбор) — амбар, склад, доммул < думбул—недозревший;
н~д — түздә < тузни — соль, йәғдә < йәғни — масло, қәддә < қәрни —
 снег;
н~т—қәптә < кәпни — мешок, миҳтә < миҳни — гвоздь;
лн~лл—х'әлиллә < х'әлилли — Халилия, чәллә < чәлли — старика;
н~м—шәмме < шәнбә — суббота, нәм бәме < нән бәме — хлеб есть?
тб~бб—қуббә < (хутба) — молитва, читаемая при заключении брака;
лр~рр—әвәррәғ^х < әвәлрәғ^х — чуть раньше;
тн~нн—қышләққа мәшин қаннәйдә — в кишлак ходит машина;
нл~лл—хәтуллә — женщины, бөр күллү: йол — однодневный путь;
нгл~:н — ко:не < конли — его сердце, желание;
рд~дд—коддим < кордим — я видел;
рч~чч—бир пәччә < бир пәрчә — один кусок;
рч~жж—ойди бир бүжжи (бурчи) — угол комнаты;

ржс~*чч*—хэйитқаччи < хэйитх'эржи — деньги, даваемы в праздники детям
 в качестве подарка;
рт~*тт* — тоттинчи < тортинчи — четвертый;
рл~*лл*—қалла эрисүн < қарла эрисүн — пусть растает снег;
рс~*сс*—хэссепэр < хэрсепэр — каждый раз;
рн~*нн* — биннэ < бирне — его нос;
рз~*зз*—эззэннэ < эрзэндэ — любимчик;
ржс~*жжс* — хожжүн < хоржүн — переметная сума;
рн~*дд*—бээлдэ < бэээрне — базар;
рш~*шш*—қашши < қарши — Карши;
рм~*мм*—бэммэ < бэрмэ — не ходи, бэммэ < бэрмэ — не давай;
рз~*дд* — вэддиш (*тадж.* варзиш) — испытание сил, тренировка (по нац.
 борьбе).
-ни~нуль — тэббе < тэпиббе — найди;
ғб~*лғ* — чэлғут (*тадж.* чағбут) — старая вата;
лм~*мм*—бэрэмиймэн < бэрэлмиймэн — не могу идти;
-ви~нуль — йүх'сиз < йүвиқсиз — не чистый, не мытый;
г~:—тэ:лик < тэглик — глубокий;
ғ~:—тэ:дэн нэре — тэғдэн нэре — по ту сторону горы;
қ (> *гх*)~: -эйэ:йэлэн < эйғғх йэлэн < эйққ йэлэн — босые ноги;
х~:—хэ:лэсэң < хэхлэсэң — если хочешь;
в~:—чү:үн (*чивин*) — муха.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Фонетические изменения в падежных аффиксах при склонении имен (в ед. числе), оканчивающихся на согласные звуки (комбинаторные изменения согласных)

1	2	3	4		5		6	7		8		9	10		11
			Стечение согласных при склонении в говоре		Стечение согласных при склонении в лит. языке			В дательном падеже		Стечение согласных при склонении в говоре			Стечение согласных при склонении в лит. языке		
пэхтэ кыз кэр эзв чэй тэж бэр дүг элэ но: тэк китэл сч мых гүно(х)	хлопок девушка снег огонь чай корона сад веретено сито вино-градник книга волосы медь гвоздь грех	пэхтэне кызде кэрде элзде чэиде тэжде бэрде дүгде эла:де тэкте китэпте сэште мыште гүнохте гүно:де йэлде иште тохте	не эд дд вд йд жд гд гд :д долгота и д кт п(б)г шт ст хт хт :д дд шт хт	ни эн рн вн йн жн гн кн кн кн бн чн сн хн хн дн шн кн	пэхтэгэ йэ кызгэ кэргэ элзвгэ чэйгэ тэжгэ бэжжа дүккэ элэккэ тэккэ китэлкэ сччэ мыкка гүнохкэ гүно:гэ йэлгэ ишкэ тоққа	гэ йэ зг рг вг йг жг кк кк кк кк п(б)к чк ск кк хк :г дг шк кк	га зг рг вг йг жг кк кк кк кк бг чг сг кк хг дг шг кк	пэхтэлэн кыздэн кэрдэн элзвдэн чэйдэн тэждэн бэрдэн дүгдэн эла:дэн тэктэн китэлтэн сэштэн мыштэн гүнохтэн гүно:дэн йэлдэн иштэн тохтэн	дэн эд рд вд йд жд гд гд долгота и д кт п(б)г шт ст хт хт :д дд шт хт	дан эд рд вд йд жд гд гд кд кд бд чд сд хд хд дд шд кд					

Продолжение приложения 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
тэл тэм нэн чэн	ива крыша лешёшка пыль	тэллэ тэмнэ нэннэ чэцнэ	лл мн нн нн	лн мн нн нгн	тэлгэ йэ тэмнэ нэннэ чэцнэ	лг лй мң нң нң	лг мг нг нгг	тэллэн тэмнэн нэннэн чэцнэн	лл мн нн нн	лд мд нд нгд	
Резюме											
а) После звонких <i>з, д, р, в, й, ж, з, ф</i> , а в многочисленных словах после глухого <i>к</i> аффикс <i>-ни</i> присоединяется к именам в форме <i>-де(ли)</i> ;				а) После звонких <i>з, д, р, в, й, ж, л</i> , аффикс <i>-га</i> присоединяется в форме <i>-га</i> , после гласных <i>-га</i> <i>йэ</i> ;				а) после гласных и звонких согласных <i>з, д, р, в, й, ж, ф</i> и после <i>к</i> (в сложных словах) аффикс <i>-дан</i> присоединяется в форме <i>-дан</i> ; не изменяется;			
б) После глухих <i>л, ч, с, х, ш, ц, т</i> и <i>к</i> (в односложных словах) аффикс <i>-ни</i> присоединяется в форме <i>-те(ти)</i> ;				б) После глухих <i>л, к, с, х, ш, ц, т</i> , и звонкого <i>з</i> (в односложных словах) аффикс <i>-га</i> присоединяется в форме <i>-ка</i> ;				б) после глухих <i>л, к, с, х, ш, ц, т, х, қ</i> — в форме <i>-тан</i> ;			
в) После гласных и носовых согласных аффикс <i>-ни</i> не изменяется;				в) После заднеязычных <i>р, қ</i> , <i>х</i> — в форме <i>-қа</i> ;				в) после носовых <i>м, н, ң</i> — в форме <i>-нэн</i> ;			
г) После шелевого согласного <i>л</i> аффикс <i>-ни</i> присоединяется в форме <i>-ле(ли)</i>				г) После носовых <i>м, н, ң</i> — в форме <i>-қа</i> ;				г) после <i>л</i> — в форме <i>-лэн</i>			

1 При присоединении к этим словам аффикса *-ни*ли происходит аналогичное изменение.

2 При присоединении к этим словам аффиксов *-гэча*, *-гинэ* происходит аналогичное изменение.

3 При присоединении к этим словам аффикса *-дир* конечные согласные имен и начальной *д* не изменяются.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Фонетические изменения в глаголах

Глаголы	Перевод	При спряжении	Условное наклонение	Отрицательная форма	При присоединении аффиксов -гэн, -гин, -гунчэ, -гэни
ишлэ- йэр- но бе(р)-	работать колоть давать	ишлэде йэддим бэддим	ишлэсэ йэссэ бэссэ	ишлэмэ йэрмэ бэммэ	ишлэгэн йэргэн бэргэн, но бэгин
туғ- туғ- қой- эк- тэп- йү(в)- ич- қус- тэш-	рожать завязывать ставить сеять находить мыть пить рвать продыря- вить	туғдин туғде қойдик эктиз тэпте йүдим иштиң кусте тэштиқ	тухсэ түксэ қойсэ эксэ тэпсэ йүсэ ишсэ иссэ қуссэ тэшсэ тэс- сэ	туғмэ түғмэ қоймэ экмэ тэммэ йүмэ ичмэ қусмэ тэшмэ	туққан түккэн қойгэн эккэн тэпкэн йүгэн ичкэн қускэн тэшкэн
йэқ- но чиқ- кэт-	жечь выходить уходить	йэхтиз чигдим кэтте	йэхсэ чихсэ кэтсэ кэс- сэ	йэхмэ чигмэ кэтмэ	йэққан чиққан кеткэн
сэ(л)-	наливать, класть	сэллим	сэ(л)сэ	сэ(л)мэ	сэ(л)гэн
тил- йүм- мин-	резать закрывать садиться на...	тиллиң йүмне минним	тилсэ йүмсэ минсэ	тилмэ йүммэ минмэ	тильгэн йүмнэн миннэн

При прибавлении аффикса мн. ч. -лэ(р) к именам, оканчивающимся на согласные, происходит изменение в следующих случаях: бэээр — базар — бэээллэ: эшэк — осел — эшэ:лэ: но: ток — виноградник — токклэ; китэп — книга — китэвлэ, но: чоп — палка — чоплэ; тоқ — сытый — тохлэ; қыш-лэ^х (қишлоқ) — кишлак — қышлэ:лэ; нэн — лепешка — нэллэ.

В присоединении аффиксов принадлежности к именам по сравнению с литературным языком никакой разницы не наблюдается; т. е. после к и қ (в односложных и многосложных словах) происходит аналогичное изменение: тэжим — мой виноградник и элэгим — мое сито; хэқым — моя доля, мое право и қышлэгым — мой кишлак.

**ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ ШАХРИСЯБЗСКОГО ГОВОРА АФФИКСЫ,
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИ ИХ УПОТРЕБЛЕНИИ**

- дси*. Присоединяется к основе глагола и образует причастие будущего времени. Употребляется вместе с вспомогательным глаголом *бол-*, реже *қъл-*; например: *шүбүгүн дәрәз ойләйвүрү(в) эх' - ири озум бәрәси боллум* — думала и думала целый день и наконец решила поехать сама; *оләси қъл(ив) үдде* — избил до смерти.
- (ә) ри*. Присоединяется к основе глагола и образует имя действия с оттенком договоренности, обусловленности: *хәр пәшин үхләри қъләмиз, энне* — теперь договоримся (между собой) спать каждый день после обеда.
- (ә)йдук*. Присоединяется к основе глагола. 1. Соответствует аффиксу *(а)йлик* в литературном языке, образующему повелительное (желательное) наклонение 1 л. ед. числа. 2. Соответствует форме прошедшего многократного времени литературного языка *-(а)р эдик* 1. л. мн. числа. Следовательно, *бәрәйдук* соответствует 1) *борайлик* — пойдем-ка мы и 2) *борар эдик* — мы ходили, хаживали.
- гә*. Аффикс дательно-местного падежа, имеет фонетические варианты: *-кә, -қа, -ңә, -йә, -ә* (см. „Дательно-местный падеж“).
- гәв-*. Присоединяясь к именам существительным придает им значение „крупный, больший среди однородных предметов“, выделяющихся общим названием. Этот аффикс по своему значению контрастирует с аффиксом уменьшения *-чә*. Примеры: *гәв-зәммүр* (от *заммүр* — оса) — крупная оса, шершень; *гәвсүрхак* (от *сүрхак* — скороспелый сорт винограда) — крупный скороспелый сорт винограда.
- гән*. Аффикс причастия прошедшего времени, имеет фонетические варианты: *-кән, -қан, -ңән, -йән*. (См. прошедшее причастное время).
- гәй*. Малопродуктивный аффикс. Употребляется в такого типа предложениях, как *гәрәв ми нән би р мәрәкә бомәгәйки, бү киши хозир бомәсәлә || бомәгәйлә, әлбәттә шәргә болләлә* — нет такого случая, чтобы не появился на каком-либо угощении, он обязательно будет там.
- гинә*. Аффикс *-гинә* с фонетическими вариантами *-кина, -қьна, -ңьна, -йна*, по сравнению с литературным языком, в говоре имеет

весьма широкий круг употребления и в зависимости от контекста выражает различные субъективные и эмоциональные отношения говорящего к объекту речи. Употребляется со всеми знаменательными разрядами слов и с отдельными послелогами (*сэңнэ охшайаңнэ, озиңнэ йарашийнэ* и т. п.). Употребляясь вместе с прилагательными, наречиями, числительными, причастиями на *-гэн*, передает значение уменьшения, ослабления качества или ограничения. Иногда при употреблении с причастиями на *-гэн* играет роль дифференциатора (например, различает прилагательное от глагола: *у бэлэ кулуп тургэньнэйкэн* — тот мальчик, оказывается, веселый; *у бэлэ кулуп тургэнакэн* — тот мальчик смеялся [в то время], оказывается) слов по смыслу. Примеры на употребление вместе с существительными, местоимениями, деепричастиями и пр.

эттам^и наңньна түссэң, йаңнь үзилгэн нэңньна м^и нэн-қаймаққна босэ — встаешь рано утром и тут бы тебе сметанки со свеженькой лепешкой, *сэңньнэйэ нэччи гйттим шугинэйэ эзб бэммегин дэп* — я ведь не раз тебе говорила, что не мучай его, *ойнаккна отте* — сиди, поиграй.

-дэн. Аффикс исходного падежа, имеет фонетические варианты: *-тэн, -нэн, -лэн* (См. „Исходный падеж“).

-ди. Аффикс спряжения прошедшего категорического времени имеет фонетические варианты: 3 л. ед. и мн. числа: *-ти (-те), -ни (-не), -ли (-ле)*; 1 л. ед. числа: *-дим, -тим, -ним, -лим, -дум, -тум, -нум, -лум*; 1 л. мн. числа: *-дик, -тик, -ник, -лик, -дук, -тук, -нук, -лук*; 2 л. ед. и мн. числа: *-дин, -диз, -дийлэ, -дизлэ, -тиң, -тиз, -тийлэ, -тизлэ, -ниң, -низ, -нийлэ, -низлэ, -лиң, -лиз, -лийлэ, -лизлэ*. (См. „Прошедшее категорическое время“).

-дэк (-дэ), -тэк(-тэ), -нэк (-нэ), -лэк (лэ) — фонетические варианты, соответствующие аффиксу *-дек* || *-дай* в литературном языке

-дур (для 1 л.: *-дур+мэн, -дур+б^изэ*), **-ду** (для 2 л.: *-ду+сэн, -ду+сиз, -ду+с^илэ*), **-до** (для 3 л., но перед *лэ* в форме *-ду+лэ*) — фонетические варианты аффикса *-дир*, выражающего оттенок предположения, неуверенности, а в словах *кимдо, нимэдо, қэргэдо* употребляется как аффикс сказуемости.

-дэ:чикин, -нэхчикин. Присоединяясь к местоимениям, образуют наречия: *мэннэхчикин* — такой как я, подобно мне; *с^илэдэ:чикин* — такие как вы, подобно вам.

-ди, -ти. Присоединяясь к основе глагола, образуют причастия в таких сочетаниях, как: *кэлин кодди* (<*кор+ди*) — угощение, устраиваемое для знакомства родни и знакомых жениха с невестой после свадьбы; *нонтэпти* — неблагоприятный.

-йткэн, -эткэн, -ткэн — фонетические варианты, соответствующие аффиксу причастия настоящего времени *-этган* в литературном языке. А форма на *-диган* литературного языка в говоре употребляется, как *-тигэн, -тикэн*. (См. „Причастия“).

ким- Присоединяясь к местоимениям, образует неопределенное местоимение: *кимн^и мэ* — кто-то, *кимқанчэ* — сколько-то и т. п.

-лар. Аффикс множественности, имеет фонетические варианты: *-э, -лэ.*

-лик. Аффикс, образующий имена существительные и прилагательные, имеет фонетические варианты: *-лиғ, -луғ, -ли:, -лу:*.

-ни. Аффикс родительного-винительного падежа, имеет фонетические варианты: *-ди, -ти, -ли.*

- н-ики*. Аффикс, образующий самостоятельные притяжательные местоимения, имеет фонетические варианты: *-дики*, *-тики*, *-лики*.
- (ә)вэрә*. Присоединяясь к количественным числительным (от двух до семи), образует разделительные числительные.
- сә + рәх*. Присоединяясь к наречиям времени, придает оттенок приблизительности, неопределенности: *т^и рәмсәрәх* — к осени, *пэшинсәрәх* — к обеду.
- их + сиз*. Присоединяясь к основе глагола, образует прилагательные: *хиштимәйә бәрихсис хәвли* — букв. „двор, ничем незаменимый“ (хороший, превосходный).
- чә*. Кроме функции, выполняемой в литературном языке, присоединяясь к слову — обращению и междометию, выражает оттенок поспешности (действующее лицо как бы заставляет торопиться кого-либо, не дает покоя ему, просит выполнить что-либо и т. п.); *әпә-чә-әпә дэп чәк^б рәвэриб гәрәң қьлле* — он надоел нам, все вызывая свою сестру; *элиң-чә-элиң, дэп қоймәди* — он все заставлял, говоря „возьмите же, возьмите“.
- чийди*. Аффикс прошедшего продолжительного, многократного времени (неопределенного имперфекта), соответствует в литературном языке форме *-(а)р әди*; например: *бэрәйчийдим* — я ходил, хаживал (см. указанное время).
- чилик*. Присоединяясь к инфинитивной форме глагола на *-мәк*, вместе с вспомогательным глаголом *қь(л)* образует особое фразеологическое сочетание с оттенком выражения наивысшего качества действия: *бәләйс шүннәғам йә^б :ләмәхчилик қьллики...* — так (до такой степени) плакал ваш ребенок, что...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	5
Фонетические особенности говора	15
Вокализм	—
Долгота гласных	29
Стечение гласных	35
Гармония гласных	37
Дифтонги	38
Консонантизм	39
Характеристика согласных	40
Другие фонетические явления	66
Опрощение групп согласных и сокращение слов	67
Ударение	71
Морфологические особенности говора	75
Имя существительное	—
Послелог	87
Служебные имена	92
Словообразование имен существительных	93
Имя прилагательное	95
Имя числительное	100
Местоимение	105
Наречие	111
Союзы	117
Частицы	121
Междометия и мимемы	124
Модальные и вводные слова	128
Глагол	132
О глагольных аспектах	—
Наклонение	134
Настоящее конкретное время	136
Настоящее-будущее время	141
Будущее предположительное время	143
Простые формы прошедшего времени	143
Прошедшее категорическое время	—
Прошедшее причастное (законченное) время	146
Прошедшее субъективное время	150
Сложные формы прошедшего времени	152
Давнопрошедшее время I	—

Давнопрошедшее время II	153
Прошедшее незаконченное время	155
Множественное-длительное время	156
Модальные слова <i>экан</i> и <i>эмиш</i>	158
Повелительное наклонение	162
Желательное наклонение	164
Условное наклонение	166
Причастие	168
Деепричастие	170
Неопределенное наклонение глагола (инфинитив)	172
Сложные глаголы	173
Приложение 1	179
Приложение 2	187
Приложение 3	189
Приложение 4	191
Приложение 5	195
Приложение 6	197
Приложение 7	198

Джураев Б.

Шахриябзский говор узбекского языка.
(Фонетико-морфологический очерк). (Отв. ред.
канд. филолог. наук Ш. Ш. Шаабдурахманов).
1964.

Т.

202 стр. (Акад. наук УзССР. Ин-т языка
и литературы им. А. С. Пушкина).

4Уз

Редактор *Д. Машаринова*
Технический редактор *Х. Карабаева*
Корректор *Р. И. Тимошева*

P01033. Сдано в набор 10/XI-1963 г. Подписано к печати 10/II-1964 г.
Формат 60×90^{1/16}-6,38 бум. л.—12,75 печ. л. Уч.-изд. л. 11,7.
Изд. № 585/62. Тираж 1200. Цена 70 к.

Типография Издательства «Наука» УзССР, Хорезмская, 9. Заказ 1381.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
9	20 сн.	Сурхандарьинской	Кашкадарьинской
15	4 св.	у (у)	у (у)
47	3 св.	қўши	қўште
47	11 св.	эсэллэн	эсэллэн
65	11 св.	ши : г	ши : ч
77	21 сн.	к о ределенному	к определяемому
100	16 св.	сематически	семантически
118	5 сн.	كىنت مريدا	كىنتلەريدا
132	2 сн.	кормай < кормэй	кормий < кормэй
177	14 сн.	имперфекса	имперфекта
186	5 св.	пэшэнэ пэшэнэ	пэшэнэ пэшэнэ
198	4 св.	- дси	- әси

Зак. 1381.

4Уз
Д42

Джураев Б.

Шахриябзский говор узбекского языка.
(Фонетико-морфологический очерк). (Отв. ред.
канд. филолог. наук Ш. Ш. Шаабдурахманов). Т.,
1964.

202 стр. (Акад. наук УзССР. Ин-т языка
и литературы им. А. С. Пушкина).

Тираж карт 4000.

№ 336—64.

Гос. Б-ка УзССР им. А. Навои.

4Уз

Д42

К зак. 1381